

Вокруг
Света

№-2

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВЛКСМ

Журнал революционной романтики, приключений, путешествий, научной фантастики и краеведения

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1941 г.

★

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Восемнадцатая Всесоюзная конференция ВКП(б)	1
А. С. Аллилуева. В годы подполья	2
В. Зубакин. В джунглях Уссурийской тайги	12
Н. Богданов. Хитрый «Бленхейм»	26
Морис Леблан. Шкаф мадам Эмбер	29
Н. Томан. В горящем вагоне . .	32
Бела Иллеш. Албанцы	33
Р. Глан. По морям и землям . .	34
Н. Алексеевский. Петрусь из Каховки	39
Б. Казанский. Из-под пыли веков	43
И. Котеленец. Среди обезьян .	47
С. Бондарин. «Завоеватели» .	48
А. Платонов. Путешествие в страну удэхейцев	49

На обложке: Метехский замок — рисунок заслуженного деятеля искусств В. Е. Татлина к воспоминаниям А. С. Аллилуевой «В годы подполья».

В номере рисунки: Г. Балашова, Н. Григорьева, С. Гулина, Н. Дутова, С. Расторгуева.

★

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Центр, Новая площадь, д. 6.
Тел. К 1-83-75.

С 15 по 20 февраля в Москве происходили заседания XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). На конференции присутствовало 456 делегатов с правом решающего голоса, представлявших 3 876 885 членов и кандидатов партии. За время, прошедшее после XVIII съезда ВКП(б), на котором было представлено 2 477 666 членов и кандидатов партии, партия выросла на 1 399 219 человек.

Расширив свои ряды и укрепив связи с широкими массами трудящихся, наша партия пришла к конференции еще более крепкой, единой и сплоченной вокруг ленинско-сталинского Центрального Комитета.

Среди делегатов XVIII партконференции присутствовали представители партийных организаций новых советских союзных республик, влившихся в братскую семью народов СССР — Литовской, Латвийской, Эстонской, Молдавской, а также западных областей Украины и Белоруссии.

Лучшие люди большевистской партии, руководящей победоносным строительством социализма, собрались на конференцию, чтобы обсудить вопросы, имеющие важное государственное значение.

Конференция начала свою работу в обстановке огромного политического и производственного подъема в стране. Во всех уголках нашей необъятной родины советские люди еще активнее включились в борьбу за новые успехи промышленности, транспорта, сельского хозяйства.

По первому пункту порядка дня конференция заслушала доклад тов. Маленкова «О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта». Успехи в развитии нашего народного хозяйства общеизвестны. Они поистине грандиозны. Выполнение сталинских пятилеток далеко продвинуло нашу страну по пути к коммунизму, превратив Советский Союз в могучую, неприступную крепость. Ярким примером большевистских темпов развития народного хозяйства может служить 1940 год. На конференции были оглашены цифры, показывающие, что продукция социалистической промышленности в 1940 году увеличилась на 11% против 1939 года.

По сравнению с наиболее переломной в промышленном отношении

капиталистической страной — Соединенными штатами Америки — наши успехи еще более разительны. В 1940 году уровень промышленного производства Америки по сравнению с 1929 годом составил 111%, а в СССР 1940 год дал 534%, т. е. увеличение в 5,3 раза. На одно капитальное строительство у нас было затрачено в прошлом году почти 38 миллиардов рублей. Естественно, что Советский Союз не жалел денег на расходы, связанные с укреплением обороны страны, на производство самолетов, танков, военных кораблей, боеприпасов.

Оборонная промышленность СССР дала более высокие темпы роста продукции, чем вся промышленность.

Наша страна добилась в 1940 году новых успехов в выплавке чугуна, стали, качественного проката, в деле освоения новых видов сложных машин и станков новейших конструкций.

В результате ряда мероприятий партии и правительства укрепилась дисциплина на предприятиях, поднялась производительность труда.

Но большевикам не свойственно почитать на лаврах и не видеть плохих, отрицательных явлений.

Партия и великий Сталин учат, что никогда нельзя останавливаться на достигнутом и мириться с недостатками. Вот почему тов. Маленков в своем докладе с большевистской прямоотой и резкостью подверг критике все то, что мешает нашему продвижению вперед.

Докладчик привел большое количество фактов, рисующих канцелярско-бюрократические методы руководства ряда наркоматов, бесхозяйственное ведение дела на многих предприятиях, расточительность, варварское отношение к материалам и оборудованию.

Народное хозяйство СССР одерживает успех за успехом, но в то же время есть фабрики, заводы и целые отрасли промышленности, которые не выполняют планов, работают бессистемно, рывками, не используют полностью ценнейшее оборудование. Тов. Маленков зло высмеял работников, которые смирились с такими позорными явлениями, превратились в самодовольных чинуш, людей, не способных по-большевистски руководить порученным им делом.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВКП(б)

Конференция признала необходимым круто повернуть внимание партийных организаций в сторону промышленности и транспорта.

Теперь, когда зерновая проблема в основном решена, партийные организации имеют все возможности для того, чтобы в равной мере заниматься сельским хозяйством и промышленностью. Задача состоит в том, чтобы обеспечить безоговорочное выполнение планов каждым предприятием в отдельности, большую организованность, плановость и подлинную культуру труда.

«Хозяйственные и партийные руководители должны повести дело так, чтобы в 1941 году ни в одной области, ни в одном городе и промышленном центре не осталось ни одного отстающего предприятия».

Правильное и полное использование имеющегося оборудования, строжайшее соблюдение технологического процесса на предприятиях, смелое внедрение новых достижений техники в производство, укрепление единоначалия и хозрасчета, превращение мастера в полноправного руководителя на своем участке — все это должно быть положено в основу борьбы за новые успехи промышленности и транспорта.

Конференция заслушала доклад председателя Госплана тов. Вознесенского о хозяйственных итогах 1940 года и о плане развития народного хозяйства на 1941 год.

Современная международная обстановка, усиленное развитие технико-экономической базы в воюющих и не воюющих пока государствах обязывают нас уделить максимальное внимание дальнейшему укреплению могущества СССР.

Конференция признала необходимым поднять выпуск валовой продукции промышленности на 17—18% против уровня 1940 года. Продукция машиностроительной промышленности будет расти еще больше — на 26%.

Социалистическая индустрия в 1941 году должна обеспечить производство 18 миллионов тонн чугуна, 22,4 миллиона тонн стали, добычу 191 миллиона тонн угля и 38 миллионов тонн нефти с газом. Мощность электростанций должна возрасти на 1,75 миллиона киловатт, среднесуточная погрузка на железных дорогах — до 103 тысяч вагонов.

План финансирования народного хозяйства в 1941 году, рассмотренный и принятый VIII сессией Верховного Совета СССР на основе решений партконференции, полностью обеспечивает выполнение намеченной программы.

Бюджет нашей страны, как известно, определен на 1941 год в сумме 216,8 миллиарда рублей по доходам и 216 миллиардов рублей по расходам.

Сессия горячо поддержала предложение правительства об ассигновании на нужды обороны 71 миллиарда рублей. 57 миллиардов будет затрачено на капитальные вложения и 48 миллиардов на социально-культурные мероприятия.

Решения XVIII партконференции создают все условия для полной реализации народнохозяйственного плана 1941 года. Важно поднять требовательность к каждому работнику, на каком бы он посту ни находился, покончить с беспечностью и благодушием в работе.

«Для большевика, — говорил тов. Маленков на конференции, — интересы государства, интересы своей родины должны быть превыше всего. Большевик должен быть дисциплинированным в выполнении решений партии и правительства. Закон есть закон для всех. Мы все слуги государства. Этому учит нас товарищ Сталин».

Ярким подтверждением большевистской принципиальности и требовательности к руководящим кадрам, что характеризует всю деятельность ЦК нашей партии, является резолюция по 3 пункту порядка дня конференции (организационные вопросы). В соответствии с уставом ВКП(б) конференция постановила исключить из состава членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) ряд товарищей, как не обеспечивших выполнение своих обязанностей (Анцеловича Н. М., Литвинова М. М., Лихачева И. А., Меркулова Ф. А., Антонова Д. И., Жемчужину П. С., Ярцева В. В. и др.).

Конференция предупредила тов. Кагановича М. М., который, будучи наркомом авиационной промышленности, работал плохо, что если он не исправится и на новой работе не выполнит поручений партии и правительства, то будет выведен из состава членов ЦК ВКП(б) и снят с руководящей работы.

Серьезные предупреждения сделаны также наркому химической промышленности тов. Денисову М. Ф., наркому морского флота тов. Дукельскому С. С., наркому речного флота тов. Шашкову З. А., наркому рыбной промышленности тов. Ишкову А. А. и наркому электропромышленности тов. Богатыреву В. В.

Состоявшийся после закрытия конференции пленум ЦК ВКП(б) принял специальную резолюцию по докладу тов. Молотова В. М. о внедрении системы премирования руководящих хозяйственных и инженерно-технических работников в промышленности и на транспорте за выполнение и перевыполнение государственных планов. Пленум ЦК ВКП(б) пополнил также состав Политбюро ЦК ВКП(б), избрав в состав кандидатов в члены Политбюро тов. Вознесенского Н. А., Щербакова А. С., Маленкова Г. М.

XVIII партконференция приковала к себе внимание всей страны. Значение ее работ очень велико для дальнейших успехов в развитии народного хозяйства СССР.

22 февраля ЦК ВКП(б) и Совет народных комиссаров признали необходимым поручить Госплану приступить к составлению генерального хозяйственного плана СССР на 15 лет, рассчитанного на решение задачи — перегнать главные капиталистические страны в производстве на душу населения чугуна, стали, топлива, электроэнергии, машин и других средств производства и предметов потребления.

«Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе» (Сталин).

Наша могучая большевистская партия под руководством великого Сталина осуществила глубокую реконструкцию всего народного хозяйства. Год за годом страна идет по пути экономического расцвета. Мобилизуя весь народ на борьбу за новые успехи, устраняя на ходу недостатки, партия дает ясную и четкую перспективу нашего движения вперед.

В ГОДЫ ПОДПОЛЬЯ

(Продолжение)

В дороге мы чувствуем себя совсем самостоятельными. Павлуша выходит на остановках и вскакивает на вагонную лесенку после третьего звонка, что никогда не разрешалось при маме. Обычная обстановка железнодорожного переезда, такая привычная по прошлым путешествиям, на этот раз удивляет неожиданным беспорядком. Поезд подожду стоит на мелких разъездах, застревает в поле. На вокзалах группами озабоченно собираются железнодорожники. Бросив вагоны, подбегают к ним наши кондуктора. Яша Кочетков беседует с проводником. Мы давно услышали знакомое слово — забастовка! Железнодорожники готовятся к стачке.

Подъезжаем к Ростову. Отсюда начинается линия Владикавказской железной дороги. По ней мы должны добраться до Баку. Поезд останавливается. Мы выскакиваем на платформу. Она оцеплена жандармами. Яша Кочетков вместе с нашим проводником останавливается около группы людей.

— Ни одного штрейкбрехера, — слышим мы. — Бастует вся линия.

Владикавказская дорога уже объявила стачку. Поезда до Баку не идут. Возбужденный, взволнованный, Яша куда-то убегает. Мы остаемся на платформе около наших корзинок. Яша возвращается.

— Дождемся поезда в Новороссийск, — говорит он, — и оттуда морем доедем до Батума. Оттуда в Тифлис, потом в Баку.

Мы довольны всем. Павлуша объясняет мне, какой пароход повезет нас из Новороссийска: «Наверное, почтово-пассажирский — это самые большие». В новороссийском поезде переполнены вагоны, и Яша с трудом находит там место для нас.

Тяжелый пассажиро-грузовой пароход готовился к отплытию в Новороссийском порту, когда мы добрались туда. Павлуше нетерпелось взбежать по трапу. Ехать на таком пароходе, да еще на палубе, как обещает нам Яша, — разве это не осуществление лучших мечтаний? В толпе суетящегося, шумливого палубного люда мы пристраиваемся на корме. Под раздражающие воздух пронзительные гудки пароход отваливает. Мы любимся уходящими пристанями, изгородью мачт, усеянным людьми берегом. Яша купил арбуз, и мы дружно его разделяем. Один из наших соседей смотрит на ясное небо и невесело качает головой.

— Как бы чего не нагнало. Ишь, разыгрывается...

Этот мрачный человек, наверное, плавал по многим морям. Он пред-

сказал правильно. Шторм разыгрался, как только скрылся берег. Яша напрасно ищет для нас безопасное местечко. От дождя нет защиты, и волны пытаются окатить всю палубу. И везде одинаково качает, точно пароход кто-то подбрасывает в воздух.

А к утру шторм прошел. Пароход плывет, не покачнувшись. Мы любимеем стаей дельфинов, и солнце сушит наше вымокшее платье. Правда, оно остается грязным и измятым, но переодеть нас не во что. Похожие на оборванцев, мы высаживаемся на батумскую пристань. Мы устали, мы хотим скорей домой. Как хорошо, что Яша везет нас в Тифлис, в наше Дидубе, к бабушке.

Вот оно, наконец, наше поле, улица, которая ведет к бабушкиному дому, и вон она сама на галерее, окруженная соседками.

— Бабушка! — кричим мы, поднимаясь по знакомым истертым ступенькам.

Она не узнает нас, она грустно машет рукой и говорит:

— Бог подаст.

Она принимает нас за нищих. Но соседки бросаются нам навстречу.

— Да это же ваши внуки, Магдалина Яковлевна, — вскрикивают они.

— Внуки! Они в Москве, — у бабушки дрожит голос.

— Нет, это мы, бабушка!

Милая наша старушка. Это мы, опять около тебя, опять нам нужны твоя ласка, твоя материнская заботливость.

Я остаюсь у бабушки.

— Куда она поедет! Не отпущу ее, — говорит старушка.

Павлуша едет дальше, к отцу, в Баку, туда, куда направляется Яша Кочетков. На другой день они оба уезжают.

С бабушкой остались только ее младшие дочери. Дядя Ваня живет в Баку: после ареста он уже не может работать в Тифлисе. Тетя Ксения вышла замуж и покинула родительский дом. Ее муж, Казимир Манкевич — рабочий железнодорожных мастерских, товарищ отца по революционному подполью. Молодые поселились в Нахаловке. С младшими тетками мы бегаем в гости к Манкевичам.

Новой жизнью живут сейчас оба поселка. Поле перед железнодорожными мастерскими занято взрослыми. Каждый день тесной толпой заполняют его железнодорожники. В мастерских бастуют. Стоят заводы. Это продолжение стачек, которыми охвачена страна.

Мы выбегаем на улицу, чтобы присоединиться к колоннам рабо-

чих. Все чаще проходят они перед нашими окнами. Мы подхватываем «Марсельезу» и «Варшавянку», — их запевают толпа на пустыре. Казимир Манкевич принес нам красные банты, и, приколов их к платью, мы со всей ватагой явились на пустырь, куда манили нас голоса ораторов.

Во всем, что теперь заполняет жизнь, захватывающая новизна. Ожидание больших событий переполняет нас. По улице шагают отряды жандармов, городские чаще сменяются на перекрестке, но мы пробегаем мимо с пунцовыми бантами и кричим «ура», да здравствует революция!». Нас провожают мрачные взгляды. Разве это уже не победа?

Однажды казаки лавиной врываются в Дидубе и через пустырь несутся в Нахаловку.

На улицах пусто и тихо. Это тишина несчастья. Мы знаем о нем. В поселке горе. Товарищи, которые живут в доме бабушки, бросают отрывистые слова проклятий и ненависти. Во дворе у бабушки, перед галереей, собираются соседки. Они поднимают кулаки и плюют вслед скачущим казакам.

— Собаки, — говорят они, — убили Ваню...

Убит не только Ваню, который жил напротив, убитых десятки.

В городе полиция набросилась на безоружных рабочих. Они пришли для переговоров в Городскую управу. Побойще продолжалось и на улице. Трупы рабочих остались на Эриванской площади.

17 октября ликует Тифлис лавочников, но на пустыре ударами падают слова возмущения. Мы бежим к Манкевичам. Перед одноэтажными, наспех сколоченными домиками Нахаловки группы рабочих.

Вечером с товарищами возвращается Манкевич. Они разговаривают, не обращая внимания на нас. Во всех домах сегодня говорят о дарованной царем «свободе». Казимир и его товарищи повторяют слова, которые мы запомним надолго.

— Коба... — произносят они.

Мы слышали и раньше это имя.

— Коба выступал, — говорят в доме у Казимира Манкевича. — Вооружение — вот что сейчас нам нужно.

К бабушке приходит товарищ и просит спрятать тяжелый сверток. Никто не спрашивает, что в нем. Ожидание больших событий становится ощутимей. В дом к Казимиру Манкевичу каждый день сходятся люди.

Однажды Казимир приходит к нам, и бабушка с галереи громко кличет меня:

— Нюра...

Я бегу со всех ног. Что хочет сказать бабушка? Казимир идет мне навстречу.

— Хочешь увидеть отца? — спрашивает он.

— Отца!

Под крылом у бабушки, в смятенные неиссякающих впечатлений я старалась гнать мысли об отце, о маме. На вопросы о них взрослые

¹ Начало см. в № 1 «Вокруг света».

отвечали скупо и сейчас же заговаривали о другом.

Тоска по отце прячется где-то глубоко и вдруг всплывает при одном коротком напоминании. Я ничего не могу ответить Казимиру. Я молчу и жду: что же он скажет? Пусть говорит, скорей говорит.

И Казимир рассказывает. Его слушают не только я и бабушка, к нам подходят жильцы из флигеля, соседки, весь двор.

— Завтра идем встречать освобожденных из Карской тюрьмы, — говорит Манкевич, — они едут в Тифлис. Сергей с ними...

Опять был в тюрьме! И я ничего не знала. Я прижимаюсь к бабушке, и она, глядя мои волосы, тихо приговаривает:

— Ничего, ничего, освободили ведь уже...

Отца арестовали в Баку, как одного из руководителей всеобщей стачки. Она была объявлена в ответ на вызванные властями национальные погромы летом 1905 года. Отец был свидетелем изуверских убийств, поджогов, грабежей, которые провоцировали в Баку полиция и черносотенные банды «Союза русского народа». Власти разжигали фанатическую религиозную рознь между армянами и тюрками.

На промыслах подкупленные черносотенные молодчики убили из-за угла нескольких рабочих-тюрков. В убийстве были обвинены армяне. Детей армян и тюрков натравливали друг на друга, вызывая кровопролитные ссоры взрослых. Так началась резня — дикие, бессмысленные убийства, которые благословляли в мечетях и церквах.

Отец работал опять на Баиловской электростанции. Однажды, спасаясь от погромщиков, туда пришли искать убежища семьи армян — рабочих Биби-Эйбатских промыслов. С детьми на руках, как затравленные, стояли женщины у ворот станции. Плача, они умоляли о помощи. Только что на их глазах зарезали семью рабочего-армянина, их соседа.

Они успели спастись, бежав из подожженного дома.

Отец требовал, чтобы открыли ворота и впустили несчастных. Но большинство служащих протестовало. В трусливой растерянности они твердили:

— Погромщики ворвутся сюда и перережут нас, если узнают, что мы скрываем армян. Надо подумать раньше о собственной безопасности.

Нападение было возможно, но, поддержанный группой товарищей, отец настоял, чтобы беглецов впустили. Их приютили в комнатах отца и рабочих Мельникова и Назарова. Несколько ночей на электростанции не спали. Вооруженные рабочие были готовы отбить нападение.

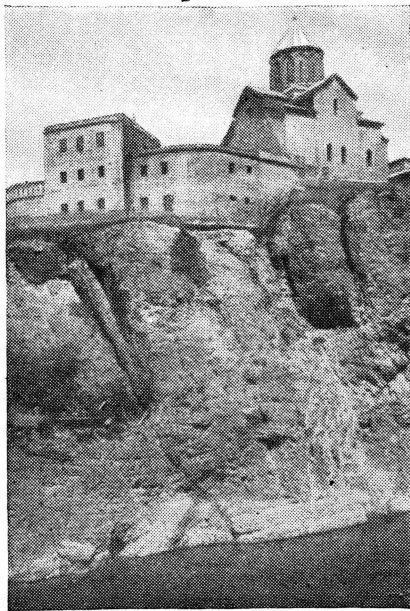
Резня и убийства в Баку продолжались. Власти ничего не предпринимали, чтобы их прекратить. На электростанции кончались запасы продуктов, но выйти в город никто не решался: из-за углов, с крыш домов стреляли фанатики и черносотенцы. Озверелое хулиганье, грозя кинжалами, набрасывалось на прохожих. Под выстрелами проез-

жали подводы с убитыми, которых везли хоронить.

Есть на станции было уже нечего. Жаль было детей, и вместе с женой одного из рабочих-большевиков, Дуней Назаровой, отец отправился на разведку. Надо было пробраться на татарский базар. Он был в нескольких километрах, на другом конце города.

С отцом и Дуней решил ехать на станционный кучер. Запрягли шарабан и рано утром выехали. Улицы были пусты, в лужах крови валялись трупы. Добрались до базара. Несколько торговцев-тюрков вынесли мясо и овощи. Ни одного армянина на базаре не было видно.

Закупили необходимое, и шарабан двинулся обратно. В центре города стреляли. Шарабан остановился. Из-за угла выбежал человек, повидимому тюрк, и вдруг, покач-

Метехский замок (вид со стороны реки Куры).

нувшись, упал лицом вниз. Кучер погнав лошадей. Где-то опять стреляли.

Ехать в другой раз кучер наотрез отказался. Вдвоем с Дуней отец еще несколько раз под пулями пробирался к базару. Каждый раз они видели на улицах новые трупы.

В эти дни в большой опасности оказался Алеша Джапаридзе. Он, его жена и трое товарищей бежали с горящих промыслов и скрылись в одном из домов на Кладбищенской улице. Но дом осадили черносотенцы. Алеше и всем, кто был с ним, грозила смертельная опасность. Узнав об этом, отец вместе с Дуней Назаровой отправился выручать товарищей. Помогли два русских солдата — вечером они проводили отца и Дуню до осажденного дома. Товарищей под охраной солдат вывели и проводили до электростанции — там они были в безопасности.

Требую, чтобы власти положили конец убийствам и резне, рабочие на промыслах продолжали забастовку. Нефтепромышленники звали на

соглашение. В начале сентября должно было состояться собрание представителей всех промыслов и заводов — владельцев и рабочих.

Накануне в Баку для доклада о событиях в Центральной России приехал Мартын Лядов. Вместе с ним организация готовилась принять участие в совещании. В назначенный день, 11 сентября, большевистские делегаты собрались на площади Биби-Эйбатских промыслов.

Никто из представителей нефтяных королей не появлялся. Делегаты подозревали неладное. Решили выслушать доклад Лядова и обсудить вопрос о продолжении стачки. Выстроившись в колонну, все прошли в помещение электростанции. Ораторы уже выступали, когда по залу пронеслось:

— По Баилову мысу, к станции, во главе с жандармами, движутся войсковые части!

— Собрания не прекращать, — так решили все.

Да иного выхода и не было. Разойтись незаметно — в зале было более семидесяти человек — невозможно. С одной стороны море, с другой — горящие промыслы. Прямо из города двигаются войска.

Через несколько минут станция была окружена. Оратор продолжал говорить и тогда, когда группа жандармов появилась на открытой галерее. По команде солдаты взяли на прицел ружья. Щелкнули затворы. Делегаты не двигались. Оружия ни у кого не было.

— Все арестованы! — крикнул кто-то из жандармов.

Жандармы обыскивали каждого долго и тщательно. Наконец, окруженных конвоем делегатов вывели на улицу. Нескольким товарищам удалось скрыться. Шестидесять арестованных повели в Баиловскую тюрьму. Но принять их не смогли: тюрьма была переполнена. Повели дальше, в город. Солдаты шли с ружьями наперевес, наравив на задержанных штыки.

Ни в одной тюрьме мест не было. Всю ночь арестованные шагали по улицам города. Только к утру конвой вместе с пленниками расположился на площади у военного собора. Товарищи успели подружиться с солдатами. Спрашивали, почему они принимают такие грозные предосторожности — штыки, ружья наперевес. Конвойные объяснили, что начальство внушало им: арестованных надо бояться, как опаснейших преступников.

— Каждую минуту ждали, что вот-вот вы пустите в ход ножи и кинжалы, — признавались конвоиры.

Им было это тем более удивительно, что среди задержанных были и женщины и совсем молодые девушки.

Днем арестованных, наконец, разместили в помещении, занятом войсковыми частями. На другой день к ним явился жандармский ротмистр. Так как товарищи зараннее решили не откликаться на названные фамилии (своих имен при аресте было решено не открывать), то на вопрос повели только отца и еще одного из товарищей: они были известны жандармам по ста-

рым делам. Но отвечать на вопросы оба отказались, и их отправили обратно.

Старым «знакомым» отца оказался начальник временной тюрьмы — Валиев. В прошлом уголовный преступник, Валиев на посту тюремщика прославился давно. Он знал, чего хотят хозяева, и позже заслужил их особую благодарность: это по его указу в 1906 году в Баилловской тюрьме избили политических заключенных.

Отца Валиев знал еще по аресту в 1902 году: с конной стражей Валиев провожал отца на вокзал, когда из Баку его перевозили в Тифлис, в Метехи.

— А, приятель! — крикнул он, заметив отца среди арестованных.

Отец был старостой камеры, и ему приходилось вступать в переговоры с Валиевым.

— Плохие дела, — как-то пожаловался тюремщик. — Голодаю с женой и детьми...

О неважных делах Валиев заговаривал не однажды. Намеки были откровенными. Отец рассказал о них Лядову.

— Попытаемся использовать этого мошенника, — предложил Мартын.

Разработали план. Подкупив Валиева, можно было скрыться из тюрьмы, «обменявшись», то есть оставив вместо себя товарища с воли. Действовать надо было быстрее: Валиев — он прикидывался доброжелателем — говорил, что упорство пленников хотят во что бы то ни стало сломить и скоро всех разошлют по разным тюрьмам, куда ни будь подальше от Баку.

За взятку в 500 рублей (деньги доставили товарищи с воли) Валиев обещал помощь. Бежать должен был Лядов. Валиеву говорили, что это случайно захваченный приезжий русский купец.

Для «обмена» ждали товарища Лефаса, члена организации. Он пришел в назначенный день, и в квартире Валиева Лядов обменялся с ним платцем. Но возникало затруднение. Лефас был бритый, а Мартын носил довольно длинную бородку. Стража, выпуская его, могла обратить на это внимание. Валиев требовал, чтобы Лядов побрился. Он сам вызвался быть цирюльником. И вот начальник тюрьмы в форменном сюртуке, багровый от волнения, намыливал щеки узнику, — пленники не могли удержаться от смеха.

Надвинув на лоб папаху Лефаса и запахнувшись его буркой, Лядов благополучно выбрался на свободу. Лефас остался в тюрьме.

Валиев был прав. Власти торопились вывезти пленников из Баку. В конце сентября в камере объявили, что партию заключенных отправляют на турецкую границу в Карскую тюрьму. Выкрикнули имена отправляемых. Готовиться к отъезду должны были тридцать два товарища. Отец был в их числе. Назвали и Алешу Джапаридзе, но вместо него с партией высылаемых за ворота тюрьмы, воспользовавшись минутным замешательством, проскользнул другой товарищ. Алеша был нужен в Баку, ему готовили побег.

Волна революционного движения была уже на подъеме, когда заключенных вывозили из Баку. Все знали, что в Карс, в тюрьму, везут рабочих, захваченных на мирном собрании. На станциях группы железнодорожников и рабочих выражали арестованным свое сочувствие. Люди прорывались к вагону, ободряли, кричали вслед:

— Скоро, скоро вернетесь свободными гражданами!

В Тифлисе вагон с арестованными задержали. Всех повели в город, и ворота Метехи уже в который раз захлопнулись за отцом. Но в замке он только переночевал. На другой день поезд вез пленников дальше. Снова на станциях дружеские, радующие встречи и проводы.

В Карсе арестованных поместили в нижнем этаже новой губернской тюрьмы. Товарищи держались сплоченно и независимо. Тюремная администрация, в предчувствии надвигающихся событий, не решалась на произвол. В тюрьме жили в сравнительно сносных условиях. Сознание, что за стенами тюрьмы крепнут силы друзей, прибавляло бодрости. Заключение не было обычным.

Товарищи создали хор и каждый день затягивали революционные песни. Их слушала вся тюрьма, все окрестное население. Тюремное начальство в бессильной злобе ничего не могло поделать.

18 октября в полном парадном составе в тюрьму явились местные власти. Арестованным объявили о манифесте. Согласно «дарованной волей монарха конституции» пленники получили «свободу и прощение и освобождались из-под стражи».

Город Карс — скорее крепость Карс: она главенствовала над городом — не был потревожен событиями. Многоплеменное его население — армяне, турки, греки, айсоры — ремесленники и мелкие кустари — были разобщены. Правда о происходящем до них почти не доходила. Кроме немногочисленного отряда железнодорожников, рабочих в городе не было, и, конечно, никто в Карсе не готовился к выступлению. Товарищи, выйдя на

свободу, стремились поскорее связаться с молодежью, с учащимися, с солдатами гарнизона. Разделившись на группы, пошли бродить по городу. В винных подвальных лавочках, кафе, харчевнях завязывали разговоры, втягивали в беседу людей, разъясняли, чем вызваны царские «милости». Приглашали всех сегодня же на митинг в городской сад.

Митинг был многолюдным. Внимательно слушали ораторов. Они предлагали завтра с утра опять собраться в саду и оповестить об этом воинские части.

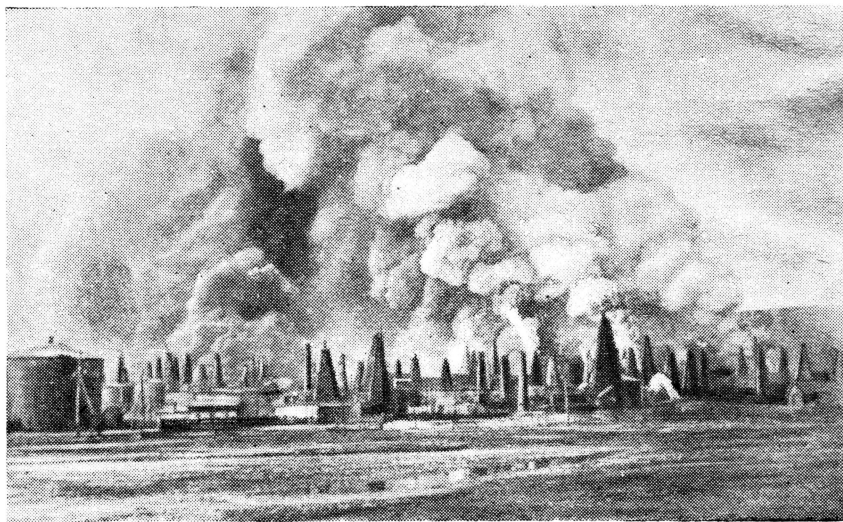
Приближался вечер. Надо было подумать о пристанище. Кто-то из сочувствующей интеллигенции предложил освобожденным из тюрьмы помещение для ночлега. Но товарищи вспомнили, что вещи их остались в тюрьме, и вот, поразмыслив, направились туда.

— Почему, собственно, нам не переночевать там, — предложил кто-то. — Места наши пока не заняты.

Начальник тюрьмы — старый грек, ошеломленный появлением своих бывших пленников, не сразу решился впустить их обратно. После настойчивых требований товарищей, не понимая, что же это творится вокруг, он приказал открыть ворота.

На другой день с утра все были снова в городе. На улицах и в гарнизоне уже были разбросаны листовки на русском и армянском языках. За ночь оставшиеся в городе четыре товарища успели напечатать их в одной из карских типографий. В городе сейчас же провели несколько коротких митингов. Люди, приветствуя, окружали ораторов. Рассказывали, что в гарнизоне происходят столкновения с начальством. Власти напуганы. Солдатам запрещены отпуска в город. офицерам не разрешают посещать митинги и собрания.

Огромная толпа собралась в городском саду. Ораторы выступали резко против манифеста, говорили о позорно проигранной войне с Японией, предостерегали против всяких иллюзий. В ответ слышен был гул одобрения. Только офицеры,

Пожар на нефтяных промыслах в Баку (1905 год).

каркское купечество, местная знать демонстративно покинули митинг. Власти переполошились, и когда через день в саду снова собрался митинг, сад оцепили. Вооруженная воинская часть подошла к эстраде, где стояли ораторы. Раздалась команда:

— Окружить эту сволочь!

Из толпы послышались угрозы и крики возмущения. Солдаты остановились. Они стояли с серыми лицами, приставив ружья к ноге. Потрясая обнаженной шашкой, офицер кричал:

— Взять их в штыки!

Но солдаты не двигались.

В сад был вызван прокурор, у которого потребовали объяснений.

— На каком основании задерживают выпущенных из тюрьмы?

— По новой конституции можно устраивать собрания только с разрешения властей, — заявил прокурор. — На вас накладывается наказание — двухдневный арест.

Разложение, которое большевики внесли в гарнизон Карса, становилось угрожающим. Арестованных продержали в тюрьме до первого отходившего в Тифлис поезда (после стачки железнодорожное движение только началось) и предложили им покинуть Карс. Рабочее население Карса устроило торжественные прерывы и вручило отъезжающим красное знамя.

Поездка превращалась в победное шествие. Толпа встречала вагон на всех станциях, и песни о свободе неслись влед уходящему поезду...

В толпе, которая шагает по улицам Тифлиса, — и я с тетками. Мы стараемся не отставать от Казимира. Идут железнодорожники, друзья из Дидубе и Нахаловки. Я люблю красным полотнищем. Ветер развеивает его, ничто не может быть ярче. Знамя колышется, точно аккомпанируя песне. Я пою. Громче, громче! Я хочу слышать собственный голос. Все эти люди идут к вокзалу встречать моего отца. Волна гордости заливает меня. Как хорошо льется песня. Но она уже смолкла. Люди кричат «ура». Кричат оглушительно.

— Ура!..

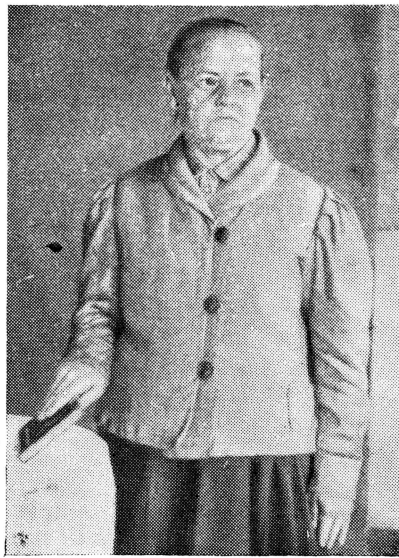
Мы на вокзале. На платформе еще новые и новые друзья.

— Сейчас подойдет поезд, — говорит Казимир.

Почему мне хочется плакать? Разве бывает радость которая вызывает слезы? Да, наверное, бывает. Вот и отец. Он целует меня. Я вижу, что глаза его заплаканы.

После освобождения из Карской тюрьмы отец несколько дней оставался в Тифлисе.

Но он торопился в Баку. Он уезжает на четвертый день. Я знаю, там его ждут дела, и я не говорю ему о том, как мне не хочется отпускать его. Опять я остаюсь одна у бабушки. Как жаль, что Павлуши нет со мной. Он знал бы раньше меня, когда же, наконец, придут события, которых ждут все. Как бы хорошо он мог объяснить все, что происходит. Но Павлуша далеко. Когда в Баку началась резня, Павлуша отправили обратно к маме. Сейчас ни о Павлуше, ни о маме, ни о маленьких Феде и Наде мы ниче-

Магдалина Яковлевна Федоренко
(бабушка).

го не знаем. Я рассказываю бабушке о Москве.

— Там уже, наверно, опять холодно, — говорю я. И вспоминаю, что валенок мама так и не успела купить.

— Хоть бы они там уж на улице бы не выходили, — сокрушается бабушка.

Я знаю, что мама перед нашим отъездом собиралась снять для себя и ребят отдельную комнату. Может быть, эта комната в теплом доме? Интересно, готовится ли и Москва к событиям? А может быть, там все уже успокоилось? Как будет жалеть Павел, что он не был в Дидубе и не видел, как мы шагали под красным знаменем, и городской и жандармы не смели это запретить. Павел был бы первым в колонне. Может быть, он получил бы даже ружье. У Казимира Манкевича и его товарищей я видела винтовки. Если бы был Павел, он бы уж знал, как с ними обращаться.

— Винтовки скоро понадобятся, — слышу я. — И патроны тоже.

Тяжелые свертки, которые приносят прятать бабушке, — это патроны. Вот о чем надо молчать. Нужно молчать обо всем.

И о том, что приехал дядя Ваня. Он появляется неожиданно вечером, и бабушка только успевает всплеснуть руками.

— Ваня! — кидаемся к нему мы с Шурой.

— Тихо, — говорит дядя Ваня. — Надо сбегать за Казимиром.

Казимир приходит с товарищами, и поодиночке они куда-то все уходят. Последним, неслышно ступая мягкими сапогами, прокрадывается на улицу дядя Ваня. Мы долго прислушиваемся — все ли тихо...

Днем приходит тетя Ксения — жена Казимира Манкевича. Ваня у них, и мы все бежим в Нахаловку. На стол у Манкевичей подают баранину, и после обеда дядя Ваня берет гитару. Он тихо наигрывает, потом откладывает гитару и говорит мне:

— Нюра, хочешь поехать со мной в Баку?

Я чуть не подпрыгиваю. Еще бы!

— Хочу! А когда? Скоро?

— Мы соберем ее за два дня, — отвечает Ксения на взгляд дяди.

Бабушка качает головой, когда вечером я рассказываю ей, что вместе с Ваней уеду в Баку.

— Да ведь у тебя и пальто то нету! В чем она поедет? Господи... — волнуется бабушка.

— Сшьем ей новое, — успокаивает дядя Ваня.

На другой день со старшей теткой Варей мы идем покупать материю на пальто. Первый раз мне шьют пальто из такой красивой, пушистой материи. Всегда мне перешивали старые пальтишки теток, Варя — портниха. Она шьет пальто. Когда примеряют, я заглядываю в кусочек зеркала и думаю: «В этом пальто я буду самой нарядной девочкой в Дидубе».

В день отъезда я встаю чуть свет и от нетерпения не могу ничего есть.

— Ешь, — уговаривает меня бабушка. — В дороге-то такого не подадут.

Я давлюсь жирным, сладким плодом и пугаюсь: а вдруг дядя Ваня уехал без меня? Но за мной придит тетя Ксения. Мы поедем на вокзал из Нахаловки, от Манкевичей. Дядя Ваня ждет там. Я иду и так волнуясь, что не замечаю, какое впечатление производит мое пальто в поселке. На дяде Ване костюм, в котором я никогда его не видела. Ваня сейчас похож на богатых господ, которые прогуливаются по Головинскому проспекту.

— Скоро на поезд, — говорит он. — У вас все готово? Пора собираться. — Он подходит ко мне совсем близко и тихо говорит: — А ты ничего не бойсья, Нюрочка?

Я отвечаю правду — я ничего не боюсь. Ксения уводит меня в другую комнату, и Варя из-под кровати достает длинный, зашитый в белое полотно сверток. Я снимаю платье. Варя наматывает на меня сверток и осторожно, стараясь не уколоть, пришивает его к лифчику.

— Не тяжело? — спрашивает она. — Удобно? А ну, пройдишь.

Потом она помогает мне надеть платье и, осмотрев меня, довольно говорит:

— По-моему, ничего незаметно.

А Ксения шопотом, хотя в комнате никого, кроме нас троих, нет, произносит:

— Никому, никому не позволяй до себя дотрагиваться.

Я это знаю. На мне ведь патроны, которые я везу в Баку. Они нужны отцу и товарищам.

Мы едем на вокзал в фаэтоне. Когда лошади останавливаются, к нам подбегает носильщик и хватает ванин чемодан. Ваня берет меня за руку, и мы проходим по платформе. Носильщик идет сзади. В вагоне я удивленно оглядываюсь. Я не знала, что в поезде может быть так нарядно — мягкие диваны, ковер на полу и зеркала в дверях. Это второй класс. А мы всегда ездили в грязных голых вагонах третьего класса.

— Сюда, — говорит носильщик и ставит чемодан в купе, где сидят два офицера. Я смотрю на Ваню, но он неторопливо усаживается на покрытый полосатым чехлом диван и предлагает мне сесть рядом. Поезд трогается, и один из офицеров говорит:

— Какая приятная у нас в купе компания. — Он берет со столика у окна коробку конфет и протягивает мне:

— Пожалуйста, барышня, попробуйте!

Я прижимаюсь к Ване, он улыбается и говорит:

— Мы, кажется, не любим конфет...

— Нет, барышня должна попробовать...

— Ну что же, — говорит Ваня, — раз так просят, нельзя отказываться.

Я беру одну шоколадку из коробки. Потом я иду в коридор и долго смотрю в окно на горы, мимо которых мы проезжаем. Дядя Ваня разговаривает с офицерами.

— В Баку изволите ехать? — спрашивают они.

— Да, — отвечает Ваня.

— И там чорт знает что творится, — говорит офицер, который угощал меня конфетами... — Обнагел народ...

— Совершенно верно, господин офицер. — У Вани, как всегда, его ровный негромкий голос.

Когда темнеет и проводник зажигает в вагоне лампочку, Ваня зовет меня и говорит, что пора спать. Я хочу сбросить пальто, и один из попутчиков тянется помочь мне.

Но Ваня, любезно улыбаясь офицеру, берет мое пальто и подсаживает меня на верхнюю полку. Когда я уже лежу там и ощупываю на себе патроны, я все еще вздрагиваю: что, если бы офицер до них дотронулся! Мне не очень удобно лежать, и ворочаться я не решаюсь, но я скоро засыпаю и про-

сыпаюсь, когда поезд подъезжает к Баку.

— Приехали, — говорит Ваня.

Он снимает меня с полки, набрасывает пальто, и мы выходим на бакинский вокзал.

В комнате, куда нас привозят, какая-то женщина раздевает меня и снимает патроны. Она прижимает меня к себе.

— Молодчина девочка! — говорит она. — Молодчина!

На другой день со знакомыми Вани я еду обратно в Тифлис.

Когда через несколько месяцев я, наконец, увидела маму, то рассказ о патронах я приберегла напоследок.

— А тебе не тяжело было ходить с ними? — обеспокоенно спросила мама.

— Нет, — независимо ответила я. — Я целый день проходила в них в Баку. — И сама тут же ужаснулась своей лжи.

Мама, запомнив это, в тот же день, когда пришел Ваня, упрекнула его, почему он не снял патронов с девочки сразу.

— Да что ты, Ольга, сняли сейчас же.

Я слышу это из другой комнаты и готова расплакаться от стыда. Но дядя Ваня, наверное, что-то понял. Он говорит:

— Было бы нужно, она проходила бы с ними и день и два. Вот ей и показалось.

Через месяц отец возвращается в Тифлис. Его вызвали товарищи. После пятилетнего запрета он может снова работать в железнодорожных мастерских.

— Бежим к Казимиру — отец там, — будит меня утром Шура.

Сломаю голову мы мчимся в Нахаловку. Но почему нерадостно в доме у Манкевичей, и отец так рассеянно здоровается со мной? Он треплет меня по щеке и отходит к товарищам. Они появляются пооди-

ночке. Не слышно обычных шуток и слов приветов. В руках отца я вижу телеграмму. Когда товарищи рассаживаются, он вслух читает. Только несколько слов:

«Вчера ночью выстрелом в голову убит Петр Монтин».

У отца дрожит голос, он кладет на стол телеграмму. В комнате долго молчат.

Печаль потрясает всех, кто знал Монтина. Это был молодой большевик, ученик Сталина, прекрасный оратор, любимец бакинских рабочих.

В Баку отец вместе с Монтиным жил в квартире Назарова. В ноябре бакинская организация послала Монтина на кавказскую конференцию большевиков, которая проходила под руководством Сталина. После работ конференции Монтин вернулся в Баку. Вечером того же дня, когда он проходил по улице, к нему подскочил подосланный охранкой убийца. Он держал револьвер наготове и выстрелом в лоб в упор убил Петра.

Рабочие Баку тысячной толпой вышли на улицу проводить тело погибшего товарища. Гнева, горечи полны речи ораторов. Гроб с останками Монтина везли в Тифлис. Там Петр родился там, в Дидубе, в железнодорожных мастерских, начал он путь борца-революционера.

Тифлисская полиция не могла помешать траурной встрече. Гроб Монтина выставили на площади, и вооруженным караулом железнодорожники становятся у тела товарища. Приспущен красный флаг.

Молчаливым потоком движется толпа туда, где на постаменте в цветах стоит цинковый гроб. С Варей и Шурой я в толпе. Траурный марш разрывает тишину, я гляжу вокруг — люди плачут.

Мы проходим ближе, и в цепи, охраняющей гроб, я вижу отца. Вперед выходит товарищ. Я слышу слова, они зовут отомстить.

— Мы будем бороться за то, за что погиб наш товарищ.

Простые слова. Дети их запомнят.

На похоронах Монтина вооруженная охрана из рабочих поддерживала образцовый порядок. Черносотенцы не посмели помешать. Цепь железнодорожников не подпустила полицию.

Похороны Монтина стали началом декабрьских событий в Тифлисе. 12 декабря закавказские железнодорожники объявили всеобщую забастовку. Это было ответом на вооруженное восстание в Москве.

Опять шумит поле перед мастерскими. Гудков давно не слышно. С винтовками проходят рабочие по улицам. Это дружинники — так мы их теперь называем. В их рядах шагают новые друзья. Мы видели их раньше. Иногда на низких поджарых лошадях проскакивали они по окраинам Тифлиса, и мы останавливались, любясь их удалью и ловкостью. У людей повязанные башлыками головы, они в бурках и высоких мягких сапогах. Это пастиухи и крестьяне с гор пришли сражаться вместе с рабочими. Отряды горцев собираются в Нахаловке и Дидубе.

Незаконный приезд товарища Сталина из ссылки в Тифлис в 1904 году. Картина художника А. Цимакурдзе.

Еще не слышно выстрелов, но однажды бабушка запирает меня и Шуру в комнате.

— Хватит вам бегать, — говорит она. — Не для детей там сейчас готовятся дела.

Но разве нас можно удержать? Столько дней мы жили ожиданием больших событий. Неужели сейчас мы окажемся взаперти? Если бы Павлуша был здесь! Он бы знал, куда надо пойти. Отца нет тоже: он в Нахаловке у Казимира. Побежать скорей туда. Мы хотим украдкой выскочить на улицу, но в тишине, которая удивляла с утра, сухо и резко рвется выстрел. Один, и за ним сразу несколько залпов. Мы бросаемся к окнам. По улице пробегают дружинники. Стрельба не прекращается. Нам кажется, что выстрелы доносятся издаалека. Соседки, которые забегают к бабушке, приносят вести. На Дидубе и Нахаловку движутся войска. Дружинники готовят защиту.

— Наши засели в «большом доме», — говорят женщины.

«Большой дом» — это трехэтажный дом богатой домовладелицы. Он напротив и немного в стороне от бабушкиного дома.

Выстрелы не смолкают и ночью. Мы не спим, слушаем, как, гулко отдаваясь в горах, они заставляют содрогаться стены дома. Утром в Дидубе врываются войска. Казачьи лошади проносятся мимо окон.

Они скачут в Нахаловку. Там ищут оружие.

Женщины хотят выбежать на улицу. Но она оцеплена казаками.

Замахиваясь нагайками, казаки запрещают покидать дома. И тогда снова гремят выстрелы. Они кажутся сейчас оглушительными. Стреляют совсем близко. От кого-то мы узнаем, что «большой дом» окружили казаки, дружинники отстреливаются и отказываются сдасться.

Бабушка оттаскивает нас от окна, но мы успеваем увидеть, как громыхая, проезжает пушка. Ее установили против «большого дома».

Всю ночь хозяйничали войска в поселках. Они врываются в дома и во дворах искали оружие. Но люди были предупреждены. Оружие спрятали. Отряд дружинников, не начиная открытых действий, отошел в глубь поселка. Часть товарищей решила двинуться к ущелью за поселком, надеясь оттуда пробраться дальше, в горы.

Но власти предвидели возможность отступления отряда. В горы были высланы казаки-пластуны. Они двинулись в обход и дружинники наткнулись на них по дороге к Соляному озеру, у Худатовского леса. Пластуны ползли наперерез, целясь из ружей. Это была западня. Оставалось одно — открытые огонь и попытаться прорваться через цепь казаков.

...Когда после ухода войск революционный штаб собрался в своем помещении, туда еле переводя дыхание, вбежал лесник из Худатовского леса.

— Скорей! — крикнул он с порога. — Там, в лесу, убитые. Один жив...

И он повернулся, чтобы бежать обратно. Товарищи бросились за ним. По дороге лесник рассказывал, что трупы убитых, изрешеченные пулями и проколотые штыками, лежат в кустах по склону горы.

Один из раненых приполз к стожке лесника. Раненый терял сознание, но успел прошептать:

— Пусть передадут друзьям — товарищи погибли не как трусы. Они не сдались, не просили пощады, а дрались до конца, пробивая путь вперед.

Раненого, который был в глубоком обмороке, подобрали. На нем было двенадцать штыковых ран. Его удалось спасти.

Трупы убитых рабочие перенесли в один из домов поселка. Люди шли прощаться с убитыми героями. Три дня не прекращалось траурное паломничество.

Узнав об этом, власти расставили патрули и запретили проход в поселок. Они требовали немедленно похоронить убитых.

Братская могила погибшим была вырыта на склоне горы за поселком, вблизи от ущелья, где так геройски отдали они свои жизни революции.

Тишина, унылая и скорбная, нависла над Дидубе и Нахаловкой. Войска уходят, и можно выбежать из дому. Но какое невыносимое зрелище разрушения и смерти предстает перед нами. Мы идем теперь молча. Мы знаем — те сейчас победили. Но разве это конец? Вот мы стоим у «большого дома». Перед нами развалины. Снарядом снесен верхний этаж, внизу вместо окон зияющие дыры. Но ведь товарищи, которые оттуда отстреливались, не сдались. — они спаслись. Я знаю, я уверена, что они спаслись. Значит, они будут сражаться дальше.

А теперь в Нахаловку. Все идут туда. Люди движутся медленно. Они останавливаются у домика, где, я знаю, живет товарищ отца. А вот и отец. Я подбегаю к нему.

— И ты здесь, Нюра? Что же, смотрите... — говорит он нам.

Мы подходим туда, куда он нам показывает. Что это лежит на нарах? Люди! Наброшенные полотна не скрывают трупов. Их уже обмыли и убрали.

— Это убитые, — шепчет Шура. Человек, который стоит рядом, стискивает кулак и громко говорит:

— Они дорого за них заплатят.

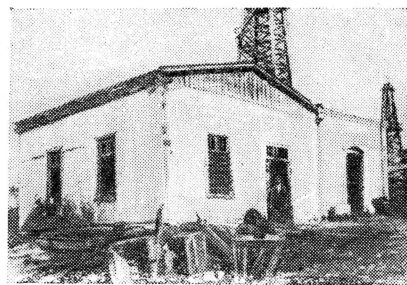
Мы выходим из дому. Да, конечно, конец еще не наступил. Обрывки мыслей проносятся в голове девятилетней девочки. Пусть ее заставят возить патроны, относить прокламации, только бы наказать тех, которые убили товарищей, изрешетили дома и опять грозят отцу.

Очень скоро отец приходит за мной к бабушке.

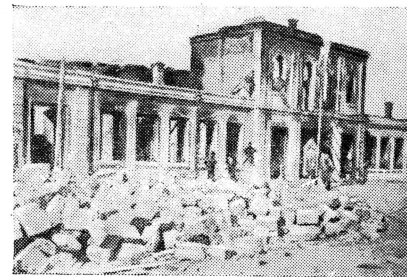
— Собирайся. — говорит он, — поедем в Баку.

Опять расставаться с бабушкой, оставить теток, подруг? Отец ловит мой испуганный взгляд.

— А мать забыла совсем, — укоризненно произносит он. — Она ведь в Баку скоро приедет, увидишь ее там.

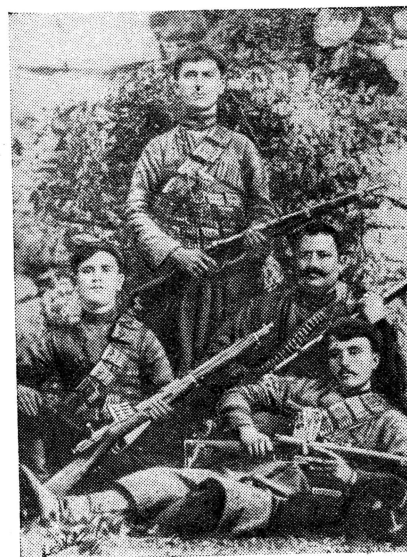
Здание насосной станции нефтепромыслов Ротшильда, где в 1905 году хранилось оружие революционных рабочих Баку.

Дом в Баку после бомбардировки казачьей батареей.

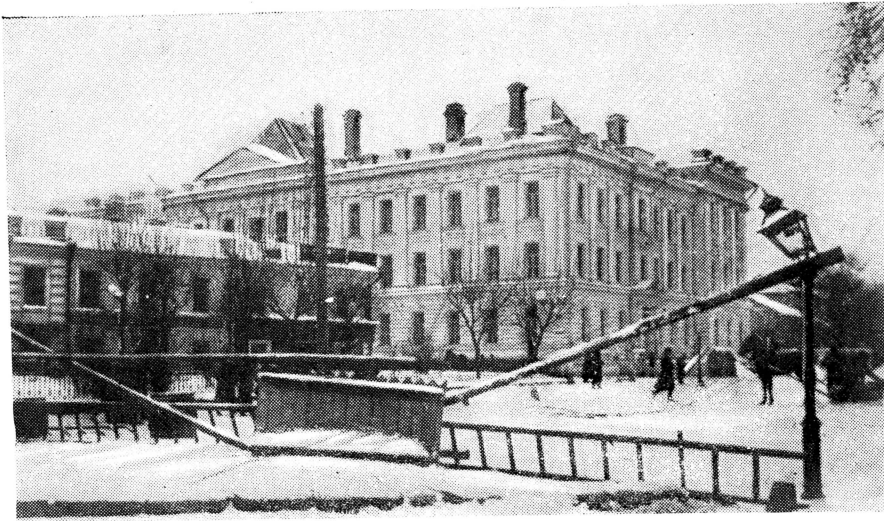

Группа дружинников Душетского уезда. Грузия, 1905 год.

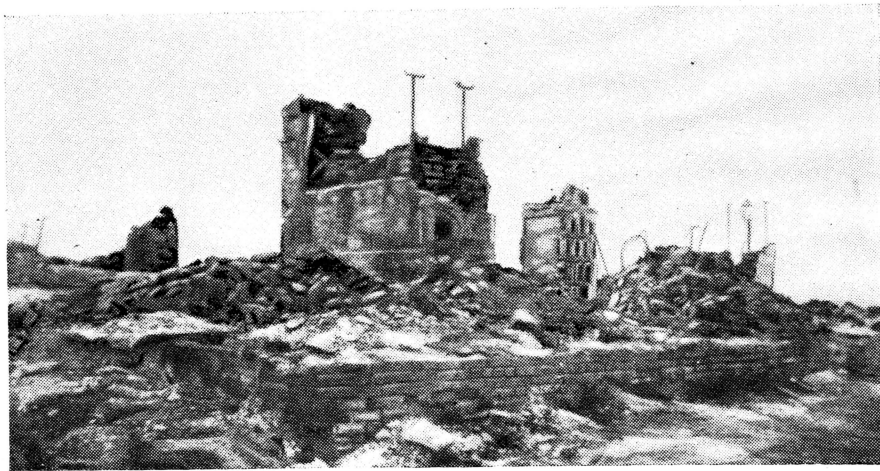

Гурийские крестьяне-дружинники. Грузия, 1905 год.

(Фото Центрального музея Революции СССР.)

Москва, декабрь 1905 года. На Садово-Триумфальной.

На Пресне, близ Горбатого моста, после разгрома декабрьского восстания.

Я стою онемевшая. Столько прошло дней, захлестнувших собой все недавнее, когда семья была вместе и жизнь определялась маминым голосом, когда рядом был Павлуша, с которым делились все игры, горести и радости, когда были младшие, забота о которых была и моей заботой.

— Все придут? И Павлуша? — обретаю я, наконец, голос.

— Все, — отвечает отец. — Надо собирать семью, — говорит он как будто про себя.

Бабушка складывает мои вещи, и мы с отцом уезжаем.

Мама с Павлушей, Федей и Надей приезжает в дом на Баилове, где отец снял две комнаты. Они в нижнем, почти подвальном этаже. Окна выходят на каменистый двор, который полого спускается к морю. Как это хорошо! Мне очень нравится, что море так близко.

И Павлуше это тоже нравится.

Наступил, наконец, день, когда мы все собираемся вместе. Какие большие стали Надя и Федя. Отец, подняв их, подбрасывает вверх, и они, признав его, уже от него не отходят. За столом идут рассказы о Москве. Когда мама забывает или

пропускает что-нибудь, Павлуша ее поправляет.

Восстание на Пресне застало маму в комнате на Бронной. Павлушу она отправила в Нижний, к Соне Липинской. Мама сняла комнату из-за дешевизны в деревянном доме извозчика-ломовика. Крохотная, неприглядная каморка, в которой едва помещалась узкая железная кровать. Федя жил с мамой. Надя оставалась у Ржевских.

— Иной раз я на целый день уходила из дому, — говорит мама. — И Федю-то одного было оставлять страшно.

— И вовсе не страшно! Я ничего не боялся.

Это удивительно — Федя начал разговаривать, как взрослый. Он сам рассказывает, как бастовала Москва. Водопровод не работал, воду брали в колодцах. Павлуша объясняет, что только с десяток ксладцев сохранилось в Москве, и за несколько дней их вычерпали досуха.

— А у нас во дворе был колодец, — торопится вставить Федя. — Сколько народу приходило к нам за водой!

Просто трудно привыкнуть, что Федя полноправный собеседник. Но

мама, точно осудив мою недоверчивость, вставляет:

— Вы не шутите с Федей! Он и на баррикадах дрался.

И гордясь не меньше, чем старшим, своим младшим сыном, мама рассказывает: 9 декабря она утром вышла из дому. Надо было повидаться с товарищами. О том, что готовится вооруженное выступление, мама уже знала. Знакомые дружинники забегали к ней. Иногда они оставляли оружие, иногда мама кормила их, если только дома находилось что-нибудь съестное.

Мама и сейчас волнуется, рассказывая, как возвращалась она домой. Тревога за Федю гнала ее. Она шла под пулями, забегала в подъезды, по часу дожидаясь, пока выстрелы смолкнут. Она видела, как к домам подвозили пушки.

Мама шла переулками — путь от Страстной до Бронной занял несколько часов. Был уже вечер, когда она подходила к дому. Рядом строили баррикаду, подкатывали бочки, из окон выбрасывали столы и стулья. Какой-то ребенок карабкался на баррикаду. Мама подбежала ближе. Наверху стоял Федя, крепко держась за одного из своих друзей.

— Так и не могла его стащить обратно, — говорит мама.

Фараоны уже стреляли по баррикаде, когда дружинники уговорили Федю спуститься вниз.

— Квартал наш обстреливался из пушек. Соседний дом почти снесло, — рассказывает дальше мама, — и наши соседи во дворе вырыли в сарае землянку и прятались там. Но Федя ни за что не соглашался залезть туда.

— «Это яма, грязная яма, не надо туда, мама, не надо». Так и не пустил меня.

И Федя опять вставляет:

— Я знал, что наш дом останется цел — дружинники ведь были с нами.

Не пули и не ядра страшили маму. Страшно было, что нас с ней не было.

— То, что Надя остается у чужих, я больше переносить не могла. Пусть здесь тесно, неудобно, но Надя должна быть со мной и Федей. Утром на другой день выступления я вышла из дому, чтобы добраться до Ржевских и с **Надей** вместе вернуться домой.

Ржевские поразились, как мама решила в такой день выйти на улицу. И начались уговоры не брать Надю, не подвергать ее опасности.

— А я настаивала, — продолжает мама волнуясь. — Не могла я больше оставлять девочку у них. Закутала, взяла на руки и как могла быстрее, держась у стен, зашагала домой. От Ржевских мы жили недалеко, и домой добралась я с **Надей** совсем спокойно.

Федя не дает маме докончить и самое главное торопится досказать сам:

— А как только мама с **Надей** ушли, в дом к Ржевским попала бомба...

— Да, — говорит мама, — в тот же день, когда я забрала Надю, дом Ржевских разрушил снаряд.

Павлуша рассказывает мне о днях, которые он пережил в Нижнем. И он видел рабочих, которые шагали с винтовками.

— Они требовали прав для себя, — говорит он, — ты знаешь ведь, по-настоящему все должно принадлежать рабочим. Но хозяева выслали жандармов и полицию. У них было больше оружия и у них были пушки...

— Ну да, поэтому они победили.

— Но и у рабочих будут пушки, вот увидишь.

И мы вдруг вспоминаем Сашу Никифорова. Нашего приятеля Сашу, которого повесили жандармы. И, содрогнувшись от жалости, мы смолкаем.

Моря и солнца вволю отпущено нам в Баку. Мы целый день во дворе, где внизу чуть слышно плещутся волны, сверкая радугой нефти. Пристани деревянными узкими помостами уходят в море. Павлушу одолевает новая страсть — он рыбачит. Свесив ноги, целыми днями сидит он на пристани с удочкой. Длинный тростник неподвижно склоняется над водой; и скоро на веревке у павлушинных ног виснет голубовато-серебряная гроздь бычков. Это единственная рыбка, которая идет здесь на приманку.

Я выхожу однажды на прогулку с Надей. Сегодня воскресенье, мама надела на нас самые нарядные белые вышитые платья. Куда же итти, если Павлуша рыбачит на пристани? Взглянув за руки, мы с Надей подходим к рыболову. Пойманые рыбки, блестя на солнце, еще трепещут. Я нагибаюсь, чтобы потрогать их. И вдруг сзади — пронзительный крик. Это Надя! Надя, руку которой я отпустила, встала на край шатающейся доски и упала вниз, в море, в грязные мазутные волны.

Но прежде чем я успеваю вскрикнуть, Павлуша уже внизу. Он поднимается с Надей на пристань и

отряхивая ее платье, ставит передо мной. Платье погибло, но Надя невредима. Она опять смеется. Катастрофу от мамы не скрыть, и, схватив Надюшу, я бегу с ней к дому.

Жизнь на Баилове в доме у моря недолго радует своим спокойствием. Мы опять ощущаем непрочность окружающего. Нахмуренным возвращается домой отец. Взрослые друзья, которые собираются вечером, забывают заняться нами. Они долго и озабоченно говорят о своем. И вот обычное течение дня в доме нарушилось. Отец не идет на работу, и с утра к нам забегают товарищи.

— Бастуют, — говорит Павлуша. — Электростанция бастует. Папа в стачечном комитете.

Забастовка кончается, и Павлуша узнает об этом первым. Что же будет дальше? Жизнь снова оборачивается беспокойными днями. Мы бежим к морю — оно плещется, как будто ничего не случилось, но ведь мы пришли прощаться с ним. Дома мама укладывает вещи. Надо итти помочь ей. Завтра мы уезжаем в Тифлис.

Как перелетных птиц, встречает нас Дидубе. Так привычно, что, облетев чужие края, мы возвращаемся к старым друзьям.

Обогащенные опытом, мы приходим на пустырь. Мы можем рассказывать — сколько вокруг слушателей! Но и друзья стали старше. И мы слушаем рассказы — винтовки в руках у отцов видали ведь не мы одни.

Проходит немного дней, и Дидубе, поле и новый дом, в котором мы теперь живем, кажутся уже чем-то привычным и неизменным. Как будто ничего другого никогда и не было. Все опять так же, как и тогда, когда мы жили у бабушки, — по гудкам мастерских мы просыпаемся, ждем отца, едим и засыпаем.

На пустыре снова признанный глава — Павлуша. Никто лучше не придумает, как в игре повторить сражение с жандармами, как взять их в обход, как завладеть ущельем. Игры становятся разнообразнее, потому что в жизнь пришли книги, и с ними новые друзья. Маленькие, обиженные герои Диккенса, гонимые и благородные индейцы, отважные путешественники. Для книг теперь забывается улица — нелегко оторваться от страницы, на которую капнула слеза. Из книг приходят сравнения. Разве не повторяет жизнь прочитанное? Бедняки лондонских трущоб, невзгоды которых вместе с оборванным принцем-нищим заставил пережить Марк Твен, — разве я не вижу их и здесь в нашем поселке? Не они разве поднимаются с рассветом и вереницей идут по тропинке к мастерским? И когда я прочту о девочке, которая вместе с отцом жила в тюрьме, разве я не представляю замок на горе над Курой, в решетчатых окнах которого мерещится мне лицо отца, дяди Миши, Алеши, многих других...

Но ярко солнце над Тифлисом и над домами бедняков в Дидубе. Нельзя отказаться от его зова. Ватага бежит по улице, и по возгласам я догадываюсь что на пусты-

ре придумано что-то заманчивое, новое. Отложена книга — скорее за всеми, не опоздать бы!

Жизнь снова внушает уверенность. Ватага беззаботна. В лапту зовут играть девочек, в новом платье трапичная кукла, сладкие коржики пекутся у бабушки. Скоро прорвет гудок. По тропинке пройдет отец, и дома к обеду мать ломтями нарежет чурек.

Но почему мама пришла на поле? И с ней женщины из поселка. Они беспокойно собираются толпой. А гудка еще нет. Почему нет до сих пор гудка?! За матерью по тропинке мы бежим к мастерским. И вот Павел и Федя знают уже все.

— Там солдаты и жандармы, — они стоят около мастерских. Они оценили ограду.

Женщины и дети останавливаются. Дальше не пускают. Солдаты поднимают винтовки. И, держась за матерей, мы долго стоим под палящим солнцем. Теперь уже все известно. В мастерских арестовали рабочих. Их уведут в тюрьму, их не отпустят. Многих, и отца тоже. Кто это мне подсказывает? Ведь вон распахиваются ворота, и по одиночке оттуда выходят люди. Они идут молча. Невеселые, нахмуренные лица. Женщины окружают их. Те, которые нашли своих, уходят с ними. А остальные?

— Вассо, а где Николай? Скажи, где Ваню?

Здесь все знают друг друга по именам. Но те, которые вышли, неохотно отвечают на распросы.

— Сергея не видели? — мать останавливает каждого.

— Нет.

О Сергее Аллилуеве никто ничего не знает. Ничего неизвестно и о других. Во многих домах Дидубе сегодня за столом останется незанятым отцовское место.

... Только несколько месяцев прошло со дня, когда объявили о дарованном царем манифесте, но от призрачных его «свобод» уже ничего не остается. Кулак, на секунду разомкнувшийся, сжимается еще яростнее. Когда, возвратясь из Баку в Тифлис, отец вновь начинает работать в железнодорожных мастерских, там еще существуют обломки царских милостей. Это конфликтно-контрольные комиссии, как будто призванные регулировать отношения между администрацией и рабочими, участвовать в установлении зарплат и расценок на сверхурочные работы.

Но комиссиями руководят угольные администрации меньшевистские заправилы, и даже эти призраки вольностей давно превращены в способы еще большего нажима на рабочих. Сверхурочные работы вводятся принудительно. Поощряя одиночек грошевой прибавкой, уменьшают заработки остальных рабочих. Опять растет безработица. Об этом говорят, предостерегая против всех иллюзий, большевики, и к ним прислушиваются рабочие. Голоса возмущения раздаются все чаще. Это вызывает новый поход на мастерские, которые давно славятся как «опасные».

Приближаются выборы в Думу. И на линии Закавказской желез-

Москва. Баррикады на Арбате в 1905 году.

ной дороги объявляется военное положение. Сейчас власти ждут только удобного случая, чтобы окончательно задавить, уничтожить самый дух вольности, изъять, убрать из мастерских всех непокорных. Случай представляется. Выведенные из терпения доносами и шпионажем, насаждавшимися администрацией, рабочие убили провокатора-черносотенца, работавшего в мастерских. Это было вечером после конца рабочего дня. Стрелявших в предателя скрыла толпа.

На другой день в час обеденного перерыва мастерские окружили войска. Жандармы и полиция наводнили цехи. Офицеры Тифлисского стрелкового полка, самого реакционного в те дни, вошли в помещение главной конторы, где их встретило начальство.

Офицеры потребовали вызвать тех, кто считался подозрительным. Под конвоем жандармов вызванных вводили в контору. По списку черной сотни офицеры задержали тридцать человек. Среди них был и отец. Арестованных вывели во двор, и караул солдат железнодорожного батальона встал вокруг. Офицеры были здесь же. Несколько служащих, самых махровых черносотенцев, указывая на задержанных, громко давали им свои характеристики.

Арестованных продержали до вечера во дворе. И под усиленным конвоем повели в Ортачалы, в губернскую тюрьму, — она была верстах в семи от города. На пути конвой встретил отряд стрелков. Офицер остановил конвой, что-то громко крикнул, и один из солдат встал возле отца. Отец, не успев еще понять, в чем дело, как товарищи уже кольцом окружили его и оттолкнули вперед, в первые ряды.

Тревога была не напрасной. Стрелки готовились избавиться от одного из самых непокорных — моего отца. Стрелок уже поднял приклад. Это был обычный способ: от неожиданного удара арестованный подавался в сторону, и тогда с криком «А, бежать задумал!» его приканчивали пулей или штыком в спину.

Товарищи во время оттеснили солдата и не допустили расправы с отцом.

...Военно-полевой суд — вот что грозит арестованным, узнают в поселке.

— Военно-полевой суд — это значит смертная казнь, — слышим мы. Нельзя думать об этом. Но слова пришли в дом — военный суд, смерть, расстрел. Отца расстреляют... Нет, надо гнать эти мысли.

Каждый день вместе с матерью Павел куда то уходит. Добиваться правды, узнать, что ждет отца. Павел молчалив и задумчив. В свои двенадцать лет он кажется нам сейчас совсем взрослым. Он может объяснить все, уверены мы. К нему теперь раньше всех обращаем мы недоуменные вопросы.

Вечером мы долго лежим, не засыпая, на балконе, где летом мама стелет постели. Темнота кажется

угрожающей. Каким страшным лицом обернулась жизнь. Павлуша с Федей лежит рядом, под одним одеялом. Я слышу их шопот.

— Ну что же, — говорит Павлуша, — мы сами должны будем заботываться...

— Сами! А как же? — допытывается Федя у старшего брата.

— Мы будем сначала продавать газеты, а потом еще что-нибудь...

— Газеты, — повторяет Федя.

Газеты! Ну, конечно, Павел прав. И я ведь смогу бегать с газетами и кричать: «Ахали Цхореба!» — «Наша жизнь», так называется газета, которую приносит товарищи.

О. Е. Аллилуева (1905 год).

...Заключенным в Ортачалскую тюрьму железнодорожникам объявлено — их предадут военно-полевому суду. Люди ждут, готовые ко всему. Казнь первых жертв уже назначена, — знают в тюрьме. Только что на смерть осуждено несколько товарищей, покушавшихся на кого-то из властей.

Казнь совершается за оградой, на тюремном дворе. В этот час заключенных выводят на прогулку. Они шагают перед высокой, сложенной из камней стеной. Там, во дворе, расстреляют приговоренных... Одинокое дерево у стены качает ветвями, точно заглядывая за оградой.

Вызывая далекое эхо, глухо прокатывается запл. Товарищи останавливаются и обнажают головы.

Кто-то, побледнев, вскрикивает и подбегает к дереву. Не слушая окриков часового, товарищ карабкается по ветвям и глядит за оградой. Потом спрыгивает на землю и, стиснув кулаки, шатаясь, прислоняется к стволу. Часовые угрожают штыками. Прогулка продолжается.

Слухи вползают в поселок. Их приносят в дом. В Ортачалской тюрьме расстреляны товарищи. Называют имена, кажется, Аллилуев среди них. Женщины, жены арестованных, не выдерживают. Они идут и требуют, чтобы их принял на-

чальник дороги, — по его приказу арестованы их мужья. За что им грозит смерть?

Начальник дороги полковник Негейбауэр не переставал улыбаться, пока, сдерживая всхлипывания, волнуясь и возмущаясь, говорили перед ним женщины. Потом они замолчали, они ждали ответа.

— Не вижу причин для беспокойства, — все так же улыбаясь, процедил полковник. — Арестованные, как видно, чувствуют себя превосходно и тюрьму покидать не торопятся, иначе, — улыбка уже сошла с лица господина Негейбауэра, — иначе они сообщили бы властям, кто действительные виновники убийства.

Голос полковника теряет свою ласковость. Он грозит. Он обещает примерно наказать «злодеев», а если их не выдадут, то всех арестованных он погонит в Сибирь. Потом, помолчав, он оглядывает женщин, и опять улыбка на его губах.

— Впрочем, родственники арестованных могут сами помочь им. Если заключенные отказываются называть убийц, то укажите их вы, и ваши мужья будут тотчас освобождены...

Женщины переглядываются, они понимают друг друга. Нет! Такой ценой они не хотят свободы мужьям. Господину Негейбауэру ничего не удастся добиться. Женщины уходят.

И опять тянутся дни, заполненные унылым ожиданием, слухами, которые приходят с улицы, вестями, которые приносят из города товарищи и друзья. В назойливом стуке маминой машинки — она опять не смолкает весь день — слышится все тот же вопрос: «Что же будет с отцом, что же будет с нами?»

Павлуша за эти дни становится намного старше. Он ходит по маминим поручениям, останавливает нас, если, забывшись, мы поднимаем возню, и, когда, на минуту отодвинув машинку, мама роняет голову на руки, он подходит к ней и тихо говорит:

— Мама, не надо...

И взглянув на старшего сына, мама выпрямляется, и опять ровно стучит игла. Но трудно одной этой шумливой машинке прокормить столько ртов. Мы узнаем — мама пойдет на работу, товарищи нашли ей место приказчицы в лавке. Вечером в кроватях мы обсуждаем новость.

— Мы можем помогать матери, — говорит Павлуша, — можем тоже наняться работать в магазин — заворачивать пакеты, относить покупки...

Как хорошо представлять себя приносящей пользу. Мы засыпаем спокойней в этот день; но утро опять приносит страх. Голоса соседок слышны с галлерей. Вот голос матери. Но он кажется громче и уверенней. О чем же это говорят? И, выбегая, мы узнаем — добрые вести пришли в дом. Отец жив, и с ним разрешено свидание — завтра мы все пойдем к нему в тюрьму.

...Сначала конкой, потом пешком

мы добираемся до тюрьмы. Мы долго идем по выжженному полю. Мы шагаем не одни. Впереди, рядом и догоняя нас, идут люди — это все родные арестованных. Как и мы, спешат они на свидание. Дорога кажется бесконечной. Маленькая Надя устала, и Павлуша несет ее на плечах.

— Вон тюрьма, — вдруг слышу я. — Вон она...

Ортачалская тюрьма не похожа на знакомый мне Метехский замок. За каменной оградой видны невысокие серые корпуса. Решетчатые окна, тяжелые ворота на запоре. Я невольно дрожу. Сколько раз слышала я об этой тюрьме. Тюрьма смертников! Приговоренные к казни ждут здесь последнего часа. Страшно приближаться к этому месту.

— Нюра, видишь? — толкает меня Федя.

Я оборачиваюсь. Федя остановился у врытого в землю столба с длинной перекладной.

— Здесь они были повешены, — говорит кто-то. — Они отказались завязать глаза, сами надели веревки на шею и сами выбили скамьи из-под ног.

Это говорят о товарищах. Сколько рассказов слышала я о них. Я не помню их имен, но я знаю — они погибли за правду, за то же, за что брошен в тюрьму мой отец. И их убили так же, как убили Сашу, как убили тех, чьи трупы нашли в лесу на горе, как убили многих других, как хотели убить отца...

Я смотрю на братьев — Павла и Федю. Как и я, они не могут оторвать глаз от столба с перекладной.

Мы долго стоим у тяжелых ворот. Когда же они откроются? Увидим ли мы отца? Но нельзя выражать нетерпения, и люди молча ждут под палящим солнцем.

Наконец, ворота медленно открываются и тюремный двор предстает перед нами. Я слышу, кто-то рядом объясняет шопотом:

— Сюда их выводят на прогулку.

Сейчас двор пуст. Во всю его длину стражники протягивают веревку. Перед ней становятся часовые, и тогда родным разрешают пройти во двор.

Из корпусов выводят заключенных. Они приближаются, жадно вглядываясь в толпу. Отца мы не видим. Где он?

— Где Сергей? — спрашивает товарища мама.

— Он староста, задержался немного; не беспокойся, сейчас он выйдет...

Но мы уже видим отца. Вон он! Все четверо мы вскрикиваем:

— Папа!..

Он издал улыбаются нам. Надя протягивает к нему руки, но часовой с нас не сводит глаз, и отец выпрямляется.

— Ну что? Сергей, что вам объявили?... — говорит мама.

— Ничего, ничего, успокойся.

Арестованным уже известно, что они приговорены к ссылке. Куда-то на дальний север.

На четвертый месяц после ареста отца высылают. Мы готовимся теперь к очень далекому пу-

тешествию — на север, в Архангельскую губернию, к отцу.

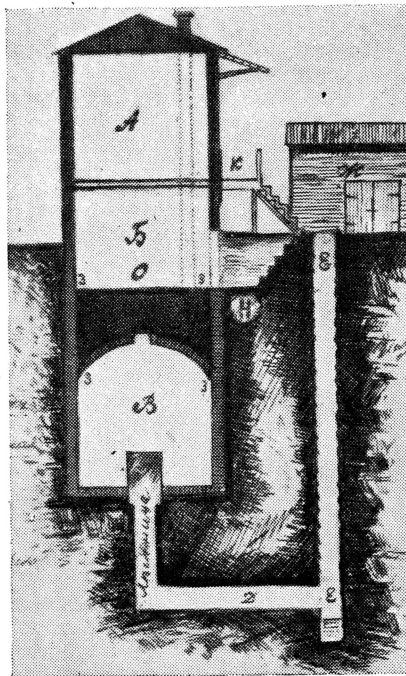
Мама начинает сборы. Наш совет собирается ежевечерне. Мы слушаем Павла. Как он умеет увлекательно представить будущее и объяснить все, что происходит в настоящем.

— Там снежные поля — тундры — и леса, где только ели и сосны, — говорит он так, как будто видит перед собой эти занесенные снегом бесконечные северные просторы. — А какие там водятся звери! Олени, белые медведи. Мы с папой будем ходить на охоту и приносить маме на обед нашу добычу. А шкуры можно продавать...

Какие заманчивые мечты! У Фе-ди блестят глаза. А его возьмут на охоту? Возьмут, конечно. Павел уговорит папу, ведь к тому времени Федор уже подрастет.

Но Павлуше не пришлось хлопотать за Федю. Мы не увидели тундру и не охотились в северных лесах. В Архангельск мы не поехали. Неожиданно сборы туда прекращаются. Нас всех сваливает корь. Несколько дней мы мечемся в жару, потом приходит облегчение. Болель не оказалась жестокой. Но мы еще долго лежим ослабевшие, худые, и целый день то над одной, то над другой кроватью склоняется мамина голова. И однажды вечером, перед сном, я слышу шопот:

Нюра! Ты только молчи... папа вернулся, бежал из ссылки. Я

Чертеж Авлабарской подпольной типографии, где печатались большевистские газеты и листовки (г. Тифлис): А — жилые комнаты; Б — подвал; В — подвал-комната, где помещалась тайная типография; Г — выход из подвала в подземную галерею; Д — балкон дома; Е — подземный ход к колодезю; Ж — сарай, где находится колодезь; З — отдушники, идущие из подвала; И — заделанный ход в боковой стене первого подвала.

пойду его встретить... Лежи и прислушивайся. Маленькие уже спят... И Павел спит, не буди их...

Я приподнимаюсь на кровати, едва сдерживая возглас. Мама гладит меня.

— Тихо, тихо... Ты поняла?..

Конечно, все поняла. Мама набрасывает платок и неслышно ускользает из комнаты. Я верчусь на кровати, я не могу лежать. Оглядываюсь и слышу только спокойное дыхание. Тогда я не выдерживаю.

— Павлуша, Павлуша! — звенящим шопотом бужу я старшего брата.

Протирая глаза, он поднимает голову.

— Папа вернулся, слышишь, Павлуша!.. Папа...

Павел усаживается на моей кровати и, прижавшись друг к другу, мы ждем.

— Он бежал! Бежал из ссылки... Что же с ним теперь будет? Как он бежал? За ним ведь, наверное, гнались. Его надо скрыть сейчас от всех.

Когда мы слышим осторожные шаги на галлерее, мы забываем обо всем. Соскочив с кровати, мы бежим к дверям и за руки втаскиваем отца в комнату.

Папа укладывается спать на балконе. При малейшей опасности оттуда можно по дереву соскользнуть вниз на улицу.

Ночь проходит благополучно. А утро приносит томительное беспокойство. Во дворе обход полиции... В доме, который сплошь населен рабочими-железнодорожниками, жандармы производят очередной обыск. Как по беспроволочному телеграфу, о событии оповещаются все жильцы. Каждый изыскивает способ предупредить соседа. Молниеносно весть доходит и до нас.

Что делать? Жандармы во дворе, засада, наверное, устроена и на улице. По галлерее, на которую выходят двери всех квартир, уже стучат тяжелые сапоги. Куда деваться отцу? Но мама вдруг машет рукой, и отец становится за дверь во второй комнате. Мама садится за швейную машину. Мы все здесь же, все в своих кроватях.

Жандармы входят без стука.

— А... это ты!..

Конечно! Они ее хорошо знают.

— Где твой муж?

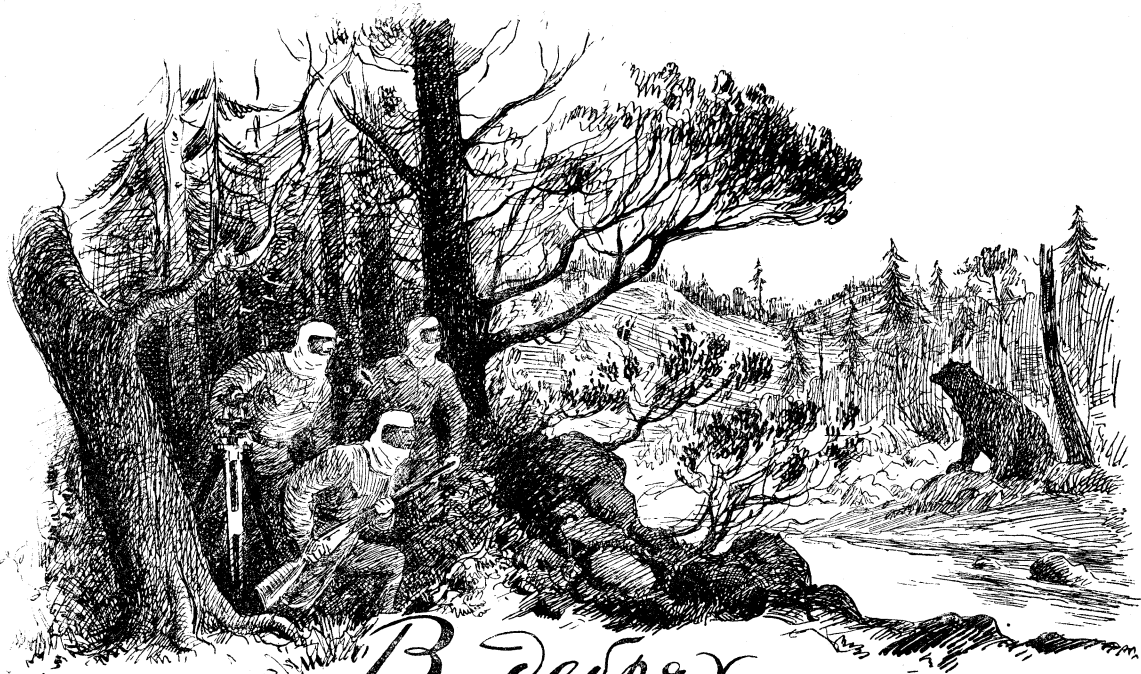
Только тогда мама перестает крутить ручку машинки и поднимает голову. Я вижу, что глаза ее полны слез.

— Да ведь вы сами знаете, что его нет в Тифлисе. Ведь он выслан... Выслан!.. Вы же это хорошо знаете. А я здесь одна, одна с больными детьми, — мама обводит руками комнату. — Видите, вот все лежат больные...

Было столько убедительности в мамином голосе, что жандармы, оглядев комнату, повернулись и ушли. Мы не двигались, пока шаги их не смолкли.

Папа пробыл в Тифлисе несколько дней. Больше оставаться было нельзя. Кто-то проболтался о его возвращении. Надо было скрыться. Отец уехал в Баку.

(Окончание следует)

В делях Уссурийской тайги

Приключения военных геодезистов

Все вы видели географические карты, на которых изображены не только города и плодородные, густо населенные края, но и пустыни, и вечно покрытые снегами горы, с которых сползают многовековые ледники. На бумаге все это выглядит очень просто. Нарисован извивающийся горный хребт с отрогами, похожими на лапки гусеницы; изображен перевал, и к нему тянется тропа; большая река берет свое начало целым пучком длинных пиявок, высасывающих воду из ледников, и т. д.

Немногие, однако, задумывались над тем, сколько невероятных трудов и усилий затрачивают геодезисты, прежде чем нанести все это на бумагу.

Мало еще исследовать то или иное место, — надо это сделать очень точно. Мы, военные геодезисты, создающие карту главным образом для Красной армии, придаем точности особенно большое значение. Ведь малейшая ошибка может повлечь большие и ненужные жертвы.

Хорошему геодезисту приходится быть и плотником, чтобы строить сигналы, и следопытом, чтобы не запутаться в лесах и пустынях, и альпинистом, чтобы не свалиться, карабкаясь по высоким горам. Сегодня он фельдшер, завтра — ветеринар. То он едет верхом на лошади, то бредет пешком с тяжелым грузом на спине по болотистой, бездорожной тундре.

Окончив в 1932 году Ленинградское военно-топографическое училище, я сразу попал в дикую тайгу Уссурийского края.

Получил я задание и с командой, состоявшей из девяти красноармейцев, углубился в тайгу. У нас было продовольствия на два месяца, инструменты. Где вьюками на лошадях, где на лодках, а где и на собственных плечах перетаскивали мы груз на сто пятьдесят километров восточнее Уссурийской железной дороги. Отпустили проводников и остались одни в таежной глухомани.

Красноармейцы были не из здешних мест, за исключением одного только Гнедых, сибиряка, сына старого охотника. Не сразу мы освоились с новой обстановкой. Первое время по ночам, бывало, выскакивали из палатки, заслышав волчий вой, и с тревогой глядели на приближающиеся зеленые точки. Впрочем, скоро мы так привыкли к обществу волков, что даже казалось странным, если перед сном не слышали знакомой «симфонии» и ответного выстрела из винтовки. Это дневальный пугал волков, и эхо повторялось в горах бесчисленное количество раз. Но вьючные лошади никак не могли привыкнуть к волчьему вою, и появление зеленых огоньков заставляло их пугливо жаться к палаткам.

Выдался хороший безветренный день. Мы шли к скалистому хребту, поросшему редким лесом. Когда восходило солнце, он казался лиловым, потом нежно-фиолетовым, а теперь, когда мы приближались к нему, он был серый. Глыбы каменных пород громоздились одна на другую, пугая своей неприступностью.

И как только в этом хаосе камней и скал могли расти деревья?

Долго карабкались мы по скалистым выступам. У каждого за спиной тяжелый груз: железные блоки, толстые канаты, топоры и много других инструментов. Но вот, наконец, и вершина хребта. Это плато величиной с Красную площадь в Москве. Можно отдышаться. Мы жадно набираем полную грудь чистейшего горного воздуха и смотрим вниз, на пройденный путь.

Под ногами такая ширь, что словами не выразишь. Сквозь легкую дымку видны синие ленты рек, долины с изумрудной зеленью, леса, пестрящие покровами различных пород. А вокруг всего этого, как рамка, горы причудливых форм, сопки, своими лысыми многовековыми вершинами уходящие за облака... Стоишь, смотришь вокруг и радостно, радостно от простора этого и от мысли, что ты здесь делаешь важное, нужное дело; радостно сознавать, что каждый день твоей работы сокращает белые пятна на карте родины. Радостно, что по карте, сделанной тобой, летчик уверенно поведет свой воздушный корабль, артиллеристы поразят врага, даже не видя его, пехота скрыто подойдет к противнику.

Передохнув, мы подошли к центру плато и сложили груз. Затем разошлись в стороны выбирать место для постройки сигнала.

— Сюда! Вижу две пирамиды! — крикнул Гнедых.

Действительно, с того места, где он стоял, видны были на фоне неба желтеющие бревнами две пирамиды, построенные нами ранее.

Вооружившись биноклем, я нашел и третью. Она была похожа на треногу с фотоаппаратом.

Сигнал — это вышка зачастую до тридцати — сорока пяти метров высоты с площадкой наверху и столиком для установки инструмента. Он должен быть крепок, чтобы при среднем ветре универсал или другой инструмент не дрожал. Много труда нужно положить, чтобы достигнуть такой прочности.

Площадка для сигнала была разбита. Зазвенели кирки и ломы, выдалбливая ямы для основных столбов сигнала. Застучали топоры. С шумом падали деревья.

Лес рос ниже плато, и тяжелые бревна приходилось таскать наверх. — Раз, два — взяли!

И бревно, поднявшись, ложится на восемь плеч.

Я сгибаюсь под бревном, которое сдирает кожу с плеча. Вдруг впереди меня упал Романов, о него споткнулся Кулиш. Тяжесть давит к земле.

— Вправо бросай! — командовал я, и бревно, уже почти принесенное на место, летит, крутясь, вниз.

За три дня упорного труда — с восхода и до захода солнца — мы втащили на плато шестьдесят бревен.

На четвертый день в центре основания будущего сигнала стояла мачта. С помощью ее, толстых смоляных канатов и системы блоков приступили к подъему основных, тридцатипятиметровых столбов, сращенных из двух-трех бревен. Люди, напрягаясь, тянули канат. Ладони покраснели и горели, как обожженные. Блоки пищали, столб изгибался и, кряхтя, как живой, медленно поднимался, принимая вертикальное положение.

На следующий день четыре столба шатались под ветром, удерживаемые натяжными канатами. По стремянкам я влез на столб и, отвязывая верхний блок, с удовлетворением поглядывая на показавшиеся из-за леса вершины гор. Для работы необходимо было их видеть. Расчет мой оказался верным. Общая высота сигнала — тридцать метров, а до столика двадцать семь — обеспечивала хорошую видимость. Но не очень приятно стоять в двадцати пяти метрах от земли на столбе, который раскачивается ветром.

После обеда Гнедых отвязывал блоки на остальных столбах, а я тесал болванку, показывая, как обработать визирный цилиндр¹.

Вдруг налетел порыв сильного ветра, и в шуме ветра я услышал крик:

— А-а-ааа!..

Обернувшись на голос, я оцепенел. Столб, на котором висел Гнедых, медленно, плавно падал. Гнедых, привязанный к столбу цепью телеграфного пояса, падал спиной вниз. Он крикнул только один раз и затем молча летел к смерти.

¹ Визирный цилиндр — толстое круглое бревно-шпиль. На него наводят инструмент, производя наблюдения с соседнего пункта.

— На оттяжной! — громко командовал я, но красноармейцы уже бежали, рискуя попасть под столб. Столб вдруг затрещал, согнулся и остановился, раскачиваясь, задержанный страховочным канатом, который был намотан на мачту еще вчера — так, на всякий случай. Столб остановился, когда Гнедых отделило от земли еще метров десять. Он разомкнул цепь, слез и подошел ко мне. Лицо его было бледно. Бледные тонкие губы сухо, застенчиво улыбались. Подбежали остальные. Все опустились на бревна и молча просидели на них несколько минут, поглядывая друг на друга и покачивая головами. Потом закурили, начали обсуждать: как это могло случиться? Оказалось, что правые боковые оттяжки не выдержали. Одна порвалась, а другая натянулась так, что вывернула сваю из каменистого грунта.

Все хорошо, что хорошо кончается. Но после этого я с удвоенным вниманием следил за техникой безопасности постройки.

Через час столб подняли на прежнее место, и мы с Гнедых и Минько опять полезли наверх.

Еще через два дня столбы переплелись крестообразными, поперечными, диагональными креплениями. Получилось нечто похожее на маяк.

Мы возвращались к основному лагерю. Прошли пять километров и сели отдохнуть под дикой яблоней. Отсюда был виден построенный нами сигнал. Мы не могли оторвать взоров от своего детища, отнявшего у нас так много сил; не было, наверно, ни одной мышцы в теле, которая не болела бы.

Скоро придется вернуться к этому сигналу с наблюдательным инструментом и тогда уже попрактикуемся с ним.

За нами, триангуляторами, придут топографы, за топографами — еще люди, много людей. Осваивая дикую тайгу, разрабатывая вновь обнаруженные богатства, они будут держать в руках карту, карту, которую создаем мы. Им уже не попадутся места, где не ступала нога человека.

Триангуляторы и топографы — родные братья. И те и другие называются геодезистами.

Паук, приступая к своей сложной работе, прежде всего дает основу паутине — укрепляет несколько толстых, крепких нитей — и только потом между ними создает ажурную ткань.

Триангулятор дает крепкие нити — основу, или иначе — тригонометрическую сеть; топограф базируется на ней, кропотливым трудом создает ажурную ткань — свою, уже геометрическую сеть и только затем — карту. Триангулятор измеряет углы в фигурах сети. Затем путем довольно долгих и сложных математических вычислений получает так называемые координаты вершин фигур, то-есть пунктов. По координатам определяется местоположение пункта на земном шаре с точностью от одного сантиметра до

одного метра. Эти пункты как бы прикалывают лист карты к определенному месту. Вот почему карта никогда не может быть сдвинута в сторону или повернута. И сколько бы топографов ни работало на маленьких кусочках территории, карты этих кусочков можно склеить в одну большую. И кусочки должны подойти друг к другу — благодаря единой системе сети триангуляции.

ВСТРЕЧА С МЕДВЕДЕМ

Дни быстро проходили в напряженной работе, в лазанье по скалам, постройке сигналов и пирамид. Мы не заметили, как минуло полтора месяца и надо было посылать людей в условленное место для связи и за продуктами. Место это находилось за сорок километров, в верховьях реки, где приютился сдавленный со всех сторон горами маленький охотничий поселок. Дороги, конечно, туда не было, да и тропы обрывались.

В этот трудный путь отправил я двух красноармейцев — Гнедых и Кулиша. Кулиш был красив, высокого роста и огромной физической силы. Гнедых головой доставал ему до кармана гимнастерки, но в умении лазать по горам, знании звериных повадок, в способности принараиваться к обстоятельствам никто у нас не мог с ним сравниться.

На утренней заре, когда багровый румянец покрыл небо, они тронулись в путь на восток. Я с пятью красноармейцами, навьючив на себя инструменты и продукты, двинулся на запад — связывать построенные пункты полигонометрическими ходами, которые будут давать топографам опорные точки для съемки карты. Два человека остались в лагере.

Прошло десять дней. Посланные товарищи не возвращались. Тяжелые предчувствия охватили нас. Прошло еще два дня. Тревога наша росла. Ити на розыски? Но это вряд ли что-нибудь даст. Времени прошло много, да, кроме того, это значило бы сорвать работу: наступил уже август, и хорошие дни были на вес золота. Я решил подождать еще дня два.

Мы прокладывали ход в густых зарослях. Деревья стояли так плотно, что пролезть между ними иной раз было невозможно, и, чтобы расчистить просеку, приходилось вырубать их.

Мы перешли вброд небольшую горную речку и остановились в трехстах шагах от нее. Пора было кончать работу.

Солнце близило к горизонту бросая лучи в просветы темно-лиловых густых облаков. Было жарко и душно. Красноармейцы подошли к инструменту, отмахиваясь ветками тальника от пискливо жужжащих комаров и мошек. Не только спухшее тело все тело горело, искусанное ядовитым гнусом.

— Неважный денек предстоит завтра, — сказал Романов, записавший в журнал наблюдений по-

казания инструмента. Я взглянул на него. Он сидел на ящике из-под инструмента и, положив журнал на колени, всматривался через прутья ивняка в противоположный берег. Лицо его покрывали красные полосы, ладони были в крови от поминутного хлопаяния по лицу. На белых листах журнала пестрели многочисленные отпечатки окровавленных пальцев. Гнус жужжал, звонко пищал вокруг, наполняя воздух шумом.

— Послушайте, Романов, вы бы как-нибудь осторожнее. Журнал ведь портите, — обратился к нему я. Но вместо ответа он замахал руками и зашипел:

— Шшш... тише... — Взгляд его не отрывался от противоположного берега.

Я посмотрел туда и увидел нечто, заставившее меня опуститься на колени и схватить винтовку. Вслед за мной присели и бойцы. Из густого тальника по ту сторону реки вышел большой черный медведь. Двигался он неуклюже, лениво и мягко ступая мохнатыми лапами и комично мотая головой. Походка у него была, как у лошадей особой породы — иноходцев. Он переставлял попеременно то обе правые, то обе левые лапы. Мишка подошел к большому камню, стал на задние лапы, а передними попытался перевернуть его. Это ему не удалось. Тогда он взобрался на камень и, подняв вверх голову, начал водить ею по сторонам, прислушиваясь к шорохам и лова запахи.

Мы притаились. Ветерок дул с его стороны. Я просунул винтовку меж кустов и прицелился. Гулко прозвучал выстрел, повторенный несколько раз эхом. Мишка вздрогнул, спрыгнул вниз и спокойно заковылял по берегу. Выстрелил Романов, и пуля взметнула гальку немного ближе цели. Медведь рывкнул, поднялся на дыбы, сделал уморительнейшее движение, стоя на одной задней ноге и подняв вторую, как балерина, махнула передними лапами, будто посылая привет, и помчался галопом вдоль реки, высоко подбрасывая зад.

Мы расхохотались. Таким смешным никто не представлял себе Мишку на воле.

Но вот он перепрыгнул через поваленное нами дерево, поднял голову и зарычал. Мы с Романовым выстрелили еще раз. Медведь мигом перемахнул через кучу веток и скрылся в чаще. Попали или нет? Мы перешли речку и у поваленного кедра увидели отпечатки длинных ступней с большими когтями а на мелкой гальке капли крови.

Следы подвели нас к густому кустарнику, а вскоре мы заметили и медведя. Он уставился мордой вниз и сердито заребал землю передней лапой, готовясь к нападению. Я вскинул винтовку и нажал спусковой крючок. Раздался выстрел. Медведь заревел и рухнул на землю. Вскоре он затих.

К палаткам итти было поздно. Мы здесь же разожгли костер и поджарили на вертеле шашлык из медвежатины. Я ел медвежатину

впервые. Мясо это нежное, немного сладковатое.

От холода, которым тянуло с реки, начало ломить плечи, но коленам и груди было жарко от уютно подгрескивающего костра. На огне вдруг зашипели крупные капли дождя. На небе сгрудились тучи, но луна еще ухитрялась прорываться сквозь них и выскальзывала вновь, сияющая. Потом она, побежденная, скрылась, и под густым теплым дождем зашелестели листья деревьев и кустов.

У нас был только большой топографический зонт и два плаща. Мы поставили под зонт инструмент, сели сами, прижавшись друг к другу, накрывшись одним плащом, а другой дали Романову, который вызвался дневалить в первую смену. Через час всем стало неудобно сидеть в напряженном состоянии, но каждый старался не двигаться, думая, что помешает товарищам, которым лучше.

Когда окончательно промокли и тяжелая одежда липла к телу холодным свинцом, стало неважно, и мы поднялись, разминая отекавшие ноги. Часа два грелись около огня. Дождь хлестал. Надоело промокать не двигаясь. Решили пробираться к лагерю: все равно под дождем.

Связали поясами ноги медведю, просунули между ног вырубленное бревно, и четверо понесли огромную тушу зверя. Я и Минько навьючили на себя остальную груз.

Река набухла. Она бурлила, пенилась, урчала, выходя из берегов. Теперь перейти ее вброд будет трудно. Вода поднялась по грудь. Мы подрубали два высоких дерева — граб и ясень — и свалили их вершинами на тот берег неширокой, но быстрой речки. Осторожно вошли в воду, держась за огромные стволы деревьев, которые дрожали от сильных ударов волн и выгнулись дугой. Первой перешла четверка с медведем, а за нею Минько и я.

Минько начал натягивать сапоги. Они не лезли.

— Зачем же вы разувались? — спросил я.

— Да не хотел, чтобы в сапогах хлюпало.

— А теперь будешь босиком хлюпать, — подтрунивал повар Назаров.

— Ну и что же, так даже легче. — Минько обмотал ноги портянками и пошел по камням и бурламу. Шагов через двести я заметил, что ему хотя и легко, но не сладко, и приказал обмотать ноги брезентовыми плащами, которые были на плечах Назарова и Ковальчука. Минько отнекивался. Я повторил приказание. Тогда только он, виновато ухмыляясь, обмотал ноги плащами. Долго пробирались мы по тайге, по знакомым местам, измененным дождем до неузнаваемости. Дождь стучал по фуражкам. Холодные ручейки пробирались за ворот и ползли по телу.

Только на рассвете добрались мы до бивуака.

СУСАН

Минько целую неделю после того зашивал многочисленные дыры в плащах, а я лечил ему ноги.

Кулиша и Гнедых все не было. Продукты кончились. Сильный дождь сменился мелким. Туман, напозая с гор в долину, окутывал две палатки, прилепившиеся у подножья скалы на берегу речушки.

Бойцы погрелись у костра, позавтракали шашлыком и пошли на перевал жечь костры в надежде, что если Кулиш и Гнедых где-нибудь поблизости, то костры помогут им ориентироваться.

Я решил: если и сегодня они не придут, двинемся на поиски, как только рассеется туман. А пока я сел в палатке и принялся за вычисления. Бумага коробилась от сырости, карандаш резал ее. Мысль плохо воспринимала значение чисел. Тревога за пропавших товарищей мешала работать. Внезапно дверь палатки зашевелилась, и в нее просунулась большая серая голова собаки. Собака обнюхивала парусину, скосив на меня темнокарий глаз.

— Тьфу, что за оказия, — изумился я. — Откуда тут собака? Не одичавшая ли? — И инстинктивно схватился за ручку топора.

Собака отпрыгнула в сторону и, сев на землю, залилась густым лаем. Я вышел из палатки. Издали, из-за пелены густого тумана, доносились веселые звуки боевой песни. Я отбросил топор и кинулся к собаке, чтобы приласкать ее, но она, не вставая, так зарычала, оскалив клыки, что я отошел подальше.

Минько, штопавший плащ неимоверно длинной ниткой, вскочил и, несмотря на забинтованные ступни, полез на дерево, хотя с него дальше, чем с земли, и не было видно. Но он терпеливо сидел там полчаса, пока не закричал:

— Идут! Честное слово идут!

Бурной радостью встретили мы Кулиша и Гнедых. Они пришли не одни. Их сопровождал проводник, которому, оказывается, и принадлежала собака. Звали собаку Сусан.

Гнедых и Кулиш принесли почту, накладные на груз и т. д. Рассказали о своих мытарствах. Оказывается, путь к поселку преграждал скалистый хребет, на котором не было перевалов. Они обходили его южнее и сколько сделали километров, затруднялись даже сказать. На обратном пути, идя с проводником Семеном Михайловичем, они огибали хребет севернее, и путь, вместо сорока по прямой, удлинялся до ста километров.

Я занялся разборкой почты, накладных. Из штаба подразделения писали, что к концу августа придет инспекция от командования отряда проверять работу. Сообщали на всякий случай месторасположение базы работающего по соседству подразделения.

Кипа газет была увесистой — сразу за два месяца. Пачка писем пестрела разноцветными конвертами. И тот, кто не получил такого конверта, чувствовал себя обиженным и долго с грустью и завистью

разглядывал чужие фамилии на конвертах.

Вечером у костра Семен Михайлович рассказывал нам о тайге, о том, как иной раз человеку трудно здесь приходится.

Гнедых и Кулиш о чем-то шушукались, бросая взгляды на собаку. Потом они отозвали меня в темноту леса и стали наперебой описывать изумительные качества Сусана.

— Уговорите проводника оставить нам собаку, товарищ командир!

Я вернулся к костру и, выждав некоторое время, осторожно начал:

— Вот вы, Семен Михайлович, говорили нам, как сделать жизнь в тайге легче, веселее. И про собаку упоминали. А ее-то у нас и нет...

Старик насторожился.

Я продолжал:

— Уступите нам Сусана. Ну, продайте или как там?

Семен Михайлович вдруг начал сосать мундштук трубки, забыв, что сейчас только он выбил из нее пепел ударом о каблук, и быстро заговорил срывающимся голосом:

— Ты, ты, молодой командир, ошибаешься во мне-от. Никогда я не оскверню продажей свою собаку. Разве-от уступить другу, аль поменять на что. Только найдется ль у тебя, сынок, така вещь, котора понравилась бы мне?

Направляясь в тайгу, я купил по случаю красивую бельгийскую двустволку, но стрелять из нее мне не пришлось ни разу: охотиться было некогда. Я вынес ружье из галатки. Семен Михайлович положил его рядом со своей облезлой берданкой. Красные отблески огня играли на покрытых искусной резьбой частях центральки. Старик открыл стволы, пощупал курки, прицелился в туманную темь неба и проворчал под нос:

— Хороша штука... — затем он осведомился с деловитой хозяйственностью: — Амуниция есть?

Я вынес ягдташ, патронташ с патронами и запасом дробы. Он долго мял руками кожу ягдташа, пересыпал дробь с ладони на ладонь. Осмотрел сверкающую никелем машинку для набивки гильз. Помолчал, глядя в огонь. И вдруг рассердился:

— Сынок! Командир! Не вгоняй ты в мою душу дьявола!

Я решил применить другую тактику и с безразличием произнес:

— Возьмите в подарок, а мне оплатите чем-нибудь другим.

Но он замаhal руками и не хотел больше говорить.

Утром старик уходил. Заплатив ему, навьючив на его лошадь для пересылки на базу ставшие ненужными смоляные канаты, часть пил, топоров, молотов, я еще раз попытался склонить его на обмен. Бойцы только и ждали этого и уже тащили двустволку. Старик не удержался и взял ее в руки. Он прислонил ее к дереву, отошел немного в сторону и переводил глаза то на ружье, то на Сусана, который уже приготовился к дороге. Сусан поминутно садился и снова вставал, двигал ушами, нетерпеливо облизывался, недоумен-

но заглядывая в глаза хозяину: мол, какая может быть задержка, когда ружье на плечах хозяина и лошадь навьючена.

— Папаша, ну чего вы дывытесь? Старый — самы казальы. Так вин же сдохне скоро цэй цуцк, а рушниця — цэ такый предмет, цо ого-го, — набивал цену Кулиш.

— Ну ты, молокосос, — огрызнулся старик, — тебе и не снилось таких геройств, котеры делал Сусан от. Понял? А ты — «сдо-охне», — передразнил он украинский выговор Кулиша. — Волк сдохнет-от, корова сдохнет-от, а собака — друг, умирать должна. Понял?

— Правильно, дед! — закричали все.

— Ну, хорошо, — решил он, — уступаю. Не меняю, а уступаю. Потому только, что вижу: круто вам здесь приходится. Собака, она очень помогает. А то бы не-ет.

Семен Михайлович сделал из веревки ошейник и привязал Сусана к дереву. Потребовал кусок мяса. Достали мясо, и он подал его собаке. Дав ей попробовать, отнял кусок и передал его в руки Гнедых:

— Дай теперь ты.

Пес нюхал мясо, сладко облизывался, но не брал, вопросительно поглядывая на хозяина. Семен Михайлович взял мясо у Гнедых, опять дал собаке своими руками. Так повторялось раз десять, пока пес не взял мяса из рук Гнедых.

— Ну, вот что, — сказал Семен Михайлович, — повторяю: Сусана не меняю, а уступаю на время. Облегчит он вашу жизнь — это верно. Осенью приду — заберу. А ружье, что ж? И ружье отдам тогда. — Он попрощался и торопливо начал спускаться в долину.

Сусан рванулся, захрипел на туго натянувшейся веревке и жалобно заскулил. Три дня он не подпускал к себе никого. Пищу Гнедых бросал ему издалека. Сусан ничего не ел, по ночам тоскливо выл. На четвертый день он смирился, подпустил к себе Гнедых, а вскоре и к остальным привык. Но

Старик открыл стволы, пощупал курки...

самым большим авторитетом для него так и остался Гнедых.

Сусан превратился в незаменимого помощника для дежуривших ночью красноармейцев. Он спал только днем, когда все бодрствовало, и никогда зря не лаял. Люди меньше нервничали по ночам, когда в тайге раздавались подозрительные шорохи, лес давил темью, а бескрайные пространства вызывали чувство заброшенности и одиночества.

Через три дня после ухода Семена Михайловича неожиданно пришли комиссар отряда и инженер штаба. Привезли продукты, обмундирование.

Они проверили нашу работу, сделали несколько технических указаний. Рассказали, что нового в части, как выполняется план. Наша команда оказалась в числе выполняющих план. По этому случаю Назаров сотворил роскошный обед, потратив раза в три больше продуктов, нежели обычно.

На следующий день комиссар провел с бойцами занятия, проверил, как они усваивают программу по боевой и политической подготовке, и остался доволен.

Бойцы с наслаждением курили махорку и хотели было переодеться в новое обмундирование, но я не разрешил, приберегая его к осени.

Через день комиссар и инженер штаба тронулись в обратный путь.

ВОДЯНАЯ СТЕНА

20 августа пошли ливни. День и ночь падала вода с набухшего неба. К этому времени мы забрались далеко в горы. Палатки наши были раскинуты в широкой пади. По обе стороны возвышались крутые обрывы.

На второй день небрестного дождя посреди пади забелел пеной маленький ручеек. По крутым склонам подозрительно тянулось к пади множество белых извивающихся ниточек.

Я начал приглядывать, куда бы перенести завтра утром палатки. Но крутые обрывы и скалы недружелюбно сдвигались падь с обеих сторон. Она оказалась естественным резервуаром для воды, стекающей с гор тысячами ручейков. Они грозили, соединившись, превратиться в бурный поток, сокращающий все на своем пути. Они, конечно, соединятся не сразу, время для спасения есть. Но, кроме них, есть еще одна опасность. На горных плато, выемках, болотах создаются дождем целые озера. Вода, скопившись в огромном количестве, просачивается в грунт, а потом, разорвав преграду слабого берега, всей тяжестью устремляется по падам, в долины рек и ручейков, несясь стеною в несколько метров высоты. В эту лавину вливаются водяные жилки, пополняя главный поток, не давая ему выдохнуться. Такая стихия не унижается иногда по неделе и больше. Позже, в 1938 году, я сам наблюдал — вторично — такое явление. Равного ему, как говорят старики, не было в течение пятидеся-

ти лет. Водой был затоплен город Ворошиловск (б. Никольск-Уссурийск). Поток нес огромные деревья, которыми выбивало окна, сносило трубы, крыши, а иногда и дома.

Но в то время, к которому относится мой рассказ, я знал о подобных бедствиях только понаслышке, и мне казалось, что все это не так уж страшно.

Быстро наступившая ночь накрыла тайгу таким черным густым покрывалом, что в двух шагах не было ничего видно. Место было еще незнакомое, и я не решился бродить в темноте со всем лагерем.

Костер давно уже залило. Горячей пищи не пробовали два дня.

Мы очутились в западне. Вверх по долине отступать опасно, вниз — тоже. Склоны гор были настолько круты, что лошадь взобраться по ним не могла, а чтобы перенести по склону весь груз на своих плечах, потребовалось бы слишком много времени. Да и там вода катилась целыми потоками в каждой чуть заметной складке.

Оставалась надежда на прекращение дождя. Но если и будет наводнение, решили мы, не зальет сразу всю широкую падь. Ну, подымется вода по колени, ну по пояс, по грудь, наконец, — и то выберемся, а до утра не так уж долго.

Двое суток никто не спал, и сейчас было не до сна. Как только тьма начала таять, мы быстро приступили к упаковке имущества.

Ручеек уже превратился в реку, но от нас она была еще далеко. Вьюки уже закреплены на лошадях и на себе, нам оставалось лишь свернуть палатку.

Вдруг воздух заколебался от гула, нараставшего с молниеносной быстротой. Мы застыли в ужасе: сверху во всю ширину пади несли огромный водяной вал.

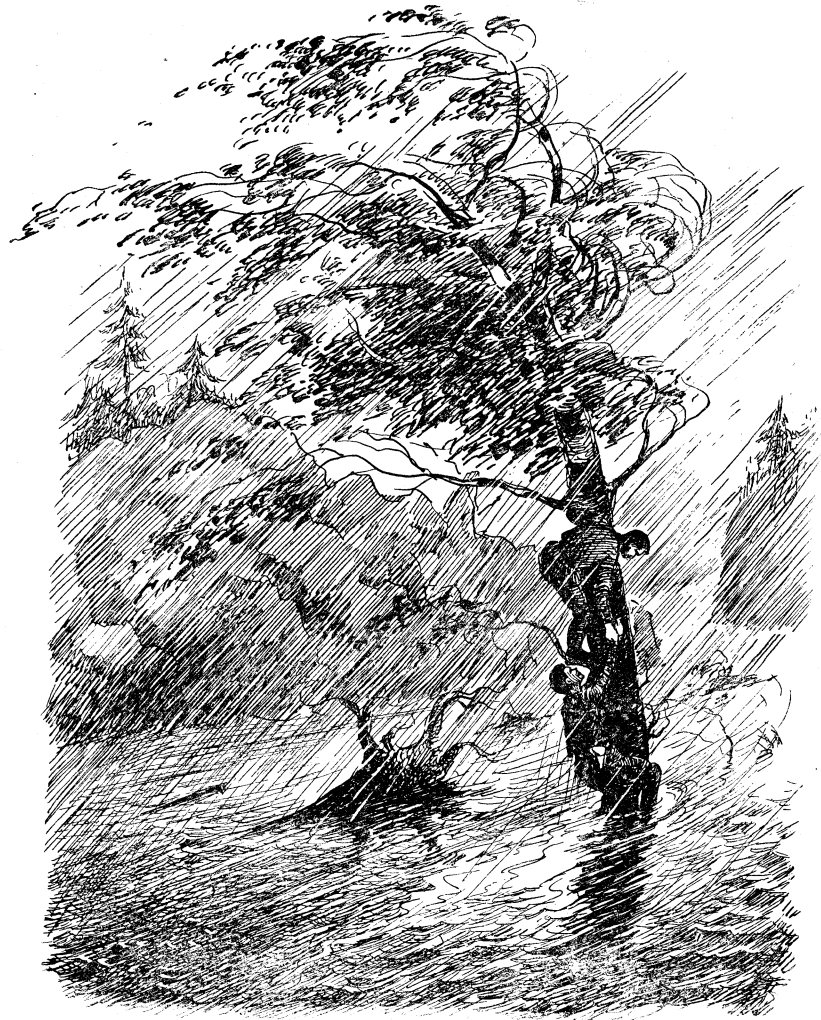
Одна секунда промедления — и наша гибель была бы неизбежна.

Я крикнул:

— Спасайся на склон!

Все побежали, но Гнедых замечкался у лошади, пытаясь освободить ее. Намокший сыромятный ремень повода не отвязывался, и Гнедых пытался сорвать всю уздечку. Лошадь металась, разрывая мундштуком губы. Я выхватил нож и подскочил к коню, чтобы разрезать повод. Но эта задержка оказалась роковой. Вал налетел на нас, накрыл с головой и швырнул на дерево. Мы, захлебываясь и глотая воду, чтобы не задохнуться, успели взяться за руки и обхватили кольцом толстую березу. Лошадь отнесло. Она барахталась и храпела в воде, удерживаемая натянутым поводом. Следующий вал, опять накрыв нас с головой, разорвал повод и увлек лошадь, которая безуспешно пыталась плыть к видимому берегу. Вола доходила мне до подбородка, а Гнедых, который уже был под водой, выскакивал наверх, чтобы набрать воздуха.

В промежутке между вторым и третьим валом я успел осмотреться и увидел, где находятся наши то-

Наша береза содрогалась от ударов...

варищи. Они забрались на каменную площадку склона. Я насчитал восемь человек. Значит, все. Не было только второй лошади и Сулана.

Третий вал налетел с такой силой, что чуть было не оторвал нас от дерева, которое мы продолжали крепко держать в наших объятиях: сорваться и понестись вниз — значило погибнуть.

Когда шквал прошел, Гнедых вырнулся из воды и крикнул:

— Лезем на дерево!

Лицо Гнедых было синее, и только живые серые глаза говорили, что он еще не пал духом. Ствол березы был очень скользким, но Гнедых, как кошка, полез вверх. Я не обладал его ловкостью, и ему пришлось помогать мне. Налетевший четвертый вал сорвал мои обхватившие дерево ноги, и они повисли, потеряв опору. Я держался только на руках. Это был критический момент, и мы чуть было не сорвались вместе с Гнедых в пучину, но уже в следующую секунду я вновь обхватил дерево ногами.

Прошел еще один вал, но значительно слабее первых.

По воде неслись огромные деревья. Волны натакаливали их одно на другое, кружили в водовороты.

Наша береза содрогалась от ударов. Буйная дикая сила безудержно метала и кружила все на своем пути. Усталые, измученные, промокшие до костей, подавленные, мы всем телом прижимались к ненадежному убежищу — стволу березы, который раскачивался под ударами волн. Ближе к макушке ветви были толще, но когда мы собрались полезть выше, дерево вдруг задрожало сильнее и медленно начало клониться к воде. Видно, подмытые корни уже не могли удержать его.

— Вниз! — крикнул Гнедых.

Обхватив ногами и руками ствол, я соскользнула вниз. Гнедых последовал за мной. Опять мы очутились в воде.

Береза мягко шлепнулась ветвями о воду и закружилась, выставив уродливый пучок корней. Мы ухватились за них. На берегу раздались крики, и наши товарищи, карабкаясь по скалисту склону, побежали вдоль пади, стараясь не выпускать нас из виду. Но мы неслись слишком быстро, и скоро они отстали от нас. Проплыв так километров пять, мы заметили впереди белую полосу. Это была река. Надежды на спасение не осталось.

— Вплавь до берега! — крикнул я Гнедых и, прощаясь, пожал ему руку, на мгновение выпустив корни.

Гнедых хотел было оттолкнуться ст дерева, но в это время березу рвануло к маленькому островку, которого мы вначале и не заметили, она закружилась на месте. Поток нес на нас огромные деревья.

Не знаю, что произошло дальше. Я очнулся, испытывая боль во всем теле. Рядом сидел Гнедых. Он растирал мне виски и грудь, открытую кровью. Кругом, на косе, выступавшей в месте слияния двух потоков, валялись выброшенные течением деревья, громоздились кучи веток. Гнедых, очевидно, напругал всю свою волю, чтобы не упасть самому и привести меня в чувство. Как только я открыл глаза, он грузно рухнул, потеряв сознание. Я тоже впал в забытие.

Очнувшись, я услышал крики товарищей. Они были на другом берегу. Грохот потока мешал разобрать слова. Что могли они сделать? Переплыть поток было невозможно.

Вскоре на берегу запыла костер, бросая пятна червонного золота на потемневшую реку. Крупная чешуя волн играла бликами огня.

Ночью дождь, наконец, прекратился. К утру вода заметно спала. И к полудню Кулиш, привязанный веревкой за пояс, рискуя быть сбитым плывущими деревьями, принес банку мясных консервов и размокших в кашу галет.

Скоро новой реки уже не существовало. Напоминали о ней только кучи поваленных деревьев.

Огромные дубы, березы, грабы, сосны превратились в щепки и уродливые обломки, покрывавшие косу.

Все товарищи были в сборе. После перенесенных невзгод мы особенно остро ощущали радость жизни.

Красноармейцы лазили по грудам деревьев, ворочали их, надеясь отыскать унесенный потоком груз. Я лежа приводил в порядок намокший журнал наблюдений и другие документы. Часть бойцов чистила оружие и инструменты.

Сусан помогал искать груз. Собаку удалось спасти, вытянув за веревку, привязанную к ошейнику. Лошадь погибла.

— Ур-ра! — закричали вдруг красноармейцы, волоча вьюк, снятый с лошади, из-за которой мы с Гнедых чуть не лишились жизни. Лошадь лежала похороненной под грудой обломков и бревен. Ее нашел Сусан. Второй вьюк погиб. От него остались лишь обрывки, связки канатов и ящик из-под консервов. В пропавшем вьюке находилось запасное обмундирование, половина всех продуктов, махорка, одна из палаток.

На следующий день мне не стало лучше, ходить я не мог. Красноармейцы решили устроить носилки и понести меня. Люди страшно уставали, я чувствовала себя очень неловко. Но бойцы меня уговаривали:

— Если вы будете лежать на одном месте, то мы не выполним задания. Лучше уж помаленьку, но двигаться вперед.

Через три дня я уже кое-как передвигался и принялся за работу. Назаров приказал растягивать запас консервов. Он стал скряжничать, даже слыхом, но никто не протестовал. Зато, если кому-нибудь удавалось убить козу, наступал настоящий праздник — это мясо не нормировалось.

Однажды мы, придя с работы в лагерь, не услышали приветственного лая Сусана. Дневальный виновато мялся, указывая на перегрызенный канат.

— На одну минутку отлучился только. Поверьте. В кусты.

Гнедых, пораженный утратой, держал конец веревки и метал злые взгляды на дневального.

— Чтоб ты отлучился на всю жизнь, — процедил он сквозь зубы.

Нехорошо стало без Сусана. Все мы чувствовали его отсутствие. О дежуривших ночью красноармейцах и говорить не приходится. Они теперь очень уставали. Им приходилось напряженно вслушиваться во все шумы и шорохи, чтобы вовремя заметить приближение волков или другого зверя. Мало ли какую опасность могла таить окружающая палатки темная ночная тайга.

МЕДВЕЖИЙ ПЛАЦ

В сентябре не упала с неба ни одна капля дождя. Лето кончалось. Оно стояло вокруг неяркое, застенчивое.

Ручьи пересохли, и к половине сентября в тайге запылали пожары.

С горы, с высокого холма можно было видеть, как над лесом в разных местах быстро поднимаются клубы сизого дыма. Впечатление такое, будто кто-то выталкивает их.

Однажды мы встретили двух звероловов-ороченов, которые шли по тропам, одним только им известным. На своем участке, — а он был около трех-четырех тысяч квадратных километров, — мы тоже знали уже все тропки и приметы, которых сделали множество, но дальше участка наши сведения не распространялись.

Я решил установить связь с базой соседнего подразделения, используя случай, которого давно ожидал, и отправить с ороченами двух красноармейцев. Им была дана винтовка, продукты, сколько было можно, и они отправились. Прошло дней десять после ухода связных. Когда они вернутся? Я был уверен, что если связные по чьему-либо и не добрались до штаба, то командование, встревожась тем, что от меня нет известий, само уже послало помощь. Эта помощь где-то идет. Но как они найдут нас?

Мы рвали простыни и вешали лоскуты на деревья, делали зарубки и писали на них объяснения.

Продукты кончились. Одежда превратилась в клочья. А сапоги? Подметки протерлись, пальцы вылезали из дыр. Портянки изнасились, и мы рвали на них нижние рубахи. Махорки не было, и

мы изобрели табак «наша марка» — помятый дубовый лист с навозом изюбра. А спички... если бы мне тогда кто-нибудь давал пуд золота за оставшуюся коробку спичек, я бы не назвал такого человека сумасшедшим. Меняя место бивуака, мы переносили горящие поленья и поддерживали огонь круглые сутки.

Однажды, через несколько дней после ухода связных, мы вернулись с работы раньше обычного. Сели ужинать. Ужин наш состоял в основном из орехов и ведра супу с редкими кружками жира и грибами вместо картошки.

— Ах ты, сукин сын! — послышался окрик дневального.

Мы обернулись, Сусан! Ободраный, измученный, с кожей, туго обтягивавшей кости. Дожди размывали следы в незнакомых местах, и он не смог добраться, куда хотел. Сусан подполз к Гнедых и виновато лизал его руки. Тот до того обрадовался, что сейчас же отдал ему всю свою скудную порцию галет. Да и не только он — все мы поделились с вернувшимся беглецом.

Больше Сусана мы не привязывали, а он не бросал нас и оказался незаменимым связным между лагерем и заходящей иногда очень далеко работающей группой...

К началу октября работы заканчивались. Оставалось произвести съемку на одном пункте на высоком хребте. Оставив в лагере двух человек и Сусана, мы шестером пошли на подъем к пункту. Взобрались до высоты 1300 над уровнем моря. Оставалось еще метров пятьсот. Шли гуськом, нагруженные инструментами и связанные друг с другом страховочным канатом. Тот, кто шел впереди, уставал больше других, так как ему приходилось нащупывать вернейший путь, и мы занимали место по очереди впереди цепочки.

— Эвона, что такое? — воскликнул занявший место впереди. Он указал палкой вверх по склону. Там извивалась самая настоящая тропа. Но протоптали ее не люди. Медвежьи ступни протерли стелющиеся кусты кедровки и мох, оголив камень. Медведи, — а их, очевидно, было целое семейство, — старались попадать каждый раз в старый след. Но медвежатам, видимо, это не всегда удавалось. Они часто ошибались и возможно даже, что им за это попадало, — маленькие следы медвежат вдруг пропадали на некотором расстоянии, а затем снова появлялись. Тропа привела нас на крошечный плац, покрытый мхом и зеленой травкой. Этот плац, как мы его назвали, был как бы выпилен из отрога хребта и прижался к отвесной скалистой стене. Около самой стены мы увидели яму, наполненную до половины мутной водой. Пить очень хотелось, и мы с радостью наглотались этой грязной жижи.

На уровне плаца лес был редким и низеньким. Преобладали пихта и ель. А выше гору покрывали изумрудным ковром мох и

кедровик, или, как его называют, кедровый стлалец. Название это он получил оттого, что стелется он по земле, а своим видом ничем не отличается от веток кедра. Даже шишки у него такой же формы, как кедровые, только маленькие.

Сели передохнуть. Трава, измятая и выкатанная кругом, говорила о том, что здесь побывала медвежья семья.

— Клуб целый устроили, — исследовал траву Минько. — А почему именно здесь наверху?

Гнедых догадался первым.

— Вон видите, — указал он на лишай мха и кедровика, — там ягоды — брусника. Это у них как бы станция, а заодно и клуб, или как там по-ихнему... — Он изобразил медвежье ворчание и так удачно, что все рассмеялись.

Дальше наверх тропы не было. Подымались без тропы.

Как только поднялись на вершину, на нас обрушился ветер. Шесть дней пришлось нам просидеть здесь из-за отсутствия видимости. Дрожащая дымка закрывала горизонт.

Ветер свистел по ночам, нагоняя тучи. Звезды светили холодным блеском. От движения облаков казалось, что звезды падают и никак не могут упасть. Спали мы в расщелине скалы, обнявшись и согревая друг друга дыханием. Жажду утоляли так: лизали росу, обильно ссающаяся на мхи по утрам. Умывались влажным мхом, как умывается кошка мокрыми лапами. Сходить вниз не хотелось. Спуск был трудный. Начали подбираться к неприкосновенному запасу продуктов, который, кстати сказать, был остатком всего запаса.

На седьмой день с утра открылась видимость, и в трубе инструмента я увидел километров за тридцать блестящий на солнце свежеструганным деревом высокий сигнал, построенный моим соседом. Его-то мы и дожидались. Я бежал вокруг инструмента, торопясь делать отсчеты. Романов не успевал записывать за мной. Спешили недаром. К одиннадцати часам дня воздух задрожал, и резкий контур сигнала расплылся в желтое пятно. Были ли там люди? Да, были. Если бы знать тогда это!

Приготовились к спуску. Ветер усилился. Сначала он только бросался рывками, но быстро накопил силу и засвистел, загудел, завыл в скалистых отрогах. Трудно было держаться на ногах, и то один, то другой из нас не удерживался и срывался с каменистых бугров, покрытых слежавшимся скользким мхом. Товарищи выручали, становясь крепче и удерживая натягивающийся страховочный канат.

На знакомом плацу сели отдохнуть. Пересохшее горло болело от каменной пыли. В яме воды не оказалось.

— Вылакал проклятый Топтыгин, — сказал Романов, осмотрев свежие следы. Внезапно Минько замахаля руками. По медвежьей тропе, прижав уши к шее, мчался

к нам Сусан. Он вскочил на плац и приветственно визжал, махая хвостом. На шейнике болтался мешочек из куска портянки. В нем была записка.

«Товарищ командир. Я не знаю, найдете ли вас Сусан. Что с вами? Возвращайтесь скорей, пожалуйста. Ковальчук съел какой-то гриб. Он почернел и катается по земле. Последнюю банку консервов кончили третьего дня. Красноармеец Назаров».

Все без команды стали торопливо собирать инструменты. Шумной стаей ветры неслись над хребтом. С размаху ураган ударился в каменную гряду высоко над нами. На плац посыпались мелкие камни, и мы услышали нарастающий гул обвала.

Под градом камней, схватив с середины плаца инструмент, мы прижались к отвесной стене. Только маленькую кошку работы Назарова с котелками и последними продуктами не успели схватить. Камни потащили ее вниз. Над нами пронеслись огромные валуны. Они падали на спасительную площадку, раскалывались и отбивали ее края. Площадка уменьшалась на глазах. Кромка обрыва подступала все ближе. Мелкие камни падали нам на головы, и мы опасались, как бы не рухнула на нас верх стены. Укрывались ящиками с инструментом, куртками, плащами, раскрыли огромный топографический зонт, который быстро превратился в решето. Порыв ветра вырвал зонт из рук Кулиша, чуть не подняв и его самого. Зонт взвился, затем перевернулся и начал падать, нагоняемый камнями. В ушах стоял несмолаемый гул. Сусан прижал уши и вопросительно смотрел на нас, подняв голову, зажатую между колен у Гнедых.

На плац вскочила обезумевшая от страха дикая коза. Сусан вырвался, прыгнул на нее и вцепился ей в шею. Но камень сбил обоих, и Сусан, не выпуская добычу, покатился вниз в сторону от каменного потока.

Часа через два этот каменный град прекратился, и только отдельные камни, падая, подпрыгивали на выступах. От медвежьей тропы не осталось и следа. Мы осторожно начали спускаться, не переставая звать Сусана. Он появился в ста метрах ниже площадки, прихрамывая на задние ноги. Шкура его висела клоунами. Мы и сами выглядели немногим лучше: избитое тело было покрыто сине-зелеными, вспухавшими пятнами и нестерпимо ныло. Хотелось лечь спиной на холодную каменистую почву, оставить там хоть часть охватившего тело жара.

— Это тебе не гнус, — ухмылялся Гнедых, перевязывая раны Сусана взятыми у нас носовыми платками.

Упругое, как резина, тело Гнедых казалось не пострадавшим, он попрежнему легко прыгал через препятствия. Но когда я потом в лагере смазывал тела бойцов вазелином и мазью Аверина, которая у нас ценилась наравне со спич-

ками, то увидел совершенно синие плечи и спину Гнедых.

Сусан, обливая свою окровавленную морду, потащил нас в кусты. Там лежала коза без головы. Голову Сусан уже успел отгрызть и съесть — это была его законная доля. Остального он не трогал без разрешения.

В лагере мы увидели трогательную картину. Назаров сидел на земле, держа голову Ковальчука. Он гладил лицо товарища шершавыми ободранными ладонями, целовал его и приговаривал:

— Горечко мне, Сашенька, ну потерпи немножко. Полежи спокойно. Оно-то лучше будет!

Я бросился к стонущему Ковальчуку. Размотал одеяла, которыми окутал его Назаров, пощупал живот — он вздулся. Ковальчук находился в полубессознательном состоянии. Пришлось принять экстренные меры, чтобы очистить желудок. К вечеру он уже вместе со всеми сидел у костра и, повернув исхудавшее лицо к своему другу Назарову, следил внимательно, как тот делит мясо.

— Сашенька, нельзя! Ты понимаешь, нельзя. Командир настрого приказал не давать. — Я слышал из палатки сострадательный голос Назарова и мне самому было жалко Ковальчука. Он ничего не просил и крепился, но глаз не мог отвести от мяса.

На следующий день залечивали раны. Но разве за день можно было залечить их? А отдыхать было некогда: продуктов нет, даже соль вышла вся, и пустой мешочек изпод нее нес за спиной Назаров. Одежда — жалкие лохмотья, обувь износилась совершенно. Патронов — три штуки на две винтовки. Нет, задерживаться нельзя. Надо идти вперед.

ПОХОД

Итак, завтра — в поход. Приказал всем раньше лечь спать. Сам никак не мог заснуть. В дверную щель палатки виднелась одинокая фигура дневального Кулиша.

Луч костра, попадая в палатку, играл на крышке часов, лежащих на ящике. Часы тикали. Часы напоминали о культуре города, шумного, многолюдного, залитого электрическим светом. О кино, о книгах, газетах. Да, о газетах. Вот уже четыре месяца, как мы не видели газет. Сознание оторванности от того, чем живет сейчас родина, томил душу. Может, нас уже втянули в войну, а мы здесь, в дебрях, ничего не знаем.

Я вышел из палатки. Сусан подбежал и сел рядом. Мы стали думать вместе: вдвоем не так грустно.

Из-за темной щетины леса выплзала зеленоватая луна. Волнистые гребни гор спали, окутанные влажным саваном осенней ночи.

Легкий ветер, скользя по скатам, перешептывался с осенним листом. Лес колыбался верхушками деревьев и казался угрюмым. Где-то

далеко филин замыкал кошкой, заплакал, как ребенок. Эхо перекастисто вторило в горах. Сусан насторожил уши.

Хорошо, что сейчас нет гнуса. Гнус попрятался под лист: лужицы и ручейки уже по утрам начали затягиваться голубой коркой льда.

Тайга нервно спит. Усталые красноармейцы тоже. Я долго бы еще так стоял, если бы не подошел Кулиш.

— Шо, не спытсы? — спросил он дружелюбно, смотря из-под черных бровей красивыми карими глазами и протягивая мне кисет с махоркой «нашей марки». Я закурил.

— Идите спать, я постою за вас, — сказал я Кулишу, протягивая руку за винтовкой.

— Та ни, шо цэ вы, — забормотал он. Но я настоял. Он пожал плечами и пошел в палатку.

Костер весело потрескивал, отвлекая от докучливых мыслей. Густые снеговые тучи начали закрывать небо.

Светало, но солнце не показывалось. И после много дней оно не появлялось.

С утра стали готовиться к походу: сворачивали палатки, упаковывали инструменты. Назаров варил последнее козье мясо. Я поднялся на сопку и выбирал направление и ориентиры. Когда спустился вниз, лагерь уже оголился — весь груз лежал в один ряд, компактно упакованный во вьюки.

После завтрака каждый стал около своего вьюка, и я обратился к бойцам с небольшой речью:

— Вы знаете, — сказал я, — наше положение. Командование, если не знает точно, то догадывается о нем. Помощь, конечно, послана; она где-то идет, ищет нас, но ждать ее нельзя. Задание свое мы выполнили, и командование отряда будет довольно нашей работой. Остается только выйти из тайги. Я выбрал направление прямо на запад. Его надо по возможности придерживаться, не уходя далеко в сторону. Это кратчайший путь к железной дороге, которая, по моим соображениям, находится от нас километрах в ста пятидесяти. Путь будет тяжел — это вы не меньше моего знаете. Но мы не привыкли отступать перед трудностями. Правильно?

— Правильно! Точно! — закричали бойцы так громко, что Сусан вскочил с земли и наклонил голову вслушиваясь.

— Напоминаю еще раз, — продолжал я, указывая на сумку, висевшую на моем плече. — Здесь лежит полугодичный наш труд. Он нужен родине. Не забывайте об этом. В случае чего, бросайте все, а сумка с документами должна быть цела. — А теперь давайте споем наш победный гимн — «Интернационал»...

Все построились в одну шеренгу, я скомандовал «смирно», и мы запели с таким воодушевлением, что заглушали шум ветра, который остервенело срывал с деревьев пожелтевшие листья.

Когда окончили петь. Кулиш пробасил:

— Пидождить трошки! Я попробую зараз, яки таки лапотошки сплив мени Назаров, — и он высоко подпрыгнул.

Кулиш, такой неуклюжий, в танцах перерождался. И теперь он закрутился, запрыгал в присядку, выстукивая ладонями по коленям, груди, по изорванным голенищам сапог четкую дробь под наш аккомпанемент.

— Гоп!.. Гоп!.. Гопака!.. Гоп!.. Гоп!..

Камешки летели из-под лаптей Кулиша, опавшие листья и трава вбивались во влажную землю. Наконец, он захыхался и, вывернув последнее коленце, отступил в круг. К нему подскочил Назаров и, бесцеремонно подняв ногу Кулиша, начал по-хозяйски щупать, как он

Медленно врубались мы в тайгу.

выражался, свою продукцию — лапоты.

— Мои руки есть что? — говорил однажды он, вспоминая мои политбеседы с бойцами, и сам отвечал: — На данном этапе развития — в тайге они есть орудие производства! Берест есть что? Средство производства! А лапоты что? Ха-ха!.. Продукция! Чья есть продукция? Моя! А я кто? Я есть красноармеец, создающий карту для Красной армии, чтобы она имела больше глаз, видящих, где скрывается враг и как до него добраться! Вот кто я есть!

— Так ты же не карту, а лапоты создаешь, — смеялся Минько.

— Все равно, лапоты тоже для карты и для этих, как их, э... э...

— Координат, — подсказывает кто-то.

— Ну да, я ж говорю: и для координат.

Назаров очень гордился своей продукцией. Никто из нас не умел плести лапти, не говоря уже о корзинах и кошолках, которые плел он с поразительной быстротой и развешивал в лагере всюду, где только можно было. Его я чаще, чем других, оставляла дежурить на bivуаке, «вырабатывать продукцию», на что он обижался...

Наконец, мы тронулись гуськом: я впереди колонны, Гнедых — позади. Все по очереди помогали итти Ковальчуку. Он шел, держась за пояс или лямку вьюка товарища. Так двигаться было тяжело, но все радовались выздоровлению Ковальчука, и никто не спрашивал: «Чья очередь?». Товарищ сам подходил и, успокаивающе обняв стыдившегося такой помощи Ковальчука, приговаривал:

— Цепляйся, не нежничай! Что глаза опустил, как барышня?

Сусан, прихрамывая на заднюю ногу, то шел сзади Гнедых, то забегал далеко вперед и возвращался с видом, который говорил: «Путь свободен, все в порядке». Но для нас не всегда бывал свободен путь там, где мог пролезть Сусан.

На четвертый день мы забрались в жуткие дебри. Гигантские сосны, дубы, кедры, береза, ясень, листовница были перелетены густой сетью лиан. Они опускались с деревьев длинными толстыми прядями, стелились по земле, опутывая колючий кустарник, цепляясь за сучья, опять ползли вверх, скручиваясь в толстые канаты.

Лианы держали дремучий лес, как в тенетах. Нехватало сил пробиваться сквозь эту всеопутывающую сеть. И когда люди уставали ползти на четвереньках, головной колонны выхватывал из-за пояса топор и с яростью начинал наносить удары направо, налево, пока свинцовая усталость не останавливала руку, а соленый пот не заливал глаз. На его место становился другой, третий, и опять очередь доходила до первого...

Мягкая, хрустящая, желтоватая древесина лиан рассыпалась под ударами топора, как переспевший буряк. А сколько нужно сделать таких ударов? Медленно врубались мы в тайгу.

Двигаться дальше с обессиленным Ковальчуком нельзя, да и у нас сил осталось мало.

Приказал готовить место для ночевки.

— Товарищ командир! Разрешите предложение сделать? — слышу голос Романова из чащи.

Пролез к нему. Там чаща немного раздвинулась и открыла поляну, поросшую высоким колючим кустарником.

— Давайте на полянке расположимся.

Я согласился и позвал остальных. Но она, эта полянка, коварно нас обманула. Прошли мы по ней шагов двадцать и так загудали, что уже все разом заработали топорами и ножами.

Поляна заросла диким виноградом. Он цеплялся за кусты, переплетался с ветками и между собой. Когда мы разрывали его, он опутывал наши ноги, руки, туловище. Колючие крепкие шипы кустарника оставляли глубокие царапины. В изнеможении опустили мы руки. Пришлось отступить обратно в лес.

Мы очистили площадку, а затем, разойдясь в стороны, начали собирать съедобные грибы и ягоды. Сусан, конечно, в грибах не разби-

рался, но, если ему попадались вялая осенняя голубика, он поспешно уничтожал ее.

— Ой, хлопцы! Що ж я найшов!

Мы побежали на голос. Кулиш ползал на коленях под деревом, похожим на развесистый дуб, и собирал плоды. Это был манчжурский орех. Мы набрали три полные фуражки и разделили орехи на девять кучек — девятая для Сусана. Манчжурский орех очень похож на наш грецкий орех, только скорлупа его толще. Перегородки, разделяющие ядро, тоже очень крепкие. Разбить камень этот орех не так уж легко. Его обычно кладут в огонь, и он трескается по шву. Тогда пускается в ход нож, и ядра вынимаются. Дело это долгое. В первую очередь мы насобирали ядер скулящему от голода Сусану и подали в миске. Помахиванием хвоста и тихим визгом выказал он свою радость.

— Вот соли нет, — сказал Назаров, помешивая ложкой варившуюся в кастрюле бурду с грибами и виноградным листом для вкуса.

Минько засмеялся:

— Целый мешок носишь из-под соли, а забыл.

Но другие приняли его слова всерьез и вопросительно смотрели на меня. Что я мог сказать? Я кивнул головой, и через несколько секунд мешок пузырился в кипящей воде, отчего суп нисколько не сделался грязнее и очень понравился Сусану. А нам, думаете, нет? Мы с удовольствием хлебали горячую соленую жижу двумя оставшимися ложками, которые переходили от одного к другому по кругу. Суп, вместо хлеба, заедали орехами: манчжурскими и кедровыми. Они были жирные, хоть масло выдавливай. В горле першило от этого масла, и, когда, насытившись, мы попробовали было спеть, голоса захрипели, и песня оборвалась.

А наелись все-таки досыта. Существование казалось теперь таким легким, прошлые невзгоды были забыты. Весело блестя глаза людей, и Сусан лежал, гордо подняв голову и сладко облизываясь.

Настелили веток и расположились спать. Ветер шумел только в верхушках деревьев, внизу же было тихо.

В полночь нас окружил знакомый вой. Пугать было нечем, и дежурный Гнедых спокойно сидел немного поодаль от костра, держа винтовку с двумя патронами на боевом взводе. Сусан помогал охранять наш покой. Он прыгал с одной стороны костра на другую, злобно рычал и лаял до хрипоты. Мы быстро засыпали под успокаивающие звуки его голоса.

На следующий день попались не одна, а много таких обманчивых полян, как первая, но обходить их было некуда. Прорубались.

Однажды — это было на шестые сутки пути — Гнедых натер ногу и, чтобы дать ноге отдохнуть, на ночь снял сапоги. Наутро оказалось, что Сусан съел голенища, а от моего пояса, который я тоже снял, осталась одна пряжка.

ТИГР

На седьмые сутки в полдень спустились в долину к быстрой горной реке. Брызги летели в лицо от волн, бивших о камни. Вода, пенясь, неслась вниз так быстро, что, когда я хотел набрать воды в брезентовое ведро, оно наполнилось одной только пеной. Поднял — глянул в него, — оно оказалось пустым: вода, попадая в него, ударялась в днище и мгновенно выскочивала из ведра.

В долине ветер свирепствовал больше, чем в густом лесу. Он хлестал струями дождя, и лицо горело, как обожженное, а влага все больше и больше впитывалась в одежду, в тяжелую ношу, отягощая ее еще больше. Ремни въюков резали плечи. Ноги, до колен обмотанные мешками, ныли.

Часто кого-нибудь тошнило. Голодный желудок, набитый ягодами, грибами, до рвоты опротивевшими кедровыми орехами, давал о себе знать. Хотелось лечь и забыться. Но когда кого-нибудь одолевала усталость и он опускался на землю, двое из нас подходили к нему, подымали товарища под руки и вели, пока он сам не брал себя в руки. Так шли.

Сусан, забежавший далеко вперед, вдруг выскочил перед нами из кустов. С взъерошенной шерстью, он глядел немигающими, налитыми кровью глазами и глухо рычал. Мы знали, что это значит — впереди зверь.

Приготовили оружие и топоры и двинулись за Сусаном.

Гнедых указал рукой и легонько толкнул Сусана вперед. Тот рванулся, прыгнул через куст, но тут же возвратился обратно, поджав хвост.

Кусты поределели, и мы увидели на берегу речки шевелящуюся бурую кучу.

— Медведь! — разочарованно произнес Назаров. — Эх ты! — укоризненно посмотрел он на Сусана, — медведей стал бояться!

— Тише ты... — оборвал его Гнедых, — какой там медведь!

Сусан шел, подставляя нос ветру. Вдруг он повел ушами и побежал быстрее. Мы осторожно, стараясь не шуметь, следовали за ним. Пройдя шагов двести, мы увидели: на каменистом берегу лежит избр-самец, неестественно откинув назад гордую голову с роскошными рогами. Глаза его закатились. Передняя нога дергалась в предсмертной агонии. Из горла фонтаном била кровь. Сусан лизал ее. На левой лопатке избора видны четыре глубокие раны. Очевидно, тигр выследил его и, когда олень пил воду, прыгнул ему на спину. Разрытая копытами почва свидетельствовала о короткой неравной борьбе.

— Ну вот, я всегда говорил, что ни делается — все к лучшему. — И Назаров без дальнейших рассуждений вытащил длинный нож и приступил к свежеванию оленя. Ковальчук и Романов помогали ему. Остальным я приказал стоять в боевой готовности, а сам с Гне-

дых пошел осматривать местность. Тигр мог вернуться.

Пройдя шагов сто по направлению к лесу, мы увидели на земле след, как будто здесь протащили что-то. Ясно было: тигр, заметив нас, отполз на живое в тайгу. Сусан подскочил и стал обнюхивать свежий след. Он боязливо прижимал уши и искоса поглядывал на нас.

Мы посадили Сусана на высокий камень в качестве наблюдателя. Он знал воинскую дисциплину, но его смущало мясо, которое мы раскладывали на восемь больших кусков для упаковки во въюки. Сусан несколько раз спрыгивал, переводя глаза с Гнедых на меня, но суровый окрик заставлял его возвращаться обратно.

Костер уже разгорался. Назаров поджаривал кусочки мяса, нанизанные на прутья.

Каждый из нас предвкушал приятный острый вкус жареного, чуть подгоревшего мяса.

В это время Сусан спрыгнул с камня.

— На место! — закричал Гнедых, но вдруг до боли сжал мою руку.

Минут пять всматривались мы в окружавшие нас кусты тальника. Ветер пригибал оголенные прутья. Но вот в одном месте у чащи леса лозинки дрогнули до самого корня. Мы поняли, что тигр подползает к нам, прижавшись к земле. Но что это мелькнуло совсем близко, в ста метрах? Не успели рассмотреть. Вот мелькнуло еще ближе. На этот раз взгляд уловил серую с темными полосами голову. Тигру оставалось проползти шагов двадцать. А потом в три огромных прыжка очутиться возле нас и начать расправу. Все прижалось друг к другу. Отцепили топоры с поясов.

В моей руке была винтовка с одним патроном, у Гнедых — другая с двумя патронами. Я вынул из кобуры наган и подал его Кулишу. «Надо нападать первому», мелькнул в голове суворовский девиз. Но куда стрелять? Ведь хозяин Сусана, матерый охотник, не раз говорил нам: «Не стреляй в тигра, коли уверенности нет попасть в голову. Сам без головы останешься». Но какая могла быть у нас уверенность, когда ослабевшие от голода руки дрожали, а тигр прятался за камни и не только головы не различить, но и весь он скрыт от нас? Но вот тигр опять выглянул, выбирая следующий рубеж для переползания. Я чувствовал, с какой надеждой товарищи смотрят на качающуюся мушку винтовки в моих руках, чувствовал, что мой выстрел может быть решающим, и выстрелил... явно выстрелил в воздух.

На мгновение голова скрылась. В следующую секунду тигр медленно поднялся с земли, стал передними лапами на камень, поднял голову, раскрыл огромную пасть и зарычал жутким, с нарастающей силой ревом.

Все вы, вероятно, видели тигра в зверинце. Но представьте себе этого зверя в разъяренном состоянии прямо перед собой. Хищник не на-

падал, но и отступать не собирался. Подбодренный нерешительностью зверя, Минько сделал шаг вперед и закричал, угрожающе размахивая топором:

— Вре-ешь! На испуг не возьмешь!!

Сусан залаяла громко. И мы, толкаемые инстинктом, вдруг заорали, засвистали, замахали руками. Кулиш заложил все четыре пальца в рот и свистнул так, как мог свистеть только он один. Наши крики и свист, собачий лай, завывание ветра — все смешалось в невообразимый шум. Шум этот произвел на тигра большее впечатление, чем мы могли рассчитывать. Он повернулся полосатым боком так, что стало видно его желтоватое брюхо, и, не сводя с нас маленьких сверкающих глаз, продолжал реветь и бить хвостом по своим бокам. Внезапно он прижался к земле, подбрав передние лапы и, сделав два огромных прыжка, скрылся в чаще. Некоторое время слышалось еще его рычание, затем все стихло.

— Это хуже, что он замолчал, — сказал Гнедых. — Как бы с другой стороны не подкрался. Не отдаст своего добра. Не прости. На то он и зовется тигром.

Я приказал пятерым взять горящие поленья и построиться в каре. Остальные поспешно стали прилаживать груз себе и товарищам.

Противоположный берег манил отдыхом.

— Вброд! — скомандовал я, и первый вошел в ледяной бушующий поток, осторожно нащупывая дно. Сначала вода была до колен и наливалась за голенища, потом до пояса, затем по грудь. Течение сбивало с ног, обдавало пеной. Минько пожадничал и захватил большой кусок мяса, зажав его подмышкой. Другой рукой он держал за ошейник Сусана, который плыл рядом. Вдруг большая волна, ударившись о камень, сорвала с Минько фуражку. Непроизвольно он сделал движение рукой, чтобы задержать ее, и выпустил ошейник

Сусана, и собаку течением понесло вниз. Минько замешкался, и вновь налетевшая волна сбила его с ног. Он забарахтался, стараясь встать на ноги, но его быстро сносило вниз по течению. Бойцы, навьюченные непосильным грузом, бросились было ему на помощь, но этого я не мог разрешить: все оказались бы в положении Минько.

Добрались до берега, и Кулиш побежал вниз по течению, чтобы перехватить Минько.

Гнедых, схватив топор, разрубил шнуры, скреплявшие канат на вьюке, одним концом обмотал себя вокруг пояса, другой сунул мне в руку и побежал за Кулишом. Я — за ним. Когда мы поравнялись с Кулишом, он уже был в воде и держал на левой руке Сусана, а правой обхватил обессилевшего Минько, всем своим сильным телом противодействуя напору воды. Всех их тянуло вглубь, на верную смерть.

Гнедых вскочил в воду и почти поплыл к товарищам. Внезапно течение понесло его и так столкнуло с Кулишом, что тот не удержался и потерял под ногами дно.. Но у Гнедых руки были свободны, он вцепился одной рукой в воротник Минько, а другой — в гимнастерку Кулиша и задержал их так на мгновение. Через секунду он их выпустил, но они успели схватиться за канат. Упершись пятками в песчаный грунт берега, я старался удержать канат. Но это было мне не по силам, и меня начало втягивать в воду. Я сползал, оставляя за собой две глубокие борозды. Тут подоспели бойцы. Мы потянули все вместе, вытаскивая товарищей, которые держались за спасительный канат. Дальше всех от берега был Гнедых. Он прижимал к себе Сусана.

Вдруг откуда-то вынырнуло большое бревно и ударило Гнедых по голове. Крикнул он или нет, с берега не было слышно, вода сейчас же покрыла его всего. Кулиш, увидев, как мы отчаянно махали руками, оглянувшись и схватив за ошей-

ник Сусана. Больше он ничего не мог сделать. Мы изо всех сил тянули канат. Я бросился в реку, держась за канат. Приблизившись к Гнедых, обхватил его вокруг пояса, стараясь держать над водой его опускающуюся голову. Нас вытаскивали на берег.

Гнедых лежал с закрытыми глазами, не подавая никаких признаков жизни. Стали делать ему искусственное дыхание, и вскоре из рта его поилась вода, он задышал. Все облегченно вздохнули..

Приближалась ночь. А дождь и востер не унимались. Гнедых начал дышать ровнее, но в чувство не приходил. Я сейчас только разглядел на его ухе кровь. Ухо в верхней части оказалось разорванным, за ним — большая опухоль. Единственное лекарство, которое оставалось еще у нас, был нашатырный спирт, сохранившийся благодаря тому, что стеклянная пробка засела так крепко, что ее невозможно было вытаскивать. Я разбил флакон, и едкий запах ударил в ноздри Гнедых. Он поморщился и открыл глаза. Когда я убедился, что сознание вернулось к нему, я оставил его под присмотром товарищей, а сам пошел разыскивать пихту. Смола пихты более клейкая, чем у других хвойных, и мы часто пользовались ею вместо коллодия.

Я побежал, чтобы согреться. Зуб на зуб у меня не попадал от холода. Мокрая одежда коробилась, казалось, что тело покрыто холодной жестью. Это я почувствовал только теперь.

Удастся ли мне различить пихту среди других деревьев в такой темноте? Я пробирался вперед среди мокрых ветвей, обдававших меня потоками воды. Вот передо мной на черном фоне леса закачалось темнокрасное пятно. Это была засохшая пихта. Вблизи засохшей я нащупал свежую пихту. Раздавил бугорок на коре и, набрав полную горсть жидкой смолы, понес, держа ладони, как чашку.

Гнедых лежал, опершись на локоть. Рану ему уже промыли и я

Хищник не напал,
но и отступать
не собирался.

залил ее смолой. От быстрой ходьбы мне стало теплее, а красноармейцы дрожали поживаясь. Кто сидел, кто стоял на коленях около молчавшего Гнедых, заботливо поправляя куртки, которыми он был накрыт.

— Встать! — скомандовал я.

Все вскочили.

— На месте бегом... марш!

— Рраз, два!.. рраз!..

Скоро мы почувствовали, как кровь горячей волной разлилась по телу, прихлынула к пальцам, зашекетала своим теплом. Бодрость, энергия вернулись к людям.

— Ух! Хорошо стало! Хотя опять купайся, — смеялся Минько.

— Сейчас мы огонек сообразим! Как со спичками дело, товарищ командир? — обратился ко мне Романов.

Я полез в карман и вынул раскисшую коробку. При малейшем прикосновении головки спичек отваливались.

— Ну благодарите ее, — Минько указал на шумящую реку, — что мою шею не повредила. Поделюсь секретом.

Минько расстегнул гимнастерку и снял с шеи сверточек, обернутый тряпкой. Он осторожно развернул тряпку, затем — станиолевый листок из-под шоколада, и мы увидели пять совершенно сухих спичек!

— Качать!.. Качать!!

И Минько, не успев опомниться, взлетел вверх, подброшенный силой двенадцати рук.

Потом Минько лег на землю и, накрывшись плащами и куртками от не переставшего лить дождя, начал разжигать огонь.

Наконец, он поднялся, и вскоре подсохшие щепки и ветви пихты затрещали, обдавая нас брызгами искр.

БЕЗ КОМПАСА

Пламя лизало подставляемую для просушки одежду. Она дымилась паром, но под дождем снова намокала.

Тело домило от сырости, но нам было весело. Опасность миновала. Только ослабевшие руки еще дрожали. Каждый старался скрыть это от товарищей. Гнедых сидел у костра и, задумавшись, смотрел на угли.

— Где-то тепежь наши посыльные? — вытирая губы, сказал Романов.

— Ищут уже нас где-нибудь, — ответил Ковальчук. — Много людей, наверно, ищет нас. Наделали мы шуму в отряде..

Ррр... рры-уы... — раздалось уже знакомые звуки, и это повторяло их, прокатываясь по склонам. Яркий огонь костра смущал тигра. Он не решался подойти к оставленной нами половине изюбра и бродил невдалеке, потрясая тайгу ревом, переходившим в вой, в котором можно было уловить жалобные нотки. Наконец, рев понизился до глухого рычания, а потом и вовсе стих.

Минько скорчил гримасу и показал фигу в сторону противоположного берега реки.

Удивительный человек этот Минько. Даже в самые критические минуты не оставляло его чувство юмора.

Я некоторое время слушал лежа. Потом поднялся и сел, протягивая руки к огню. И вдруг я почувствовал, что на левой руке не ощущается тяжести компаса, прикрепленного ремешком. Волосы зашевелились у меня на голове.

Все поиски оказались тщетными. — Ничего, — говорили красноармейцы, — здесь каждое дерево почти компас, обойдемся!

— Конечно, обойдемся, — сказал я таким тоном, будто потеряна всего только пуговица.

Мы тронулись в путь, хорошо поев. Мясо увеличило тяжесть ноши. Теперь уже Ковальчук нес груз Гнедых. Большой дождь прекратился, но мокрый густой туман так окутал долину, что в ста шагах уже не было ничего видно. На лиственных отдельно стоящих деревьях ветки были реже с северной стороны, мох на стволах тоже был чаще с севера, но иногда он обманывал, прилепившись к деревьям со всех сторон. Ветер раньше все время дул с северо-запада, но на него нельзя положиться.

Как бы там ни было, все эти определения — очень неточные. Точно можно было определить местоположение по солнцу или звездам, но надежды на их появление не было.

Три дня мы шли по долине реки, надеясь добраться до жилья. Густой туман не рассеивался. Часто попадались тропы, может быть, даже к близкому жилью, но сворачивать на них было рискованно: жилья можно и не найти, а силы необходимо беречь. По долине итти оказалось не легче, чем по густому лесу. Берега реки из пологих часто превращались в высокие каменные обрывы. К реке тянулись многочисленные пади с бурными ручьями. Мы двигались на юг, а нам нужно было итти на запад. Когда пропала надежда встретить жилье или охотника, я выбрал тропу из более заметных, идущую на запад, и мы свернули на нее, сделав зарубки и надписи. Это мы делали на всем протяжении пути.

Тропа вела нас то по склонам, то через перевалы, то через бурные речки. Бойцы сгибались под тяжестью ноши, обливаясь потом при подъеме на гору или дрожа от холода после очередной переправы вброд. Ноги иногда отказывались повиноваться, наливаясь тяжестью, ступни горели, как на углях. Но мы шли. Медленно, но шли.

На двенадцатый день пути мясо кончилось, и мы опять принялись за грибы и кедровые орехи.

На четырнадцатые сутки тропа, которой мы доверились, привела нас в долину и окончательно потерялась у большого бархатного дерева¹. Можно было подумать, что

тропа и вела только к этому дереву. Впереди возвышался высокий хребет со скалистыми отрогами и редкой растительностью. Очевидно, на нем было несколько перевалов, и путник, знающий это, переходил через тот перевал, который был для него удобнее, а потом шел на дерево, как на ориентир, где начиналась большая тропа.

Я подошел к дереву: мне хотелось вырезать на память из коры пробку для фляги. Пробковая кора была толщиной пятнадцать-двадцать сантиметров.

Выбросив старую пробку и заткнув флягу новой, я отошел в сторону и начал прикидывать на глаз высоту хребта.

Оглянувшись назад, я увидел картину, которая заставила мое сердце сжаться от жалости и тревоги.

Красноармейцы сидели на земле, положив руки на согнутые колени, опустив головы. Кулиш смотрел на свой красный от запекшейся крови палец ноги, вылезший из дыры в сапоге. Минько сморкался кровью, но продолжал шутить:

— Это дурная кровь выходит. У нас в деревне ветеринар специально выпускает дурную кровь лошадям, и они лучше делаются.

— Так вы же не лошадь, а герой! — перебил я, поливая его переносицу холодной водой из фляги. Затем промыл и завязал, чем нашлось, палец Кулишу и сам сел на землю.

Ветер разогнал туман еще вчера, а теперь гонял хмурые тучи, обещающая раздвинуть их для солнца. Мы молча отдыхали, восстанавливая силы. На лицах красноармейцев я не замечал уныния — была только смертельная усталость.

— Эх, закурить бы! — вздохнула Назаров.

Все знали, что никакой бумаги, кроме служебных записей и журналов наблюдения, у меня нет.

Но все же я начал рыться в карманах и вытаскил письмо жены. Перечитывал я его за последний месяц раз сто, но сейчас вновь за расплывшимися от воды фиолетовыми строчками воображение рисовало знакомое лицо с ласковыми глазами, особенно запомнившееся мне в ту минуту, когда вагон медленно двинулся и жена, махая на прощанье рукой, улыбалась не то грустно, не то смущенно в предчувствии первой долгой разлуки.

Дорого было мне это письмо, но, заметив направленные на него семь пар глаз, я понял, что положить его обратно в карман нельзя. И скоро едкий дым щекотал горло, оставляя во рту терпкий, горьковатый привкус.

— Товарищ командир! — сказал Минько, — а нам надо бы поменяться цыгарками, да я поздно заметил. Тут написано..

Я прочел: «Крепко тебя целую». Все улыбнулись. Каждому вспомнилась жена или любимая девушка.

¹ Из коры бархатного дерева делают пробку. Растет оно в низменностях, преимущественно в Уссурийском крае Любит влагу. В последнее время произведены успешные попытки разведения его в европейской части СССР.

Минько первый кончил курить. Бросив окурочек, он поднялся на ноги.

— Товарищи! — вдруг крикнул он задорно. — Давайте споем! — И затыкнул тонким голосом. Остальные вскопали за ним, и песня, подхваченная семью голосами, раскатилась по скалистым отрогам, по всей тайге...

И чувствовали мы, как с каждым словом живительная сила вливалась в наши тела...

Эй, веселей запевайте вы,
соколы,
Армии Красной сыны!
Пусть долетает до солнца
высокого
Песня Советской страны.

Продолжая петь, мы тронулись к хребту искать перевал. И впервые я понял, какую чудодейственную силу может таить в себе песня.

Тропинку нашли. Через три часа взобрались на перевал. Тщательно пытались мы рассмотреть в бинокль какие-нибудь признаки жилья или дороги. Перевал был ниже окружающих его гор, и за сопками ничего не было видно. На восток и север, сколько хватал глаз, возвышались конусообразные сопки, то покрытые лесом, то оголенные. На восток и юг горы постепенно переходили в равнину, покрытую густым лесом, начинавшимся у подножья хребта, на котором мы находились. На зеленом фоне хвои пестрели желтые и серые пятна лиственных пород. Нам сверху было видно, как сильный ветер трепал вершины деревьев, пригибая их.

Наверху ветер бушевал с утроенной силой. Мы захлебывались воздухом, закрывали рот и нос коченеющими руками. Во рту пересохло, губы потрескались, из глаз текли слезы. Потеряв надежду что-либо увидеть, начали спускаться.

Ветер нас так погрел, что, добравшись до леса, мы должны были сесть, чтобы отдышаться.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Гнедых и Кулиш не сажались, занявшись метанием камней в белку, которая, как птица, перелетала с дерева на дерево, растопырив ножки и вытянув пушистый хвост. Грузного Кулиша быстро утомила беготня между деревьями, и он сел отдыхать вместе с нами. Но Гнедых продолжал преследовать проворного зверька.

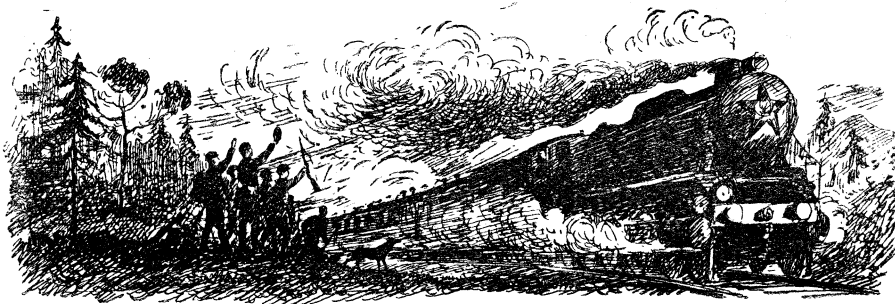
Вот белка прыгнула с вершины высокого кедра на далеко стоящую сосну. Гнедых подбежал к сосне, и вдруг мы услышали его радостный крик:

— Товарищи, здесь пенек срубленный!

Все бросились к нему. Да, действительно, пенек! Мы внимательно осмотрели его. Срублен он, повидимому, недели две назад.

— Глядите, вон еще!

Мы двинулись дальше. Теперь уже на каждом шагу нам стали по-

Мы восторженно приветствовали поезд...

падаться при свежерубленных деревьях. Значит, близко жилье, люди, отдых! Пошли быстрее, надеясь скоро увидеть избушку лесорубов. Поднялись на горку и застыли: прямо перед нами, спокойно поблескивая на солнце, лежали две стальные ленты железной дороги. Какое-то безумие охватило нас. Мы побежали, задыхаясь, прихрамывая, позабыв об усталости, о растертых до крови ногах.

Добежав, начали шупать холодные рельсы, шпалы. Не верилось, что наши мытарства кончились. Минько стал на колени и приложил ухо к рельсам.

— Гудит!

Сусан тоже исследовал рельсы, обнюхал их, даже пробовал лизнуть.

Гнедых нашел в стороне скотканную бумагу. В ней оказалась яичная скорлупа и пара сложенных папирос «Пушка». Их быстро склеили, наметили карандашом деления и разбили на порции. Каждому выходило по две затычки. Я глотнул свою порцию, боясь упустить хоть клубочек дыма.

Вдруг послышался гудок паровоза, приближающийся шум колес, из-за поворота вскоре выскочил и понесся на нас пассажирский поезд. Мы отошли в сторону от рельс и восторженно приветствовали его, махая руками.

Пассажиры удивленно смотрели из окон на людей, озаренных багровыми лучами заходящего солнца, одетых в полувоенную изодранную форму, почти босых, с загорелыми, обветренными лицами, задорно смеющихся. Какой-то военный, очевидно, возмущенный нашим непрезентабельным видом. Он открыл окно мягкого вагона и, высунув голову, строго посмотрел на нас. Последний вагон пробежал, стуча колесами и обдавая нас галькой.

Некоторое время мы стояли молча. Вдали замирал шум поезда.

— Здорово, — сказал как бы про себя Минько.

— Что здорово? — спросил Гнедых.

— Да все здорово: и машинист с усами, и паровоз новой марки! Большой какой! Заметил?

— Машинист — это не то. Вот паровоз новый, красивый — это, действительно, здорово!

— А машинист, по-твоему, что? — обиделся Минько, мечтой которого был паровоз. Каждого старого ма-

шиниста он готов был превозносить до небес.

Дальше продолжали путь по шпалам.

Было уже темно, когда мы добрались до станции. Начальник станции подозрительно осмотрел нас с головы до ног. Но когда мы рассказали ему, кто мы, показали свои документы, он засуетился, потащил нас в диспетчерскую, усадил возле печки и, вынув тряпичный кисет с настоящей махоркой, сунул мне в руки. Мы жадно закурили, хотя старались держаться так, будто совершили лишь легкую развлекательную прогулку.

Пока мы вдыхали ароматный дым, начальник станции сбегал в соседнюю комнату, разбудил там какого-то молодого парня и напаял на него красную фуражку со своей головы, пообещав вернуться «сей минут». А нам он сказал:

— Идемте, товарищи!

Конечно, мы пошли за ним. Он привел нас к маленькому домику, стоявшему невдалеке. В окнах на фоне освещенных лампой кружевных занавесей виднелись цветы.

— Входите, не стесняйтесь!

— Ой, батюшки! Што же это такое, Онисим? — всплеснула руками худая немолодая женщина, когда мы гурьбой вслед за Онисимом Федоровичем ввалились в комнату.

— Ну, ну, заохала! Разберись сначала.

— Да я разбираюсь. Красноармейцы, должно быть? Только где ж они были, что на людей не похожи? Не в тайге ли?

— Конечно! Где ж больше. Ну, ты накорми ребят пока, а там видно будет. Я на дежурство пошел.

Вскоре на столе появилась яичница. Растопленное горячее сало шипело, яичница пузырилась, издавая чудесный запах. Мы степенно подносили вилки ко рту, но глотали еду мгновенно, обжигая горло. Хозяйка, смотревшая на нас, заметила это.

— Голубчики, да вы не стесняйтесь!

Подбодренные замечанием, мы в один миг очистили сковороду. Потом появилась вареная картошка, сало. Все было так вкусно!

Гнедых вспомнил про Сусана, который остался на улице.

— Мамаша, у нас друг остался на улице. Разрешите ему немного картошки вынести?

Хозяйка удивилась.

— А чего же он там сидит?

— Он, видите ли, собака.
— А коли собака, дак есть не хочет? Снесите вот в казанке.

Мы поблагодарили хозяйку и вышли из-за стола.

Долго звали Сусана. Наконец, он прибежал, облизываясь, очевидно, обследовав все помойки. Он быстро вылакал содержимое казанка. Потом с разрешения хозяйки мы поместили его в сарайчике.

Нас хозяйка устроила в комнатах. С наслаждением мы растянулись на полу на душистом сене. Хорошо! Ветер не поддувал с боков, а шумел где-то за окном. Впервые за полгода улеглись спать раздетыми. Все тело сладко отдыхало.

Утром пришел Онисим Федорович. Я сказал ему, что рассчитываю пробыть здесь еще дня два, чтобы немного отдохнуть и переодеться в одежду, за которой сейчас поедет с первым поездом красноармеец, а поэтому мы расстелимся по два человека на дом.

— Неудобно ведь вам...

Он не дал договорить. Замахал руками.

— Что же, у меня пол провалится? Али как? Такого позору еще нехватало!.. А насчет поезда, так товарный сейчас пойдет на Хабаровск...

Я послал Кулиша.

К вечеру неожиданно заболел Сусан. Он лежал в дровянике не подымаясь. Или костей наглотался, или отравился чем — не знаю. Хозяйка удивлялась, что мы часами возились с ним, ставили ему горячие компрессы.

— Как с человеком вы с ним. Не простой, выдать, пес?

— Да таких псов, мамаша, на всем свете больше нету! — отвечал Гнедых.

Сусан грустил, положив голову на землю и глядя на нас глазами, полными слез, как бы прося о помощи.

Ночью то один, то другой из нас подымался и шел в сарайчик проведать Сусана.

Рано утром меня разбудил Гнедых.

— Товарищ командир, вставайте! Пришли!

— Кто пришел? — спрашиваю сквозь сон.

— Нас искали! По следам шли.

Я вскочил, плеснул в лицо холодной воды. В это время открылась дверь, и вошел Воронцов — командир-геодезист, мой товарищ по работе, а за ним Семен Михайлович.

После взаимных приветствий Воронцов стал рассказывать. Через десять дней после наводнения командование, встревожившись тем, что от меня нет никаких известий, послало нам на помощь группу во главе с командиром и проводниками. Они подходили со стороны базы соседнего подразделения с грузом продуктов и обмундирования.

Когда они плыли на лодке по реке, их затащило на пороги. Лодку перевернуло, и один из бойцов утонул. Его нашли в десяти кило-

метрах ниже по течению орочны из охотничьей артели. Весь груз погиб, и команде ничего не оставалось делать, как вернуться обратно. Было уже 20 сентября, известий от меня попржнему не было, и на следующий день после их возвращения вышла вторая группа, с вьючными лошадьми, во главе с Воронцовым. В день его отхода прибыли два моих связных. Оказывается, они сбились с направления, указанного им ороченами, с которыми я их отправил, и полмесяца бродили по тайге, питаясь орехами и грибами. Их спасло терпение, с которым они ждали зверолова, случайно заметив его летник. Зверолов и вывел их из тайги.

Узнав от связных о нашем положении, Воронцов заторопился.

Он взял курс на селение, где жил Семен Михайлович, о котором ему рассказал комиссар. Через неделю тяжелого пути, обходя лесные пожары, добрался до него. Семен Михайлович спешил к наступлению зимы выстроить новый дом вместо снесенного наводнением, но бросил все и пошел с Воронцовым.

5 октября они уже искали нас на моем участке.

Последнюю стоянку бивуака нашли 10 октября, а мы покинули ее 3-го. Весь путь по нашим следам они проделали в два раза быстрее нас.

СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ

— Молодцы вы-от, — сказал Семен Михайлович, когда Воронцов замолчал. — Крепкий народ! Выдержали от. Как это вы от тигра выкрутились? Счастливые отделались. И пузыри в воде, похоже, на то, кто-то пускал?! Живой?

— Откуда вы знаете, Семен Михайлович? Вам Гнедых рассказал?

— Чего рассказывать, — обиделся он, — сам узнал. Я жизнь в тайге лучше, чем по книжке читаю.

Когда я рассказал о походе с подробностями, Воронцов удивился:

— Откровенно говоря, я только наполовину верил Семену Михайловичу. Как поверишь? Иной раз следы залиты дождем, разобрать ничего невозможно, а он говорит: вот тут они сидели, тут останавливались, здесь на кедр лазали шишки колотить, — выдать, голодные были, вот тут с тигром стычку имели, тут речку перешли, а потом по берегу бегали — значит снесло кого-нибудь к запруде, и так далее и так далее. Оказывается, и правда, как по книжке.

— Ну, а Сусан как же? — спросил Семен Михайлович, когда мы вышли на улицу.

Произошла заминка, и он, почувствовав неладное, забегал глазами по нашим лицам.

— Плохо, дед, — выдавил, наконец, себя Гнедых.

— Когда? Где? Как? — скорого воркой спросил старик.

Его повели в дровяник. Сусан узнал старого хозяина, хотел поднять голову, но она бессильно опустилась, и только глаза его еще тускло светились. Скоро и они закрылись. Тело Сусана несколько раз конвульсивно вздрогнуло, и его богатая приключениями жизнь окончилась. Некоторые из нас отвернулись. Семен Михайлович взял его на руки, Гнедых попросил лопату, и мы, подойдя к опушке леса, вырыли яму. Последний раз посмотрели на друга, скрашивавшего нашу жизнь в тайге, помогавшему в ней не хуже человека. Зарыв его, некоторое время стояли молча. Семен Михайлович даже снял шапку, обнажив седую голову, потом надел ее и, круто повернувшись, не говоря ни слова, пошел обратно.

Перед вечером лошадей развьючили. Принесли одежду, сапоги, но переодеться не хотелось. Семен Михайлович вошел хмурый и поставил около меня бельгийскую двухстволку.

— На вот, возьми ружье свое-от...

Я рассердился:

— Как вам не стыдно, Семен Михайлович?!

— Какой там стыд! — И он вышел на улицу.

Его упорство было безгранично. Воронцов выскочил за ним и пошел рядом, уговаривая взять деньги за помощь экспедиции.

— Очень нужны мне ваши деньги, — брюзжал он, оттакаявая подаваемую ему пачку пятерок.

Воронцов все-таки сунул пачку в его карман.

Мы бросились вслед за стариком, догнали его.

— Куда же вы пойдете, Семен Михайлович?

— Откуда пришел, туда и пойду, — отвечал он неохотно.

Видя, что договориться с ним трудно, мы взяли его за руки и чуть не на руках понесли обратно. Жители поселка, увидев такое насилие красноармейцев над стариком, выбегали из домов, посмотрев на добродушные лица участников процессии, присоединялись к ней.

Наконец, Семен Михайлович смирил гнев на милость, но ружье взять наотрез отказался.

С Семеном Михайловичем мы распрощались в Хабаровске. Так и не уговорили его взять ружье. Ружье своим я считать не мог и спустя месяц отослал его Семену Михайловичу по почте.

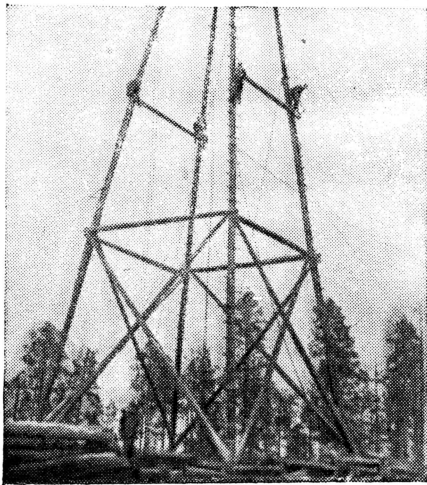
Через день мы уезжали. Шумной оравой ввалились в маленький зал станции. Взяли билеты, вышли на дощатую платформу. Послышался гудок паровоза, и мы стали прощаться с провожающими. Крепче всех я пожал руки Онисима Федоровича и его жены.

— Езжай, сынок, езжай, — говорила она. — Будешь проезжать мимо, останавливайся, заходи, как домой. Рады будем!

Поезд тронулся, и пока видны были наши новые друзья, мы махали им руками, шапками, платками.

Уссурийская тайга. Фото П. Русанова.

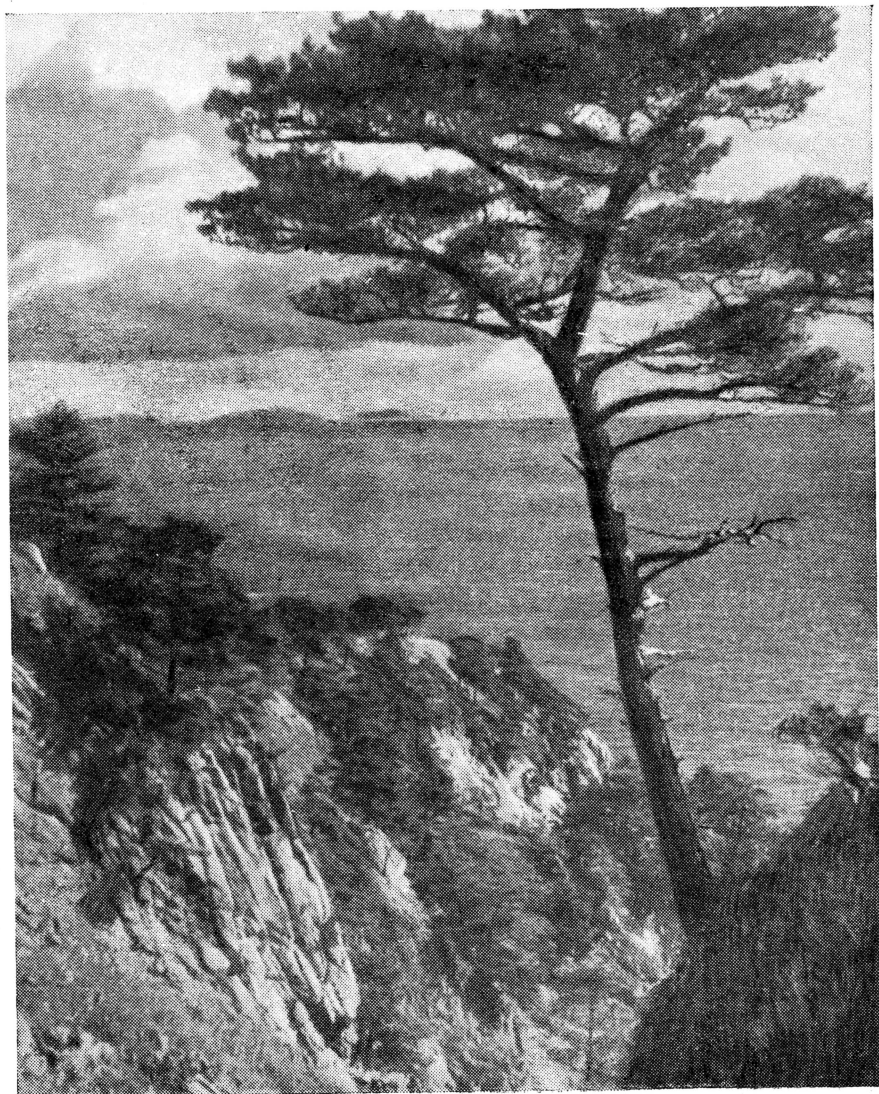

Постройка тригонометрической вышки (сигнала) геодезистами. Фото В. Зубакина.

Группа топографов за работой в тайге. Фото Царюк.

Фото к запискам военного геодезиста капитана В. Зубакина «В дебрях Уссурийской тайги».

Тажные склоны Приморья. Фото П. Русанова.

Хитрый «Бленхейм»

Рассказ

Из-за этого хитреца пришлось покраснеть невозмутимому капитану Муразанову. Его вызвал командующий воздушными силами нашей армии.

— Что же это вы, богатырская застава? — сказал он. — И зверь не пробежит, и птица не пролетит, а «Бленхейм» гуляет, как хочет! На вашем участке проходит... Зеваете? Или бомбардировщики стали хитрей истребителей?

Командующий сам был истребителем, и безнаказанные налеты бомбардировщика его оскорбляли.

— Позавчера он бомбил обозы, вчера налетел на штаб дивизии, а завтра к вам на аэродром явится! Что же это вы, «охотники за «Бленхеймами», пятерых сбили, а шестой что, круглый?

Муразанов в молчаливой ярости переминался с ноги на ногу.

— Наверно, он перелетает через фронт в шапке-невидимке... Иначе как же пройти «над муразановским гнездом, над зоркой соколиной заставой»?

Эти слова из армейской газеты командующий производил с такой усмешкой, что у Муразанова темнело в глазах. «Охотник за «Бленхеймами» выскочил из штаба раскрасневшийся, как мальчишка. Вскочил в самолет, взвился в небо и тут предался гневу.

— Хватит, довольно! — кричал он, пригибаясь к шитку самолета, словно к тугому на ухо товарищу. — Завтра же вроним в землю! Что ж он, шестой, круглый?

Когда скоростной моноплан скользнул на лесной аэродром, сдувая снег с верхушек деревьев, военники переглянулись.

Мотористы, покрывая разгоряченный мотор теплым, стеганым капотом, сказали:

— Сердится Иван Петрович.

А бойцы стартовой команды заключили:

— А все из-за этого хитрого «Бленхейма».

И на аэродроме снова пошел разговор о неуловимом бомбардировщике. Как он проникал в наш тыл? Почему уходил безнаказанно обратно? Разве он хитрей остальных, которых посылали?

Гнездо Муразанова вело свою боевую летопись устами бойцов наземной службы. Мотористы и военники ревностно следили за подвигами своих летчиков. Общими любимцами были в эскадрилье летчик-комсомолец Горюнов, черноглазый и застенчивый, как девушка, и насмешливый, веселый Савушкин.

Им, что называется, везло. Они были участниками почти всех интересных боев и схваток, которые провела эскадрилья; рассказывали о них весело и тут же забывали.

А бойцы наземной службы все знали, все помнили.

Они даже счет времени вели по сбитым вражеским самолетам.

— Это было в тот день, когда наши подловили «Глухых».

— Это было в тот вечер, когда гоняли «Совиные крылья».

— А это после того, как попался «Страус».

Когда на фронте появились первые бомбардировщики английской марки «Бристоль-Бленхейм», эти знатные иностранцы были так самонадеянны, так уверены в своих высоких качествах, что, завидев наших истребителей, стали уходить вверх, к стратосфере. В лебедином размахе крыльев, в неторопливости белых длиннокрылых самолетов было столько чванства, что Муразанов воскликнул:

— Вот глухые!

Наши истребители растрепали их на большой высоте; вначале на землю свалились их моторы и фюзеляжи, а потом долго еще падали отдельные куски плоскостей, закрьлки, планки хвостовых оперений, кружась, как опавшие листья.

Следующий бомбардировщик, завидев истребителей, спрятался в облака. Он пошел слепым полетом, по приборам, уверенный, что ловко стелался. Но облачный слой был слишком тонок; истребители пробили его и сверху ясно различили темный силуэт самолета в беловатой облачной вате.

— Страус! — рассмеялся Муразанов.

Истребители пикировали всем зеном. Светящиеся луи пронизали облака, как солнечные лучи. Из самолета выбилось косматое пламя, и он рухнул вниз, оставив после себя дымный след да смешное прозвище.

Много хлопот причинил истребителям «Совиные крылья». С этим пришлось повозиться. Он летал только бреющим полетом, держась над лесами. За ним кудрявилась беловатый след охлажденного пара, а самого его видно не было.

Сверху его плоскости казались пестрыми, как крылья полярной совы, и сливались с пестротой засыпанных снегом хвойных лесов. Его выдавала собственная тень.

Сильные переживания доставля

«охотникам за «Бленхеймами» самолет, прозванный «Водяным».

Истребители застали его в момент подкрадывания к госпиталю.

На лесной поляне были раскинуты большие зеленые палатки, а вокруг них сгрудились санные подводки, двуколки, санитарные грузовики. Среди серых шинелей бойцов белели марлевые повязки, желтели полушубки сестер. Над палатками реяли флаги с красными крестами, давая прекрасный ориентир для бомбежки.

Бомбардировщик, выключив моторы, бесшумно планировал из-за облаков на эту удобную цель.

Увлеченный своей охотой, бомбардировщик даже не заметил, что к нему устремились наперерез три скоростные машины с моторами, ревущими, как сирены. Его можно было сбить неожиданным ударом с близкой дистанции.

Но когда Муразанов увидел внизу беззащитный госпиталь, а над ним плоскости чужого бомбардировщика, увешанные бомбами, готовыми ринуться вниз, — сердце не выдержало, и капитан дал длинную, спугивающую очередь.

Трассирующие пули заставили оглянуться вражеского летчика. При виде атакующих истребителей он дрогнул, рванул машину вверх, а штурман стал облегчаться от бсмб, куда попало.

Смешливый Савушкин фыркнул. У Муразанова отлегло от сердца, когда он увидел, что бомбы вздыбли лес в стороне от госпиталя. Он отдал все свое внимание преследованию.

Его слетанная тройка не требовала попукианий. «Бленхейм» круто поднимался к спасительным облакам, стремясь в них укрыться, но истребители шли за ним, как иглоки, притянутые магнитом, прокалывая рыхлые облака.

Неожиданно «Бленхейм» клюнул носом и перешел в пике, желая на скольжении вниз развить дополнительную скорость.

Но звено, идущее ниже, только выиграло на скрещении. Все три истребителя мгновенно реагировали на неуклюжий маневр «Бленхейма». Горюнов сразу очутился у него под хвостом, а Савушкин и Муразанов сверху.

Стрелки бомбардировщика открыли огонь из всех пулеметов. Светящиеся пули брызнули навстречу истребителям сквозь грязные клоуцы тумана.

Летчик «Бленхейма» дал полную скорость. Все тело машины прообрали сильная дрожь, но истребители не отстали. Савушкин и Муразанов стали обходить бомбардировщик слева и справа. Горюнов, мертвой хваткой вцепившись в хвост, поджимался все ближе и уже хотел нажать на гашетки, но вдруг услышал какой-то всплеск и увидел под собой еловые ветви, пригнувшиеся, как тугие луки, и хлестко бьющие по фюзеляжу.

Он рванул вверх и выскочил из-под бомбардировщика.

Вражеский летчик навел его на скалу, покрытую лесом. Зубчатые

ели вычесали истребителя из-под хвоста громадного бомбардировщика, как блоху...

Горюнов был несколько ошеломлен, впервые нарвавшись на такой маневр. Некоторое время он летел на одном уровне с бомбардировщиком, включив гашетки всех пулеметов. Пули уходили в длинный фюзеляж, впивались в плоскости, но с самолетом ничего не делалось. Он оказался на редкость живучим.

«Неужели уйдет?»

Горюнов еще раз нажал на гашетки пулеметов; светящихся нитей не последовало — пули все... И как они быстро выходят! Он оглянулся, ища товарищей.

Но в это время его ослепил какой-то темный вихрь. Это бомбардировщик, дотяну до Ладоги, нырнул в туман, клубящийся над стынувшей водой, и помчался, низко над озером.

«Уходит!» решил Горюнов и стиснул зубы с досады. Не было еще такого случая, чтобы враг ушел от истребителей. Лучше смерть, чем такой позор.

В одно мгновение он вырвался вверх, нацелил машину прямо в кабину бомбардировщика и пошел на таран.

И напрасно: незамеченные им товарищи летели рядом с врагом, не выпуская его из клещей, прикрываясь его же моторами. Муразанов похолодел, увидев маневр Горюнова.

Он готов был выскочить из кабины, чтобы ухватить горячего истребителя за хвост.

— Отвернись! — закричал Муразанов во всю силу легких, будто Горюнов мог его услышать за ревом мотора.

Но, словно подчиняясь приказу командира, в последнюю долю секунды лейтенант действительно отвернулся и свечой ушел вверх, пробивая туман.

Муразанов глотнул воздух и с ненавистью взглянул на врага, чуть не погубившего его любимого товарища.

Пора кончать. Капитан слегка развернул машину вправо и включил пулеметы. Савушкин чуть развернулся влево и тоже нажал на гашетки.

Трассирующие пули скрестились перед носом «Бленхейма», образовав огненную сетку.

Вражеский летчик принужден был протаскать свою машину сквозь эту огненную завесу. Бомбардировщик пробил ее, как щука пробивает бредень.

Брызги стекла и металла усеяли машину, прошли по кабине, по моторам, по всему фюзеляжу. А через секунду истребители повторили маневр, и та же сетка стояла на его пути.

Бомбардировщик сунулся в нее, но, словно запутавшись, вдруг резко дернулся в сторону Муразанова, встал стоймя и рухнул вниз.

Муразанов едва избежал столкновения. Огромный столб воды и пара поднялся из озера и чуть не захлестнул маленький истребитель.

Грязная вода сразу замерзла на стеклах кабины. Муразанов круто взял вверх, подальше от этого зловещего места.

Когда самолет вырвался из тумана, летчика ослепило яркое солнце. Оно блестело над густой белой поверхностью, словно над молочным морем. Муразанов поднимался все выше и выше. Самолет звенел, как жаворонок, купаясь в солнечных лучах.

Поднявшись, Муразанов дал круг, разыскивая товарищей. Скоро он заметил внизу две сиротливые тени.

Он упал к ним с высоты, сверкнул синим хвостовым оперением и, призывно покачав крыльями, взял курс на аэродром.

На земле Муразанов обнял Горюнова за плечи и отвел в сторону.

— Ты что это задумал? Итти на таран?

— Я только пошутил... — смутился Горюнов.

— Правильно, а то бы получилось топорное дело, а не искусство... В следующий раз так не шути.

Так был сбит подлый и хитрый «Водяной». Но вот нашелся «Бленхейм» еще хитрее.

Прилетев от командующего, капитан собрал свой актив.

— Ну, что будем делать с хитрецом? — спросил он Горюнова и Савушкина.

— Сбивать, — усмехнулись они, — чего же?

— А я думаю, он погибнет от собственной хитрости, — сказал Муразанов. Потом затворил дверь блиндажа и продолжал: — Я даже

Огромный столб воды и пара поднялся из озера...

во сне разгадываю эту загадку. Как он проходит незамеченным в наш тыл? Почему его видят посты наблюдения только при возвращении? Почему он не бомбит ни утром, ни вечером — только в середине дня, когда возвращаются назад наши бомбардировщики?.. Что за искусник? И вот, мне кажется, я нашел отгадку...

Муразанов умолк. Затем склонился к Савушкину и шепнул ему два слова на ухо так тихо, что Горюнов едва расслышал. Одну секунду друзья застыли от удивления, затем зажали рты, словно боясь выдать тайну громким смехом.

Все трое вышли из блиндажа с таинственным видом. Как всегда, неторопливо и спокойно Муразанов отдал все приказания на завтра.

И вот следующий день начался довольно странно. Обычно летный день начинался еще ночью. Лишь только под печкой запедал петух, прозванный мотористами «трофейный Мозер», как все они выходили на мороз умыться снегом, а по второму крику петуха уже спешили к аэродрому. Под густыми елками вспыхивало пламя подогревательных печей, звенел металл по металлу, оживали моторы, и к рассвету, прогретые и заправленные, машины были готовы.

И вместе с зарей поднимались истребители в первый боевой полет.

На этот раз бомбардировщики давно прошли и скоро будут возвращаться обратно, а истребители стояли под елками, чего-то дожидаясь.

Наконец, летчики разошлись по самолетам. Муразанов стал обходить их поодиночке и шопотом отдавал боевой приказ.

Вначале на лицах летчиков выражалось удивление, потом радость. И многие бы засмеялись или хлопнули себя по коленкам, но дисциплина есть дисциплина, и лейтенанты сдерживали даже улыбки.

И вот по красной ракете девятка истребителей ушла в очередной полет. Никто не догадывался мотористам, что истребители пошли ловить хитреца, однако все на аэродроме знали, что дело именно в этом, и ожидали своих летчиков, волнуясь больше, чем всегда.

Этот хитрый «Бленхейм» задевал честь эскадрильи. Он стал для каждого личного врагом.

Вот на восток с территории противника потянулись обратно наши бомбардировщики. Они возвращались, как всегда, в строю идеальных клиньев. Разрозненными одиночками, по-волчьему, летали только финны.

Прошло полчаса, час... И еще много времени прошло. Пора истребителям возвращаться. Вот бензина у них осталось на несколько минут. Вот иссякли и эти минуты. Ни один самолет не возвратился на свой аэродром... Мог погибнуть один, два, но не все же? В этот день тревога охватила всех, кто остался на земле.

Что же случилось в небе?

Когда истребители поднялись, они разбились поодиночке и застыли над фронтом, словно подвесились к облакам.

Горюнову как-то не верилось в догадку Муразанова. Он поджался поплотнее к облакам, временами пробивал их и глядел вдоль бегущей лохматой поверхности. Может быть, хитрец проходит среди облачных стад в какой-нибудь особой окраске? Он зорко всматривался, но ничего постороннего не было между солнцем, землей и облаками.

Горюнов спустился сквозь облако обратно и взглянул вниз. Прямо под ним шла на восток журавлиная стая наших дальних бомбардировщиков. Отбомбив какой-то объект противника, девятка самолетов, не торопясь, тянула на свой аэродром.

Горюнов всмотрелся пристальней и вздрогнул. В классическом строю девятки клином ему показался десятый самолет. Он протер очки и стал считать, указывая пальцем.

Затем сорвал с лица меховую маску и наклонил самолет, чтобы рассмотреть лучше.

Так и есть, — пристроившись к нашей девятке, шел чужой, десятый самолет! По силуэту он был почти одинаков с нашими. Чуть побольше, немного подлиннее в фюзеляже и чуть покороче в носу. Понятно, что посты наблюдения его зевали. Кому же в голову придет!

«Ну, действительно, хитрец!»

Горюнов сделал вид, что он ничего не заметил. Только бы не спугнуть... Главное не горячиться! Он даже отвернулся и изобразил на лице полное равнодушие, когда прошелся параллельным курсом.

И только уйдя из поля видимо-

сти бомбардировщика, Горюнов сделал крутой отворот и помчался извещать остальных. Скоро вокруг нашей девятки, имеющей посторонний привесок, возникли и справа и слева мало приметные черточки, прорезающие облака. И вот уж вся стая истребителей мчится вслед за хитрецом, раскинувшись огромным полукругом.

Увидев, что скоро будет аэродром легких бомбардировщиков, на котором теперь полно машин, занятых заправкой, Муразанов вырвался вперед и стал заходить справа от «Бленхейма». Савушкин стал обходить его слева.

Показался аэродром, пестрый от самолетов. Летчик «Бленхейма» только сделал движение, чтобы отстать и развернуться на бомбометание, как его опытный глаз заметил истребителей.

Он вздрогнул и поджался поплотней к бомбардировщикам, просигналив своей команде:

«Внимание. Истребители».

«Бленхейм» мчался в кольце маленьких злых машин, созданных специально для его истребления. Редкая команда не дрогнет при таком зрелище.

Стоит им открыть огонь, и тысячи пуль сделают из бомбардировщика решето.

Команда «Бленхейма», как загнивающая, смотрела на истребителей, словно рядом летела сама смерть.

Штурман то протягивал пальцы к кнопкам бомбодержателей, то убирал.

Летчик, решив, что наступили последние минуты, заставлял себя улыбаться, как подобает храбрцу перед лицом гибели. Вся стая летела рядом ровно, спокойно, не качая крыльями, не сигналила друг другу, не развертываясь для атаки.

«Не замечают!»

Летчик стиснул зубы, и лицо его снова окаменело, — появился шанс на спасение. Единственный шанс..

— Они не замечают, держу пари! — сказал он в переговорную трубку штурману.

В спортсменском сердце наемного «асса» стал медленно загораться азарт.

«Отстанут же они в конце концов или уйдут вперед, имея большую скорость. И тогда... будет о чем рассказать после войны! Только бы не сорвали всей игры эти болотные храбрецы!» подумал он про стрелков-финнов.

— Молчать, — сказал он по-фински, одно из немногих слов, которые он знал.

Бомбардировщики шли на восток, и «Бристоль-Бленхейм» льнул к ним все ближе, словно к друзьям, зная, что спасение от истребителей только в плотном строю. Летчик следил за хвостом последнего самолета, на котором, покрытая инеем, серебрилась красная девятка на голубом поле. Все его внимание было поглощено тем, чтобы как можно лучше держать строй, не дрогнуть, не высунуться, сойти за своего. На истребителей он только косился, не поворачивая головы.

Да, совершенно ясно, они не замечают. Теперь все дело в выдержке.

Внизу проносился однообразный зимний пейзаж, пронизывающий холод леденит тело, казалось, этому полету не будет конца. Шея летчика мучительно ныла от напряжения.

Но вот красная девятка стала делать вираж, идя на снижение. Пилот «Бленхейма» шел за ней вприщипку и автоматически проделал то же самое, не отводя взгляда от истребителей. И когда его машина стала описывать кривую, а злые ястребки, не обращая на него внимания, пронеслись дальше, от сердца отлегло: смерть пролетела мимо.

Но уже набегала земля, времени для размышлений не оставалось, и летчик вслед за бомбардировщиками посадил самолет на укатанный снежный аэродром.

К самолету бежали люди в полушубках, с удивленными и радостными лицами.

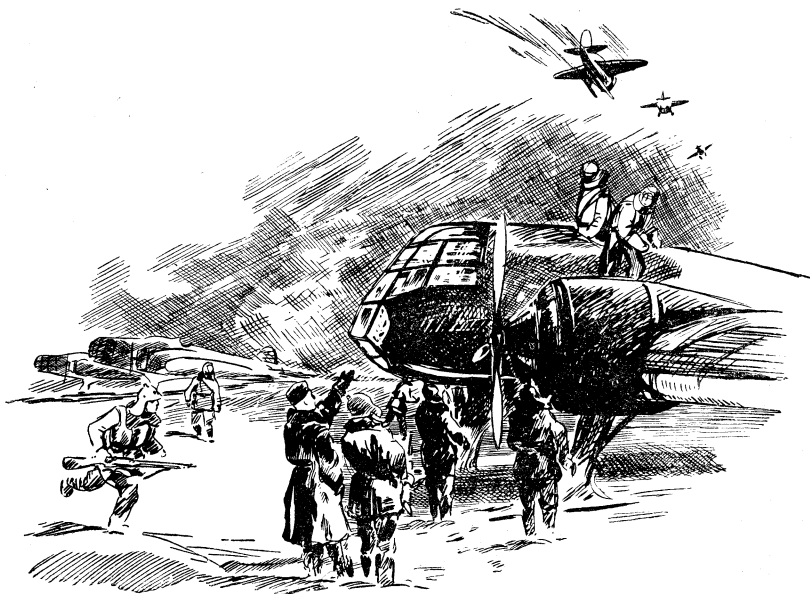
Штурман приложил палец к виску, предлагая застрелиться. Но летчик сделал недовольную гримасу и пробормотал:

— В вас нет чувства юмора.

Развернувшись в широком просторе, девятка истребителей стала с пеленга садиться на вместительный аэродром, израсходовав на поимку хитреца весь бензин и не истратив ни одной пули. Очищая гостям дорогу для пробежки, бойцы стартовой команды потащили прочь долговязый самолет знаменитой английской марки «Бристоль-Бленхейм», ухватив его бесцеремонно за хвост.

Муразанов снова обнял за плечи Горюнова и, широко улыбаясь, сказал:

— Вот это и есть искусство!

К самолету бежали люди в полушубках, с удивленными и радостными лицами.

ШКАФ

мадам Эмбер

Рассказ «Шкаф мадам Эмбер» принадлежит перу известного французского писателя Мориса Леблана. Во Франции особой популярностью пользовались его мастерски сделанные приключенческие новеллы, где главным действующим лицом является Арсен Люпен, человек «с благородными манерами и в костюме джентльмена», герой множества рискованных, авантурных походов.

Опубликованные впервые в начале 900-х годов, эти новеллы произвели очень большое впечатление, и Арсен Люпен стал во Франции таким же знаменитым литературным героем, как и Шерлок Холмс Коуэн Дойля в Англии.

В буржуазной литературе это не первая попытка идеализировать, облагородить человека, совершающего поступки, которые караются по закону. Попытки такие характерны для капиталистического строя, где обыкновенный вор, по сути дела, выглядит менее отрицательным типом, чем разного рода спекулянты, биржевики, предприниматели, устраивающие свои сомнительные дела в рамках закона.

Яркой иллюстрацией этого является рассказ «Шкаф мадам Эмбер».

Следует отметить, что во Франции действительно существовала семья Эмберов, прославившаяся рядом крупных мошенничеств. В августе 1903 года в Париже состоялся громкий судебный процесс над Эмберами, освещенный в мировой печати. Этот процесс сыграл известную роль и в политической жизни царской России.

Газета «Таймс» критикуя финансовую политику русского самодержавия, сравнивала ее с мошенническими проделками Эмберов, чем вызвала большой переполох в царском правительстве.

Рассказ «Шкаф мадам Эмбер», явившийся отражением подлинных фактов, представляет несомненный интерес для советского читателя.

Перед одним из маленьких аристократических особнячков, расположенных вдоль бульвара Бертье, в три часа ночи еще стояло поджожины экипажей. Дверь особняка отворилась. Вышло несколько приглашенных — мужчины и дамы. Четыре коляски покатали направо и налево, и на тротуаре осталось только двое мужчин, которые распространились на углу улицы Курсель, где жил один из них. Другой решил пойти пешком до Порт-Майо.

Он пересек авеню Вилье и продолжал свой путь по стороне про-

тивоположной крепостным укреплениям. В эту прекрасную зимнюю ночь, ясную и холодную, приятно было пройтись пешком. Дышалось легко, весело раздавался звук шагов.

Но через несколько минут у него появилось неприятное ощущение, что за ним кто-то следует. И действительно, обернувшись, он заметил тень человека, притавившегося за деревьями. Он был не робкого десятка, но все же ускорил шаги. Тогда неизвестный побежал за ним. Уже несколько обеспокоенный, он решил встретиться с опасностью лицом к лицу и полез в карман, чтобы выхватить револьвер, но не успел.

Человек бросился на него. На пустынном бульваре завязалась отчаянная борьба. Однако скоро он почувствовал, что силы их неравны. Он стал рваться, звать на помощь, но был опрокинут на кучу булыжника, цепкие пальцы схватили его за горло. Глаза его закрылись, в ушах звенело, он начал терять сознание, но вдруг страшное обьятие ослабло, и человек, который душил его своей тяжестью, поднялся на ноги, чтобы защититься, в свою очередь, от неожиданного нападения.

Удар тростью по сжатому кулаку, удар сапогом по щиколотке... Человек застонал от боли и пустился наутек, прихрамывая и выкрикивая ругательства.

Не удостоивая его преследования, вновь прибывший нагнулся и произнес:

— Вы не ранены, мосье?

Нет, он не был ранен, но только оглушен и не в силах держаться на ногах. К счастью, привлеченный криками, прибежал служащий расположенной поблизости городской таможни. Тут же вызвали извозчицкую карету и потерпевшего, в сопровождении его спасителя, благополучно доставили домой на улицу Гранд-Арме.

У входа окончательно придя в себя, потерпевший стал изливаться в благодарностях.

— Вы спасли мне жизнь, мосье. Верьте, что этого я никогда не забуду. Теперь поздно, и я не хочу пугать жену, но я хочу, чтобы она сама и не позже, чем сегодня, выразила вам свою признательность.

Он пригласил своего спасителя позавтракать с ними и назвал свое имя: «Людовик Эмбер», добавив:

— Могу я узнать, с кем имею честь...

— Разумеется. — ответил тот.

И отрекомендовался:

— Арсен Люпен.

В то время Арсен Люпен не пользовался еще известностью. Он даже вообще не звался Арсеном Люпенем. Это имя, которому предстояло прогрезеть в будущем, было изобретено специально для роли спасителя Эмбера, и, можно сказать, что именно в этом деле Люпен получил свое первое боевое крещение. Словом, он являлся лишь подмастерьем в той профессии, в которой вскоре должен был стать метром.

Вот почему его охватил радостный трепет, когда при пробуждении он вспомнил ночное приглашение. Наконец-то он у цели! Наконец-то принимается за дело, достойное его сил и таланта! Эмберовы миллионы — какая великолепная добыча для его громадного аппетита!

Арсен надел поношенный сюртук, потертые брюки, шелковый цилиндр, немного порыжелый, потрепанные манжеты и воротничок — все очень чистое, но говорящее о бедности. Туалет был тщательно продуман. Черный галстук он повязал бантом и заколол булавкой с поддельным бриллиантом. В таком наряде Арсен стал спускаться по лестнице дома на Монмартре, где он жил. На третьем этаже, не останавливаясь, Арсен несколько раз стукнул рукояткой своей трости по защелке запертой двери. На улице он направился в сторону наружных бульваров. Подошел трамвай. Он сел, а за ним вошел и человек, следовавший сзади, — жилец с третьего этажа.

Через минуту этот человек проговорил:

— Что скажете, патрон?

— Скажу, что дело сделано.

— Каким образом?

— Я приглашен туда к завтраку.

— Приглашены!

— Не думал же ты, надеюсь, что я понапрасну буду терять свое драгоценное время? Я вырвал Людовика Эмбера из лап верной смерти, которую ты ему уготовил. Людовик

Эмбер — это натура, исполненная благодарности. Он пригласил меня к завтраку.

Пауза. Затем человек опять начал:

— Значит, вы решили продолжать?

— Дитя мое, — проговорил Арсен, — неужели я подстроил эту маленькую агрессию прошлой ночью и дал себе труд в три часа пополуночи, в районе крепостных укреплений, нанести тебе удар тростью по кисти руки и удар ногой по большой берцовой кости, рискуя таким образом изувечить своего единственного друга, только для того, чтобы теперь отказаться от всех преимуществ роли спасителя, так хорошо сыгранной?

— Но об их состоянии ходят дурные слухи...

— Пусть ходят. Шесть месяцев я подготавливаю это дело, собираю сведения, изучаю обстановку, ставляю ловушки, шесть месяцев я выспрашиваю слуг, работодателей, всяких подставных лиц. И теперь я достаточно осведомлен. Получили ли они свое состояние от старого Броуфорда, как они утверждают, или из некоего другого источника, для меня важно только, что состояние это существует. А раз оно существует, оно будет моим.

— Чорт возьми, сто миллионов!

— Допустим, что десять, ну пять, наконец, это неважно! В шкафу мадам Эмбер имеются большие пачки ценных бумаг. Ставаю голову об заклад, что раньше или позже, а ключ от шкафа будет в моих руках.

Трамвай остановился на площади Этуаль. Человек пробормотал:

— Итак, в настоящий момент?

— В настоящий момент нечего делать. Я тебя предупрежу. Времени у нас много.

Минут через пять Арсен Люпен поднялся по роскошной лестнице дворца Эмберов, и Людовик предстал перед его женой. Жервеза оказалась добродушной маленькой женщиной, круглой, как шарик, и очень болтливой. Она самым сердечным образом встретила Люпена:

— Мне хотелось наедине приветствовать нашего спасителя, — сказала она.

И с первой минуты «к нашему спасителю» стали относиться, как к старому другу. За десертом установилась полная интимность, и наступила пора всяких признаний. Арсен описал свою жизнь, жизнь своего «отца», неподкупного судьи; грустное детство, суровое настоящее. Жервеза, в свою очередь, поделилась воспоминаниями о своей юности, о замужестве, рассказала о доброты старого Броуфорда, о ста миллионах, которые она получила по наследству, о препятствиях, мешавших свободно пользоваться наследством, о том, что она вынуждена занимать деньги по высоким процентам, о своих бесконечных распрях с племянниками Броуфорда, и всяких затруднениях и секвестрах, и в общем — обо всем.

— Подумайте только, мосье Люпен, ценные бумаги здесь рядом, в кабинете мужа, но, если мы отрежем хоть один купон, то потеряем все! Они там, в нашем несгораемом

шкафу, и мы не можем к ним прикоснуться!

При мысли о таком соседстве мосье Люпен слегка содрогнулся. У него было весьма определенное ощущение, что он, мосье Люпен, не обладает столь возвышенной душой и очень далек от щепегальности, свойственной этой доброй даме.

— А! Они здесь, — вырвалось из его пересохшего горла.

— Они здесь.

Отношения, начатые при столь благоприятных обстоятельствах, не могли не привести к более тесным связям. После расспросов, произведенных самым деликатным образом, Арсен Люпен признался в своей бедности, в своем отчаянно тяжелом положении. Тут же немедленно несчастный молодой человек был произведен в личные секретари обоих супругов с жалованьем в пятьсот франков в месяц. Он может остаться жить на старой квартире, но должен приходиться ежедневно и получать указания по работе. Для удобства в его распоряжение будет предоставлена в качестве рабочего кабинета одна из комнат третьего этажа.

Ему была дана возможность выбора. И по счастливой случайности выбранная комната оказалась прямо над кабинетом Людовика.

Вскоре Арсен обнаружил, что его секретарский пост сильно смахивал на синектуру. За два месяца ему пришлось переписать четыре незначительных письма, и только однажды был он вызван в кабинет своего патрона, что дало ему возможность увидеть несгораемый шкаф. Кроме того, Арсен установил, что его не считали достойным разделять общество депутата Анкетти или адвоката Грувеля, его не приглашали на пользовавшиеся известностью светские приемы Эмберов.

Но он отнюдь не жаловался, удовлетворенный своим незаметным, маленьким местечком, и держался в стороне. Времени он не терял. Прежде всего Люпен нанес несколько тайных визитов в кабинет Людовика и выразил свое почтение несгораемому шкафу, который тем не менее остался герметически закрытым. Это была массивная глыба литой стали неприступного вида, и всякого рода буравчики, пилки и сверла были тут бессильны.

Но Арсен Люпен не отличался упрямством.

— Там, где сила отступает, там успех принадлежит хитрости, — сказал он себе. — Самое главное — это иметь глаз и ухо в нужном месте.

Он принял необходимые меры и после длительного и нелегкого зондирования паркета в своей комнате, провел через потолок кабинета свинцовую трубочку, замаскированную лепными украшениями карниза. С помощью этого приспособления, звукоусилителя и подзорной трубы он рассчитывал и видеть и слышать.

С этих пор Арсен стал проводить все время лежа ничком на паркете. Нередко видел он Эмберов, совещающихся перед шкафом, заполняю-

щих реестры, проверяющих судебные описи. Когда они повертывали одну за другой четыре рукоятки, управлявшие замком, он пытался уловить число мелькавших нарезок, чтобы установить, какой шифр применялся. Он изучил их жесты, прислушиваясь к словам. Что делали они с ключом? Где его прятали?

Однажды, увидев, что Эмберы вышли из комнаты, не заперев сейфа, Арсен стремительно спустился вниз. Он решительно открыл дверь, но они тут же вернулись.

— Простите, я ошибся дверью.

Но Жервеза поспешила ему навстречу.

— Входите, мосье Люпен, входите, ведь вы у нас, как дома. Дайте нам совет. Какие облигации следует продать? Внешнего займа или ренты?

— А судебный запрет? — возразил Люпен, очень удивленный.

— О, запрет распространяется не на все облигации.

Она открыла шкаф. На полках лежали портфели, опоясанные широкими ремнями. Она схватила один из портфелей, но муж запротестовал.

— Нет, нет, Жервеза, продавать внешний заем — это безумие. Он еще будет подниматься... А рента достигла уже высшей точки.

— Как вы думаете, дорогой друг? У «дорогого друга» не было мнения по этому поводу, однако он тоже посоветовал пожертвовать рентой. Тогда она взяла другую пачку, и из этой пачки наудачу — один лист. Людовик положил его в карман. После завтрака, в присутствии секретаря, он поручил биржевому маклеру продать облигации. Он получил за них сорок тысяч франков.

Чтобы ни говорила Жервеза, Арсен Люпен не чувствовал себя, как дома. Наоборот, положение, занимаемое им у Эмберов, казалось ему сомнительным. Неоднократно имел он случай убедиться в том, что слуги не знали его имени. Они звали его «мосье». Так всегда именовал его Людовик: «Предупредите мосье... Что, мосье уже пришел?».

Почему такое загадочное обозначение?

Кроме того, после энтузиазма, проявленного вначале, Эмберы теперь почти с ним не разговаривали и обращались с ним почтительно, как с благодетелем. Казалось, считали его оригиналом, который не любит, чтобы ему докучали, а поэтому и не мешают его одиночеству, как будто требование этого одиночества было его собственным капризом. Однажды, проходя через вестибюль, он услышал, как Жервеза сказала двум приглашенным:

— Это такой дикарь!

«Хорошо, — подумал он, — я согласен слыть дикарем». И, отказавшись от поисков объяснения всем странностям этих людей, Арсен продолжал выполнять свой план. Он убедился, что не приходится рассчитывать ни на случайности, ни на беспечность Жервезы, которая не расставалась с ключом и, кроме того, никогда не отходила от шкафа, не

перемешав предварительно буквы замка. Итак, следовало действовать.

Одно событие ускорило развязку — бешеная кампания, начатая некоторыми газетами против Эмберов. Их обвиняли в мошенничестве. Арсен Люпен присутствовал при развертывании этой драмы, при волнении достойной четы, и он понял, что, откладывая дело, может потерять все.

Пять дней подряд, вместо того, чтобы уходить, как обычно, в шесть часов, он запирался в своей комнате. Все думали, что он ушел, а он лежал, растянувшись, на паркете и смотрел вниз, в кабинет Людовика.

Все пять вечеров, убедившись, что удобный случай не представляется, он уходил глубокой ночью, пользуясь маленькой дверью, которая вела во двор. Ключ от этой двери у него имелся.

Но на шестой день он узнал, что Эмберы в ответ на злонамеренные инсинуации по их адресу предложили открыть сейф и произвести опись.

«Это произойдет сегодня вечером», подумал Люпен.

И действительно, после обеда Людовик заперся в своем кабинете. Вскоре туда явилась и Жервеза. Они стали просматривать реестры сейфа.

Прошел час, потом другой. Он слышал, как ложились спать слуги. Теперь во втором этаже не оставалось ни души. Полночь. Эмберы продолжали свою работу.

— Пора, — прошептал Люпен.

Он открыл окно. Оно выходило во двор. Этой облачной, безлунной ночью все было погружено во мрак. Арсен вытащил из шкафа веревку с узлами и, привязав ее к оконной решетке, с помощью водосточной трубы медленно спустился до уровня окна, расположенного под его собственным. Это было окно кабинета; толстая ткань задвинутых штор скрывала внутренность комнаты. Став на балюстраду, он с минуту сохранял неподвижность, глядясь в темноту и прислушиваясь.

Успокоенный тишиной, Арсен легко толкнул обе половинки окна. Если никто не дал себе труда проверить их состояние, они должны были уступить толчку, так как еще днем он повернул шпингалет, чтобы тот не входил в скобы.

Половинки окна поддались нажиму. Тогда с величайшими предосторожностями он приоткрыл их несколько шире. Когда щель стала так велика что в нее можно было просунуть голову, Арсен остановился. Узкая полоска света просачивалась между краями неплотно соединенных штор: он увидел Жервезу и Людовика, сидящих возле шкафа.

Занятые своей работой, они обменивались только редкими фразами вполголоса. Арсен вычислял расстояние, отделявшее его от них, обдумывал точно те движения, которые ему придется проделать, чтобы привести их обоих в состояние неподвижности, раньше чем они успеют позвать на помощь, и уже приготовился к прыжку, когда Жервеза заговорила:

— Как холодно стало вдруг в комнате. Я пойду лягу. А ты?

— Мне хотелось бы раньше закончить работу.

— Закончить! Здесь хватит на всю ночь.

— О, нет! На час, не больше.

Она ушла. Прошло двадцать минут, полчаса. Арсен еще немного приоткрыл окно. Шторы заколебались. Он еще приоткрыл. Людовик обернулся и, видя, что шторы надулись от ветра, поднялся, чтобы закрыть окно...

Он не успел крикнуть, не было даже подобия борьбы. Несколькими быстрыми движениями, не причиняя ему ни малейшей боли, Арсен оглушил его, завернул голову шторой и связал таким образом, что Людовик не увидел даже лица нападшего.

Затем Люпен быстро направился к шкафу, схватил два толстых портфеля, вышел из кабинета, спу-

Люпен схватил два толстых портфеля...

тился по лестнице, пересек двор и открыл калитку черного хода. На улице стоял экипаж.

— Раньше всего возьми это, — сказал он кучеру, — и следуй за мной.

Он вернулся в кабинет. Две прогулки, — и очищен весь шкаф. За тем Арсен Люпен поднялся к себе в комнату, убрал веревку, уничтожил следы своего пребывания. Все было кончено.

Через несколько часов Арсен Люпен с помощью своего спутника произвел осмотр портфелей. Он не испытал разочарования, так как предвидел, что величина состояния Эмберов в значительной степени раздута слухами. Миллионы не считывались ни сотнями, ни даже десятками. Но, во всяком случае, общая сумма выглядела достаточно почтенно, и все это были бесспорные ценности: акции железных дорог, северных углеразработок, Суэцкого канала, облигации государственных займов и т. д.

Арсен заявил, что он вполне удовлетворен.

— Конечно, — сказал он, — немало мы потеряем при продаже. Придется считаться с разными запретами, и не раз мы будем вынуждены ликвидировать акции по низким ценам.

— А все остальное?

— Это ты можешь сжечь, мой милый. Эта куча бумаг составляла круглую цифру в шкафу Эмберов. Для нас все это бесполезно. Что касается ценных бумаг, то мы можем преспокойно спрятать их в стенном шкафу и дожидаться удобного момента.

На другой день Арсен подумал, что нет препятствий к его возвращению в дом Эмберов. Но утренние газеты сообщили неожиданную новость: Людовик и Жервеза исчезли.

Открытие несгораемого шкафа происходило в самой торжественной обстановке. Представители магистратуры нашли там только то, что там оставил Люпен... — пустые полки.

Таковы факты, и таково объяснение их, которое давал Арсен Люпен. Я слышал рассказ от него самого однажды, когда он настроился на откровенность.

— Одним словом, — сказал я ему, — это самое удачное ваше дело?

Не отвечая прямо на мой вопрос, он продолжал:

— Вся эта история полна непрозрачной тайны... Зачем это бегство? Почему не воспользовались этой помощью, которую я им оказал помимо своего желания? Так легко было сказать: «В несгораемом шкафу находилось сто миллионов. Теперь их там нет, потому что они украдены!»

— Они потеряли голову.

— Да, конечно, они потеряли голову... С другой стороны...

— Что с другой стороны?..

— Нет, ничего.

Что означало это умолчание? Видно было, что он не все сказал.

Я стал задавать вопросы наудачу:

— Вы с ними больше не встречались?

— Нет.

— И неужели вы не испытали никакой жалости к этим двум несчастным?

— Я! — вскрикнул он, подскочив с места.

Его возмущение удивило меня. Не попал ли я в точку? Я настаивал:

— Разумеется. Без вас им удалось бы, может быть, выпутаться...

— Угрызение совести, вот что вы мне приписываете, не правда ли? Чорт побери!

Он стукнул с силой по моему столу.

— Итак, по вашему мнению, меня должна мучить совесть?

— Назовите это угрызениями совести, или сожалением, или вообще сочувствием...

— Сочувствием к людям...

— К людям, которых вы лишили их богатств.

— Каких богатств?

— Во всяком случае... Эти две-три связки ценных бумаг...

— Да, эти две-три связки ценных бумаг. Я у них похитил пакеты акций, не правда ли? Часть их наследства? В этом моя вина? В этом мое преступление? Но, черт возьми, дорогой мой, разве вы не догадались, что все эти ценные бумаги оказались фальшивыми?.. Слышите? они б ы л и ф а л ь ш и в ы м и!

Я смотрел на него, пораженный.
— Фальшивые? Эти четыре или пять миллионов?

— Фальшивые, — закричал он яростно, — архи-фальшивые! И акции железных дорог, и облигации государственных займов — все это бумага, простая бумага! Ни одного су не смог я выручить за всю кучу! А вы у меня спрашиваете, не чувствую ли я угрызений совести. Это они должны испытывать раскаяние! Они обвели меня вокруг пальца, как простого воришку! Они общипали меня, как последнего дурака, как самую глупую из своих жертв!

Он дрожал от настоящего гнева, порожденного досадой и оскорбленным самолюбием.

— Ведь послушайте, я с самого начала попался впросак, с первого же часа! Знаете ли вы, какую роль я играл в этом деле или, вернее, какую роль они заставили меня сыграть? Роль Андре Броуфорда! Да, мой милый, а я ничего не понимал и не видел!

Только впоследствии, следя за газетами и сопоставляя некоторые детали, я установил это. Сам я позировал, как благодетель, как великодушная личность, готовая пожертвовать жизнью, чтобы спасти их из когтей апаши, а они, они выдавали меня за Андре Броуфорда!

Это восхитительно, не правда ли? Этот оригинал, который жил на третьем этаже, этот дикарь, которого показывали издали, это Броуфорд, а Броуфорд — это я! И благодаря мне, благодаря тому доверию, которое я внушал под именем Броуфорда, банкиры одалживали им деньги, а нотариусы советовали своим клиентам одалживать!

Внезапно он остановился, схватил меня за руку и произнес тоном отчаяния, в котором, однако, чувствовались нотки иронии и восхищения:

— Дорогой мой, до настоящего времени Жервеза Эмбер должна мне полторы тысячи франков!

На этот раз я не мог удержаться от смеха. Действительно, это было очень комично.

— Да, мой дорогой, полторы тысячи франков. Не только не получил я ни копейки из своего жалованья, но она еще взяла у меня займы полторы тысячи франков! Все сбережения бедного молодого человека! А знаете, под каким предложением? Нет, вам не угадать... Для ее бедных! Клянусь вам! Для вымышленных бедняков, которым будто бы она помогала втайне от Людовика!

Перевод В. Брук

В горящем вагоне

Н. ТОМАН

Спустя несколько часов после того, как мы восстановили путь на станцию Кемеря и привели на нее первый поезд, финны обстреляли станцию, выпустив три или четыре снаряда. Наша артиллерия открыла ответный огонь, и мы почти не сомневались, что от финской пушки ничего уже не осталось.

Однако финны, видимо, успели перетащить свое орудие в другое место, так как ночью по станции Кемеря было выпущено еще три снаряда того же калибра.

Ущерб, причиненный огнем этой маневрирующей пушки, был незначителен, но утром второго дня чуть было не произошла серьезная неприятность.

На станцию пришел поезд с артиллерийскими припасами. Дежуривший по станции старшина эксплуатационной роты Лукьянов принял его на запасной путь, намереваясь подать в тупик под разгрузку. Но едва начал он производить маневры, как артиллерийский снаряд со свистом перелетел через вагоны, сдувая снег с их крыши, и взорвался в тридцати метрах от состава.

— Опять палат! — сокрушенно сказал красноармеец Ивашкин, выплывший на станции обязанности и стрелочника, и сцепщика, и составителя.

— Быстро, Ивашкин, делай стрелку на выход! — крикнул Лукьянов, мгновенно поняв, какая опасность грозила поезду. Он намеревался вывести поезд из под обстрела, направив его на свободный главный путь.

Только успел Лукьянов крикнуть это Ивашкину, как следующий снаряд задел крышу третьего от хвоста вагона и разорвался с сухим, резким звуком. Лукьянов вздрогнул и даже присел слегка, ожидая взрыва боеприпасов, находящихся в вагоне.

Однако вагон не взорвался, но крыша и верх боковой стенки его загорелись.

Был предрабсветный час, и, кроме старшины Лукьянова да красноармейца Ивашкина, никого на станции поблизости не было. Приходилось рассчитывать только на собственные силы. Не раздумывая, Лукьянов бросился к упрежным приборам горящего вагона, крикнув на ходу машинисту:

— Осади чуть-чуть!

Он отцепил горящий вагон и отбежав на соседний путь, подал знак машинисту. Поезд тотчас же двинулся на главный путь, оставив на станции три отцепленных вагонов.

— Ко мне, Ивашкин! — позвал Лукьянов, сбрасывая запор с горящего вагона.

Вдвоем они быстро откатили тяжелую дверь. Клубы густого удушливого дыма вырвались из вагона, но пламя еще, видимо, не проникло внутрь.

Скинув полушубок, Лукьянов бросился в вагон.

— Взорваться может, товарищ старшина! — испуганно крикнул Ивашкин.

Лукьянов, не отвечая ему, схватил ближайший ящик, сквозь щели которого был виден снаряд и длинный серый мешочек с пороховым зарядом. Ящики были не очень тяжелы, и старшина, возбужденный грозящей опасностью, легко и быстро бросал их в мягкий снежный сугроб.

Недолго раздумывал и Ивашкин. Он поспешно сбросил ватную телогрейку и, оставшись в одной гимнастерке, ловко вскочил в вагон и принялся помогать старшине. А работать становилось все труднее, так как ящики со снарядами приходилось бросать все дальше и дальше, чтобы они не ударялись друг о друга. Лукьянов и Ивашкин быстро вспотели от такой работы, хотя в тот день стоял жестокий мороз, леденящий дыхание.

Вскоре крыша прогорела насквозь, и в вагон посыпались горящие щепки. Жизнь старшины и красноармейца висела теперь буквально на волоске. Стоило самой маленькой искре попасть на мешочек с порохом, как он взорвался бы, и вагон мгновенно взлетел бы на воздух...

Выбрасывал ящики теперь один только Лукьянов. Ивашкин на лету хватал падающие с потолка горящие щепки и гасил их. Рукавицы его прогорели, и на обожженных руках вскопили пузыри. Он работал, как в бреду, почти не чувствуя боли. У Лукьянова вскоре начала кружиться голова, от чрезмерного напряжения руки налились кровью, отекали, были непослушны, как чужие. Едкий дым резал глаза, вызывая слезы, и от этого сумрак казался еще более густым, чем был на самом деле. А в ушах стоял такой шум, что Лукьянов даже не слышал, как стала палить наша артиллерия в ответ на выстрелы финнов.

Когда к горящему вагону подбежали красноармейцы эксплуатационной роты, он был уже пуст, а Лукьянов и Ивашкин, обгоревшие и почти задохнувшиеся от дыма, без сил свалились на руки товарищей.

Тотчас же пустой полусгоревший вагон отцепили от остальных двух и вручную отогнали в тупик. Пламя от него, успевшее перекинуться на соседний вагон, было быстро потушено.

БЕЛА ИЛЛЕШ

Когда в 1917 году австро-венгерская армия вторглась в Северную Албанию, часть албанского населения дружелюбно встретила «немитцев». Одна из причин этой дружбы — религия (большая часть живущих на севере албанцев католики). Но «немитцы» очень скоро превратились в «шваба» — в этом слове заключалась ненависть и презрение к чужестранцам. Выяснилось, что можно быть католиком и не знать, что такое «христианская любовь».

До весны 1917 года австрийские солдаты могли безопасно посещать албанские деревни, расположенные за горами, куда вели только узкие, очень крутые тропинки, на которых несколько смелых человек могли задержать целый полк.

Но в мае случилось вот что. Интендант расположенного к северо-востоку от города Скутари военного лагеря, обер-лейтенант Зоненшейн, получил из Вены приказ доставить на месте мулов для транспортировки грузов. Обер-лейтенант Зоненшейн лично выехал в расположенные в округе деревни и хотел купить там мулов. Албанцы приветливо встретили «баша немитцев», угостили его «бозой»¹ и кукурузным хлебом, но продать мулов не захотели, потому что, как они говорили, у них мало мулов и они им нужны, как рабочей силой. Зоненшейн сообщил начальству о безуспешности своих стараний. В ответ он получил строгий приказ — доставить мулов при любых обстоятельствах.

«Приказ есть приказ», подумал Зоненшейн и посоветовался со своими подчиненными. После совещания он послал телеграмму в Вену: «Достану мулов согласно приказу».

В охране военного лагеря состоял отряд гусар — 48 человек. Зоненшейн взял на два дня у командира отряда всех 48 лошадей. Командир гусар вначале не хотел давать лошадей, но когда Зоненшейн объяснил ему, зачем ему понадобились лошади, засмеялся и дал свое согласие.

В тот же день 24 солдата интендантского управления под начальством фельдфебеля отправились в близлежащую албанскую деревню и повели с собой 48 гусарских лошадей. Албанцы недоверчиво встретили солдат, но не выказали враждебности. Фельдфебель говорил по-сербски, часть албанцев понимала этот язык, и поэтому они могли понять друг друга.

— Мы хотим обменять лошадей на мулов, потому что мулы полезнее в горах, — сказал фельдфебель.

— Да, мулы полезнее, — ответили албанцы.

— Но лошади красивее, — продолжал фельдфебель, — а наши лошади привыкли к горным тропинкам. Кроме того, если этот обмен состоится, мы дадим вам в придачу табак, спички и ром.

Обмен состоялся. Солдаты возвратились в лагерь с 48 мулами.

На следующий день в ту же деревню отправился отряд полевых жандармов.

— Мы ищем конокрадов, — обратился начальник отряда к деревенскому старосте.

— Среди албанцев нет конокрадов, — гордо ответил староста.

— Посмотрим!

Жандармы нашли в деревне 48 лошадей, на крупах которых был выжжен знак австро-венгерской армии. Староста начал объяснять, как попали лошади в деревню, но жандармский фельдфебель не слушал его до конца.

— Быть может, ты прав, но возможно, что и нет, — сказал он. — Это нужно проверить. Так как возможно, что ты прав, я не буду искать сейчас конокрадов, но на случай, если ты не прав, я возьму с собой лошадей.

Албанцы не защищали силой лошадей. Они знали, что если чужестранцы находятся уже в деревне, то сила на их стороне. Но на другой день утром староста был в военном лагере и потребовал возвратиться либо лошадей, либо мулов.

— Ты пришел слишком поздно, мой друг, — сказал ему обер-лейтенант. — Мулы находятся уже на пути к фронту.

— Тогда отдай мне лошадей!

— Лошадей я отдать не могу, потому что они принадлежат немитцкому султану, а я не могу распоряжаться тем, что принадлежит ему. Но я заплачу вам за мулов деньги, хорошие австрийские деньги.

— Ваши деньги, я не запрягу в плуг, — ответил староста.

Он не взял денег. Но в ту же ночь в складе военного лагеря вспыхнул пожар.

В течение четырех веков албанцы жили под владычеством турецких пашей. За это время они нередко видели еще худшее, чем то, что сделал обер-лейтенант Зо-

неншейн. И у них давно выработалась привычка отвечать на подобные дела. Обычным ответом было убийство одного или нескольких турецких солдат. Но в деревне, потерявшей 48 мулов, жил сербский студент, по прозвищу «Ник Грамотный».

Десять лет тому назад этот Ник поехал из Сербии в Петербургский университет. Там он научился вещам, за которые его арестовали, продержали восемь месяцев в тюрьме и выслали из пределов России. Ник, которого сербы звали Никитой, участвовал в мировой войне в качестве рядового сербской армии. Когда австрийцы заняли Сербию, Никита был взят в плен, но ему удалось бежать в Албанию. Там он стал пастухом коз и как пастух имел право принимать участие в деревенских собраниях. Албанцы вскоре поняли, что у них умный пастух.

Когда увели 48 мулов, деревня, по старым традициям, собралась устроить охоту за солдатами «шваба». Ник считал, что это было неправильно, потому что, говорил он, если это будет сделано, то за проделки пашей «шваба» расплатятся своей жизнью такие «немитцы», которые никакого отношения к этому делу не имеют. Нужно мстить тем, кто виноват. Нужна настоящая война!

Это понравилось албанцам. Деревня объявила войну «швабам», и ее примеру последовал целый ряд деревень. Северная Албания восстала против австрийцев, которые вели войну в Албании против Франции и Италии.

Австрийская армия потеряла в борьбе против восставших очень много солдат. Много австрийских солдат пропало без вести. Однажды совершенно неожиданно Зоненшейн получил известие о 48 исчезнувших австрийских солдатах. К стреле, пущенной в лагерь, было прикреплено письмо. В письме, написанном Ником, албанцы сообщали, что у них имеется 48 пленных, которых они готовы обменять на 48 мулов.

«Ваши солдаты едят у нас хлеб не даром. Мы запрягаем их в плуги, и они работают. Несмотря на это, мы готовы обменять их, потому что, хотя они и не слабее мулов, но значительно глупее их. Если бы они не были так глупы, вы не могли бы использовать их для ограбления и угнетения чужого народа, не причинившего им ничего плохого».

Перевод М. Зельдович

¹ «Боза» — напиток вроде кваса.

По морям и землям

(Продолжение)¹

ЧЕРНЫЙ КОЗЕЛ

Скамейка, на которой я сидел, не качалась; это было настолько необычно, что даже мешало думать о чем-нибудь другом. А думать было необходимо.

Как потерпевший крушение мореплаватель, я причалил к зеленому островку городского сквера, чтобы собраться с мыслями и решить, что делать дальше.

В кармане у меня было двадцать центов, в мешке — рабочая одежда и самоучитель испанского языка. На мне был неплохой, но сильно помятый костюм, измазанная краской кепка и рыжие парусиновые туфли на веревочных подошвах.

Примерно с таким же капиталом я совершил путешествие из Соединенных штатов в Уругвай, следовательно...

Но тут мои размышления были прерваны радостным возгласом:

— Алло! И ты здесь, Рус?

Передо мной стоял эльзасец Анри Рено, по прозвищу Фрэнси. Его черные плутоватые глазки блестели как масляны.

— А ты зачем оставил козаль? — спросил я его.

— Я и не собирался на нем оставаться. У меня брат в Аргентине.

Он вытащил из кармана измятый клочок бумаги и озабоченно добавил:

— Только как я его найду? Уж очень непонятный адрес.

— «Альберт Рено, — прочел я, — станция Кастро, порт Оливейра-Сезар».

Действительно, загадка. Если станция — значит на железной дороге. Если порт — значит на море. Но я знал, что ни одна аргентинская дорога не проходит вдоль берега моря.

Задача становилась интересной. Мне уже грезилась увлекательная экспедиция, нечто вроде поисков капитана Гранта.

— Фрэнси, — сказал я торжественно, — я найду твоего брата.

Он недоверчиво уставился на меня.

— Найду, — повторил я. — Едем в Буэнос-Айрес.

Целый день бродили мы по улицам Монтевидео, стараясь при помощи моего самоучителя продать наши дождевики. Это нам удалось только за полчаса до отхода парохода. Ехать предстояло всего лишь одну ночь, но все, что мы смогли выручить, ушло на билеты.

Усталые и голодные, бродили мы по палубе, стараясь держаться подальше от камбуза, откуда доносясь мучительно раздражающий запах. Но наше спасение пришло именно оттуда.

Из камбуза выглянул толстый круглолицый человек в белом костюме и поманил нас пальцем. Путем несложной мимики он объяснил, что, если мы поможем мыть посуду, он нас хорошо накормит.

Сделка состоялась. Мы опустились в судомойную и принялись за работу.

Через окошко вливался из столовой непрерывный поток посуды. Стоило нам хоть на минуту замедлить темп, как гора посуды угрожающе вырастала.

Прошел час. Дребезжащий поток не затихал. Человек в белом куда-то исчез. Еще через час он пробежал мимо, одобрительно кивнул головой и с жестом, выражающим «осталось немного», снова скрылся в столовой.

Приближалась полночь. Мы обливались потом и еле держались на ногах. Неужели вся посуда южного полушария должна пройти через это проклятое окошко?

Наконец, окошко закрылось. Нас усадили за стол и накормили остатками ужина. К нам подошел один из поваров и заговорил по-английски:

— Без билета? — спросил он.

— Нет, почему же? Билеты у нас есть.

— Так для чего вы мыли посуду?

— Для того чтобы заработать ужин.

— Но ведь ужин входит в стоимость билета, — рассмеялся повар, — стюард вас обманул.

— Входит в стоимость билета? — повторил Фрэнси, бледнее от бешенства.

Я схватился за свой самоучитель, но никак не мог найти в нем достаточно энергичных выражений.

— Не надо, — зловеще сказал Фрэнси, оттакаявая мою книжку, — я поговорю с ним по-французски!

«Разговор» начался в посудной кладовке и сразу принял весьма оживленный характер. К этому времени я успел, наконец, раскопать одно подходящее слово.

— Пикаро! Пикаро!¹ — завопил я, врываясь в кладовку.

Толстяк попытался. Стройные колонны посуды, стоявшие у него за спиной, угрожающе зашатались и с грохотом обрушились на пол.

Мы выскочили на палубу.

Кое-как дотянули мы эту ночь на пароходе, а наутро мы уже шагали по живописным улицам Буэнос-Айреса. Невысокие дома перемежались с яркими цветниками скверов. Повсюду мелькали пестрые наряды и слышалась чарующая музыка испанского языка. Большинство мужчин было низкого роста, со смуглыми лицами и черными прямыми волосами. Несмотря на очень жаркую погоду, многие молодые женщины были одеты во все черное. Это был обычай, завезенный из далекой Испании еще в те времена, когда Аргентина была испанской колонией.

Первым делом я повел своего спутника на вокзал и здесь внимательно просмотрел расписания поездов по всем направлениям. Мои поиски увенчались успехом.

— Кастро! — радостно воскликнул я.

Да, такая станция действительно существовала в двухстах километрах от берега моря; но как же мог находиться там какой-то порт Оливейра-Сезар?

После долгих и бесполезных расспросов мы решили:

— Завтра утром выступаем пешком в Кастро.

Чтобы добыть немного денег на дорогу, надо было продать мой «береговой» костюм.

К концу дня покупатель нашлся. Это был хозяин какой-то пригородной харчевни. Он предложил за костюм пять пезо и в придачу

¹ Негодяй! Негодяй!

Обливаясь потом, он тащил на веревке большого черного козла.

¹ Начало см. в № 1 «Вокруг света».

обязался предоставить нам ночлег и ужин.

Не успели мы кое-как устроиться в отведенном нам чулане, как пришел хозяин и забрал костюм, очевидно, опасаясь, чтобы мы не улизнули.

Утром мы потребовали у хозяина обещанные пять пезо. Физиономия трактирщика сразу приняла удивленно-обиженное выражение.

— Какие пять пезо?

— За костюм.

— Так ведь вы получили два ужина и две кровати, — это стоит гораздо больше.

Спорить было бесполезно. Мне следовало раньше вспомнить разговоры трактирщика сразу приняла удивленно-обиженное выражение. юристов: «Обладание — девять десятых закона».

Фрэнси пришел в ярость. Он снова порывался поговорить с трактирщиком «по-французски», и мне пришлось, чтобы избежать скандала, почти силой вытащить его на улицу.

Мы пустились в путь. Фрэнси, по видимому, все еще не успокоился и время от времени бормотал:

— Нет, я не могу!

— Чего ты не можешь? — полюбопытствовал я.

— Подожди меня здесь! — бросил Фрэнси вместо ответа и почти бегом пустился обратно по направлению к городу.

Делать было нечего. Я уселся под пыльной придорожной масляной и углубился в изучение своего самоучителя.

Прошло около часа. Вдруг откуда-то сбоку вынырнула юркая фигура Фрэнси. Обливаясь потом, он тащил на веревке большого черного козла.

Я оторопел. Этого козла я видел вчера на заднем дворе харчевни.

Не останавливаясь, Фрэнси затащил козла в первую попавшуюся калитку и смело постучал в дверь фермерского домика.

На пороге показался смуглый аргентинец, из-за спины которого с любопытством выглядывали все обитатели домика.

— Пять пезо! — лаконически сказал Фрэнси, ткнув пальцем в козла.

Фермер сразу понял, что сделка была выгодна и носила срочный характер.

Получив пять серебряных монет, Фрэнси с торжествующим видом повернулся ко мне.

— Вот видишь, без всякого самоучителя!

Мы двинулись дальше. Фрэнси весело насвистывал, но я был не на шутку обеспокоен. Этого еще не хватало! С таким спутником легко попасть в неприятную историю. Но не могу же я бросить его на полдороге. Ведь я обещал найти его брата.

Зной все усиливался. Мы едва волочили ноги и за весь день прошли не более двадцати километров.

Вокруг, насколько хватал глаз, простирался безрадостный пейзаж восточной Аргентины. Бесконечные выжженные солнцем сжатые поля. Нигде ни рожицы — изредка только вблизи домиков попадались низкорослые фруктовые деревья или

одинокое высились на горизонте великан пампасов «омбу».

На повороте дороги навстречу нам поднялся сидевший на земле мужчина. Это был толстенький чөлөк человек низкого роста, который под своим громадным сомбреро походил на внезапно выросший среди дороги гриб.

— Ува! Ува! — твердил он, показывая куда-то в сторону.

Мы последовали за ним, и скоро оказались на большом винограднике. Уборка была в полном разгаре, а рабочих рук не хватало, и этому человеку-грибу приходилось сидеть у дороги и звать случайных прохожих.

Неудивительно, что подобранный таким образом штат отличался большим разнообразием. Здесь были не только аргентинцы, но и европейцы самых различных национальностей: испанцы, англичане, немцы, французы.

На «Сигурде» французов не было, но было несколько немцев. При

— Ува! Ува! — твердил он, показывая куда-то в сторону.

первом же знакомстве с ними Фрэнси заявил:

— Эльзасцы — это настоящие немцы!

Но здесь мы сразу попали в общество французов.

— Как я рад, как я рад, — повторял Фрэнси, пожимая им руки, — ведь эльзасцы это, в сущности говоря, те же французы!

Мы решили остаться поработать на винограднике.

— Только, пожалуйста, без проделок, — предупредила я Фрэнси.

— Только, пожалуйста, без самоучителя, — ответил он.

Наутро мы вышли на работу. Урожай был хороший, и наши корзины быстро наполнялись большими синими гроздьями.

Каждый рабочий сам относил набранную им корзину в сарай, у дверей которого стоял счетчик. Оставив свою ношу в сарае, рабочий брал пустую корзину и через заднюю дверь возвращался на виноградник.

Работа была легкая, но оплата была настолько ничтожна, что даже за долгий двенадцатичасовой рабочий день трудно было заработать больше одного пезо. К тому

же хозяйские счетчики нередко обсчитывали рабочих.

По вечерам рабочие собирались группами у костров, пели песни и рассказывали интересные случаи из своей жизни. Это был обычай, заимствованный у аргентинских ковбоев — «гаучо». Но что мог рассказать я, молодой и неопытный путешественник? Чтобы не отставать от других, я изобразил несколько сценок из весьма популярной в то время в России шуточной оперы «Вампука».

Фрэнси особенно понравилась сцена, изображающая смотр войск в пустыне. Голый воин, вооруженный копьем, стремительно проносится мимо восседающего на троне африканского царя, завершает полный круг за кулисами и снова выбегает с той же стороны, держа копье каждый раз в другом положении. У зрителя должно создаться впечатление, что перед царем проходит целая армия.

Фрэнси разделся догола и стал бешено кружиться вокруг костра, изображая африканскую армию. Вокруг нас быстро собралась толпа зрителей. Редко кто из этих людей имел постоянный кров над головой и какие-нибудь определенные виды на будущее, но все они беззаботно смеялись, отдаваясь нехитрому веселью минуты.

На следующий день Фрэнси больше лазил по фиговым деревьям, чем собирал виноград, но к концу дня, к моему изумлению, его выработка оказалась больше моей.

Мне не хотелось отставать и на завтра я крепко приналег на работу, но и на этот раз я остался далеко позади.

— Когда только ты успеешь управиться? — недоумевал я. — Ведь ты сегодня проспал полдня в кукурузном сарае.

— Мне помогает Вампука, — с ехидной улыбкой отвечал Фрэнси.

Я выбивался из сил, стараясь догнать его, а Фрэнси продолжал лодырничать и день за днем оставался победителем.

Наконец, разразился грандиозный скандал.

С утра человек-гриб носился по лагерю, изрыгая потоки проклятий. Он был настолько возбужден, что даже сдергивал по временам свое умопомрачительное сомбреро и становился похожим на грибную ножку.

— Семьдесят семь! — вопил он. — Семьдесят семь!

Он уверял всех, что у него украли семьдесят семь корзин винограда. Рабочие посмеивались и издевательски выворачивали карманы в доказательство своей невиновности.

Фрэнси с видимым вниманием следил за всей этой суматохой и, наконец, тихо сказал:

— Знаешь что, Рус, — я думаю, нам пора двигаться дальше.

— Я тоже так думаю, — язвительно ответил я.

Мы немедленно взяли расчет и вскоре уже снова шагали по дороге в Кастро.

— А ты так и не можешь обойтись без черного козла? — накинулся я на Фрэнси. — Расскажи, по крайней мере, что ты там выкинул?

— Ты же сам меня научил!

— Я?!

— Конечно, ты. Помнишь твоё представление из «Вампуки»? Ну вот и я сделал то же самое.

— Но как же ты...

— Очень просто. Я брал на плечо полную корзину, проходил с ней мимо отметчика и так же спокойно выходил через заднюю дверь. Затем я прятал корзину в кустах, а сам отправлялся немного отдохнуть. Выждав время, я брал ту же самую корзину и опять проходил мимо отметчика. Не правда ли, очень просто?

— Уж скорей бы мне сдать тебя на руки брату! — проворчал я.

Приближалось время жатвы маиса. Тысячи бездомных людей двинулись из города на поля в надежде на хороший сезонный заработок. Везде слышалось многообещающее слово «косеча».

Мы также включились в этот поток.

Но «косеча» запаздывала, и в ожидании работы вся эта армия растекалась вдоль железной дороги, опустошая сады и огороды. Мы шли по сгране, которая снабжает хлебом и мясом пол-Европы, и голодали.

Нашё продвижение вперед было очень медленным, так как приходилось добывать пропитание случайной работой и для этого уходить далеко в сторону. Только на восьмой день мы, наконец, подошли к Кастро.

Это был заброшенный полустанок, по платформе которого уныло бродило несколько пассажиров.

— Где порт Оливейра-Сезар? — нетерпеливо спросил я у первого встречного.

Человек, не задумываясь, указал на север.

— А море? — оторопело воскликнул я.

— Какое море? Парана.

Я готов был провалиться сквозь землю от стыда. Хорош следопыт! Не сообразил, что в этих краях Парана настолько широка и глубока, что пропускает океанские пароходы на несколько сот километров вверх по течению.

Я был разочарован. Никакого таинственного порта, никакой загадки! Простая прогулка по совершенно точному почтовому адресу.

Фрэнси, наоборот, был очень доволен таким исходом дела: это сулило ему скорую встречу с братом.

Мы повернули на север и скоро дошли до берега реки. «Таинственный» порт Оливейра-Сезар оказался достойной станцией Кастро. Это была дощатая пристань, у которой не было ни одного парохода. Только два потрепанных «тремпа»¹ стояли на якоре посреди реки. В ложбине на берегу уютился небольшой поселок.

Мы решили немного передохнуть и расположились на траве у плет-

ня, рядом с небольшим участком, засеянным сладким картофелем.

Я задремал, но вскоре чьи-то отчаянные крики заставили меня всколыхнуть на ноги. Из-за плетня слышался шум драки, сопровождаемый яростным потоком французских ругательств. Фрэнси куда-то исчез.

Я понял, что мой спутник попал в беду, и поспешил на выручку.

Перемахнув через плетень, я увидел совершенно неожиданную картину: Фрэнси сидел верхом на лежащем ничком человеке и, покрыв его голову мешком, тузил его куда попало. Завидев меня, он бросил свою жертву и устремился ко мне с поднятыми кулаками.

Я так опешил, что едва успел занять оборонительную позицию. Но тут же руки мои опустились. Это был не Фрэнси. Предо мной стоял незнакомый мне человек, поразительно похожий на моего спутника.

— Альберт Рено! — воскликнул я.

Человек остановился.

— Откуда ты меня знаешь? Кто ты? — пролетел он.

Я наслаждался произведенным эффектом.

— Меня ты не знаешь, — величественно промолвил я, указывая театральным жестом на барактавшуюся под мешком фигуру: — Но этот человек — твой брат!

— Анри! Анри! — завопил Альберт, бросаясь к похитителю картошки.

Фрэнси вскочил на ноги, все еще плохо соображая, в чем дело. Наконец, он понял и с радостным смехом бросился обнимать брата.

— Ну и здорово ты меня отделил, — хохотал Фрэнси, потирая бока.

— Вот видишь, — наставительно заметил я. — Тебя предупреждали, что черный козел умеет бодаться.

Братья Рено отличались редкостным сходством. Альберт был только чуть выше ростом и немного шире в плечах.

— Вот моя вила, — сказал Альберт, подводя нас к убогой мазанке. Это была типичная лачуга иммигрантской бедноты. Стены были сделаны из глины с примесью соломы, а кровля из укрепленных на жердях старых листов волнистого железа. В нескольких шагах от хижины была устроена сводчатая глиняная печь, похожая на улей.

В кладовых «вилы» не оказалось ни кусочка провизии, и мы все вместе отправились на рыбную ловлю.

Я первый раз в жизни держал в руках удочку, но Парана настолько богата рыбой, что даже такой неопытный рыболов не остался без добычи. Меня забавляло, что рыба в реке как будто рассортирована по этажам. Когда я погружал приманку слишком глубоко, неизменно ловились малопривлекательные костистые усачи. Когда крючок висел у самой поверхности, часто попадалась большая плоская рыба «дорато» с трехцветным хвостом.

— Синий, белый и красный, — сказал Альберт, видимо, желая доставить мне удовольствие. — Как раз национальный флаг России.

— Синий и белый надо выбросить, и тогда это будет настоящий флаг моей родины!

Я тогда и не подозревал, конечно, что всего лишь через несколько лет слова мои окажутся пророчеством.

Два беззаботных дня прожил я с братьями Рено. Мы жарили на костре свежую рыбу, пекли золотистую сладкую картошку и потешались над неуклюжими попытками Фрэнси заговорить по-испански.

Но меня уже тянуло вдале. Я решил пересечь материк вдоль железной дороги и выйти к Великому океану у столицы Чили — Вальпараисо.

Братья проводили меня до большой дороги.

— Прощай, Фрэнси, — сказал я. — Надеюсь, ты найдешь здесь ту беззаботную жизнь, которую ты искал.

— Если жизнь сама не отдаст мне, что следует, — отвечал Фрэнси, — я всегда сумею увести у нее черного козла! — Круглое лицо Фрэнси расплылось в довольную улыбку. Ему казалось, что последнее слово осталось за ним.

ДОРОГА

Опять предо мной простиралась уходящая вдале дорога, опять я был один.

Для оседлого жителя дорога — это просто полоска земли предназначенная для передвижения. Для бездомного странника дорога — это его дом, его общество, его жизнь.

Аргентинская дорога встретила меня довольно приветливо. Солнечные дни, теплые сухие ночи делали излишней заботу о крове. Оставалось только как-нибудь раздобыть пропитание, но и здесь мне везло: мелкие случайные работы попадались довольно часто. Не пройдя и сотни километров, я починил крышу, вырыл несколько ям и содрал шкуру с безвременно погибшей лошади. За эти услуги меня кормили, а иногда и давали немного провианта на дорогу.

Но однажды выдался исключительно плохой день. Солнце уже клонилось к западу, а мне все еще не удалось хоть как-нибудь утолить голод.

Дорога полна неожиданностей. Я не мог подозревать, что всего лишь в нескольких минутах ходьбы меня ожидает роскошный ужин, сервированный на серебре.

Стараясь поскорей добраться до ближайшего селения, я ускорила шаг и вскоре нагнал двух шедших впереди меня путников. Они оказались французами, и мы сразу разговорились.

Один из моих знакомых был невысокий коренастый мужчина лет тридцати, с черной бородкой и ослепительно белыми зубами. Он недавно дезертировал из корпуса североафриканских зуавов и еще сохранил воинственное прозвище «Гашет», что значит курок. В этом человеке чувствовалась какая-то постоянная настороженность, и он действительно напоминал собою всегда готовый к действию, взведенный курок.

¹ «Тремпа» — дословно «бродеяга», то-есть грузовой пароход, не совершающий определенных рейсов, а принимающий фрахт любого назначения.

Другой был выше ростом и намного моложе. Он был худощав и не выглядел особенно сильным, но в каждом его движении чувствовалась необычайная ловкость. Он только что вернулся после долгих скитаний по Бразилии, и кожа его лица еще сохраняла желтый оттенок, наложенный тропической лихорадкой. Пронзительный взгляд его желтоватых зрачков вполне оправдывал его прозвище «Вотур», то-есть ястреб.

— Куда держишь путь? — спросил меня Вотур.

— На Вальпараисо, а оттуда хочу найти корабль в Австралию. А вы куда?

— Мы в Бразилию, на алмазные россыпи. Хочешь с нами?

— Что ж, пойдём, — ответил я с небрежностью, которая полагалась в таких случаях по дорожному этикету. Но на самом деле я был очень польщен, что два таких опытных путешественника пригласили меня с собой.

Мы обменялись рукопожатиями в знак заключенного союза. Как я был доволен в эту минуту, что мой высокий рост и густые усы придавали мне вид взрослого мужчины!

На правах партнера я осведомился, как обстоит дело с провиантом. Но котомки моих спутников были, очевидно, предназначены только для алмазов, так как в них не оказалось ни крошки чего-нибудь съедобного.

Мы шли по железнодорожной насыпи. Слева от нас простирался болотистый луг, справа — бесконечные пампасы, покрытые щетиной выжженного солнцем жнивья.

Вдруг что-то серое шархнулось в сторону от тропинки. Как внезапно приведенная в действие пружина, мелькнула в воздухе рука Гашета, и сам он стремительно бросился вниз с откоса. Прежде чем мы успели сообразить, что происходит, он уже возвращался к нам, торжествующе подняв над головой большую дикую утку. Очевидно, какой-то незадачливый охотник ранил ее, а булыжник Гашета довершил остальное.

Мы соорудили очаг из валявшейся на обочине дороги кучки камней и стали жарить нашу добычу.

Проходившие время от времени мимо нас путники бросали завистливые взгляды в нашу сторону, а один из них даже спустился с откоса, очевидно, намереваясь заговорить с нами. Это был высокий смуглый мужчина с взъерошенными черными усами.

Он приближался медленно и казался очень утомленным, но вдруг бросился к костру, пинком ноги отшвырнул недожаренную утку, затоптал огонь и, упав на колени, стал лихорадочно совать в свою сумку камни, из которых был сложен наш нехитрый очаг.

Не могло быть сомнения: это — сумасшедший.

Но нам было не до рассуждений. Мы угрожающе придвинулись к незнакомцу. Он вскочил на ноги и с невероятной быстротой заговорил на каком-то непонятном жаргоне, в котором мне чудились звуки всех когда-либо слышанных мною языков.

Это был, очевидно, один из тех бездомных странников, которые в вечных скитаниях забывают свой родной язык и не успевают как следует научиться никакому другому.

С большим трудом удалось нам успокоить его и заставить рассказать нам свою историю. Он оказался португальцем, уже давно эмигрировавшим в Южную Америку.

Этот странный человек вовсе не был безумцем, хотя его смелость и граничила с безумием. Без оружия и почти без всякого снаряжения он в одиночку обследовал дикие отроги Анд в поисках золота. Золота он не нашел, но зато ему повезло найти серебряную руду. Запрятав драгоценные образцы в мешок с одеждой, он спешил в Буэнос-Айрес, где надеялся произвести анализ руды и подыскать себе компаньона для разработки прииска. И вот почти у самой цели у него украли заветный мешок.

С последней надеждой пустился он по следам похитителей, но все не для того, чтобы их настичь. Он понимал, что первым делом они выбросят из мешка тяжелые и совершенно ненужные им камни. Он надеялся подобрать свое сокровище где-нибудь вдоль дороги. Расчет его оказался верным, но уж, конечно, он никак не ожидал, что на его драгоценных камнях кому-нибудь вздумается жарить утку.

В сумке португальца нашлось несколько маисовых лепешек и кусок сыра. Гашет быстро восстановил костер и дожарил, наконец, нашу утку. В общем получился великолепный ужин.

Утолив голод, мы попросили португальца еще раз показать нам камни, которыми он так дорожил. Он кинул на нас быстрый, подзрительный взгляд, однако согласился и вытащил из сумки несколько темносерых, почти черных камней, местами имевших стекловидную поверхность.

— Это стеклянная руда, — сказал он. — Аргентини.

Гашет категорически отказался верить, что этот невзрачный камень содержит серебро.

— Здесь столько же серебра, как и у меня в кармане, — издевался он.

Задетый его насмешкой, старатель обижено спрятал свои образцы обратно в сумку и стал собираться в дорогу.

В последний раз владелец серебряного рудника пожал руку будущим владельцам алмазных россыпей и скрылся в сгущавшейся мгле вечера.

С уходом португальца у нас завязался спор о его дальнейшей судьбе.

— Теперь он будет богат и счастлив, — сказал Гашет.

— Не будет он счастлив, — горячо возразил я. — Такому человеку скоро надоест праздная жизнь богача, и его снова потянет к скитаниям.

— Вы оба неправы, — решил Вотур. — Он просто попадет в руки дельцов, которые воспользуются его находкой и оставят его таким же нищим, как и прежде.

...пинком ноги отшвырнул недожаренную утку..

Быстро спускалась южная ночь; пора было располагаться на отдых. Мы с Вотуром растянулись прямо на теплой земле, но Гашет оказался более прихотливым.

— Я люблю комфорт, — заявил он, подкладывая под голову кирпич.

Мы погрузились в сон.

Ранним утром мы снова пустились в путь, так как хотели к вечеру добраться до Росарио, крупного порта, лежавшего на нашем пути.

Мы поднялись как раз вовремя: не успели мы встать, как через место нашего отдыха протопало большое стадо скота, подгоняемое пастухом, одетым в ярко-красную рубаху.

— Неужели он не боится щеголять в таком виде среди быков? — спросил я Вотура, хорошо знавшего обычаи Аргентины.

— Ему нечего бояться, — объяснил Вотур. — Аргентинские быки не приходят в ярость при виде красного цвета.

«Оказывается, аргентинские быки значительно более прогрессивны, чем многие государственные деятели Аргентины», подумал я.

Мы подвигались довольно быстро, и уже во второй половине дня нам оставалось не более трех километров до Росарио. Близость города была очень кстати, так как в первый раз за все время нашего путешествия небо покрылось тучами и собиралась гроза. Мы все же не успели добраться до города, и сильный ливень захватил нас в воткрытом поле. Положение было не из приятных.

Вдруг Гашет затянул веселую песню, Вотур немедленно подхватил, а вскоре и я, увлеченный их примером, стал подтягивать, ловя на лету незнакомый мотив.

С громкой песней вступили мы в город под проливным дождем. Из-за плохой погоды на улицах было мало народу, но все же чувствовалось, что в городе происходит что-то необычное. Все стены и заборы были оклеены плакатами; разукрашенные флагами автомобили мча-

лись по улицам, и с разных концов доносились через открытые окна крики «Вива!» и звуки музыки. Выборная кампания была в полном разгаре.

Вотур шагал немного впереди нас, не обращая никакого внимания на всю эту суету и, очевидно, направляясь к определенной цели. Наконец, он завел нас в какие-то крытые ворота и сказал, обращаясь ко мне:

— В этом доме помещается «Французское общество». Там дают убежище на одни сутки всем французам. Значит, на сегодня ты — француз. Ты родился в городе Нанси, в округе Мерт и Мозель. Понятно?

Промокшие насквозь, мы ввалились в приемную «Французского общества». Нас встретила почтенная пожилая дама.

Вотур и Гашет быстро ответили на обычные вопросы, и очередь была за мной. Получив точные инструкции от Вотура, я был совершенно спокоен.

— Как вас зовут? — спросила меня дама.

Этот простой вопрос привел меня в замешательство. Я заготовил ответ на любой случай, но я совершенно забыл приготовить какое-нибудь французское имя.

— Жозеф Рэкен, — выпалил я первое, что мне пришло на язык.

Этого оказалось достаточно, чтобы сойти за француза, но я заметил, что мои спутники с улыбкой переглянулись. Оказывается, сам того не подозревая, я дал себе довольно свирепое прозвище: «рэкен» значит по-французски «акула».

Кое-как обсушившись на кухне, мы поужинали и вскоре заснули крепким сном под гостеприимным кровом «Французского общества».

Незадолго до рассвета я проснулся от какого-то шума. Прислушавшись, я понял, что где-то идет перестрелка. Звуки приближались, и вскоре револьверные выстрелы загремели совсем близко.

В тревоге я растолкал Вотура.

— Чего ты мешаешь мне спать, — недовольно проворчал он. — Ты же знаешь, что в городе выборы!

В республиках Южной и Центральной Америки выборы протекают весьма бурно и нередко сопровождаются государственными переворотами, так называемыми «пронунциаменто». Слабые в военном и экономическом отношении, южноамериканские государства не могут вести своей самостоятельной политики и постоянно служат ареной столкновения интересов крупных империалистических держав, главным образом Англии, Германии и США. Все эти «революции» обычно и возникают в результате борьбы между сторонниками различных держав.

Ночная стрельба, которую я слышал в Росарио, оказалась мелким инцидентом, и на следующий день в городе было совершенно спокойно.

Утренним завтраком гостеприимство «Французского общества» исчерпывалось. Мы вышли на улицу. Дождь прошел, но в воздухе чувствовалась какая-то необычная для этого времени года прохлада. Со

стороны южных пампасов дул сильный ветер.

— Если к вечеру разыграется памперо... — сказал Вотур и многозначительно переглянулся с Гашетом.

Мне было несколько обидно, что мои спутники что-то от меня скрывают, но я сделал вид, что ничего не замечаю. В то же время меня приятно волновало сознание, что я участвую в каком-то таинственном приключении.

— Вот что, друзья, — сказал Вотур. — Прежде всего нам надо раздобыть несколько пезо. Пойдем на пристань. Пусть каждый постарается достать какую-нибудь работу, а вечером все встретимся на пустыре у таможни; я покажу вам по дороге это место.

Так мы и сделали. Когда к вечеру мы снова собрались на пустыре, в нашем распоряжении было несколько серебряных монет.

Мы расположились у полуразрушенной каменной ограды. Гашет, по обыкновению, отвязал от пояса свою дорожную фляжку и пустил ее в круговую. Эта фляжка не раз выручала его во время походов по африканским пустыням. Она была сделана из мягкой кожи, а в ее пробке было небольшое круглое отверстие. Стоило только надавить на бока фляжки — и струя воды била прямо в рот.

На этот раз, однако, вместо обычной тепловатой воды, отдающей запахом кожи, брызнула струя ароматного аргентинского вермута.

Я чувствовал, что приближается какой-то значительный момент, но я решил разыграть роль невезучитимого старого путешественника.

— Видишь ту песчаную отмель, — обратился ко мне Вотур, указывая вдаль, по направлению к реке. — Туда надо доставить наши вещи. Мы сложим их в один мешок, а ты отнесешь его туда часа через два, когда совсем стемнеет. Жди нас там, мы приедем за тобой на лодке.

Я небрежно кивнул головой и, спрыгнув вниз со стены, стал молча готовить мешок. Вотур и Гашет ушли по направлению к пристани.

Однако мое спокойствие было чисто напускным. Я прекрасно понимал, что этим кивком головы я дал согласие на участие в каком-то

сомнительном предприятии, а теперь уж отступать было поздно.

«Что они затевают? — с тревогой думал я. — Откуда они возьмут лодку?» По мере приближения ночи ветер все крепчал, но стена укрывала меня, и только резкий свист в телеграфных проводах над моей головой свидетельствовал о силе разгулявшегося памперо.

Небо было почти безоблачно, и звезды ярко сверкали. Только кое-где ключья туч быстро неслись по небу. Полная луна выглянула из-за черневшей вдаль линии домов. «Очень кстати, — подумал я: — она заменит мне часы».

Я знал, что за двадцать минут луна продвигается по небу на расстояние своего видимого диаметра.

Я решил выждать еще час, и, когда луна поднялась над домами на расстояние трех диаметров, я вскинул мешок на плечи и быстро зашагал по пустынной окраине города.

Миновав таможенную пристань и продвигаясь вдоль берега, я добрался, наконец, до песчаной косы, которую указал мне Вотур.

Место было совершенно открытое, и на серебрившемся в лунном свете песке резко выделялась тень человека с мешком на плече. Едва ли было благоразумно демонстрировать такие силуэты вблизи таможни.

Недалеке лежали заготовленные для какого-то строительства большие канализационные трубы. Я забрался в одну из них и сразу оказался хорошо укрытым и от лунного света, и от ветра. Прикорнувшись на своем мешке, я вскоре задремал.

Не знаю, долго ли я спал, но громкий лай собаки, гулким эхом отдававшийся в трубе, заставил меня встрепенуться. В круглой рамке трубы на фоне светлого неба вырисовалась лохматая фигура собаки и силуэты трех приближающихся мужчин. Собака, несомненно, заставит их заглянуть в трубу, а они не должны видеть моего мешка, иначе они примут меня за контрабандиста. Необходимо было их опередить.

Я быстро выскочил из трубы на встречу приближавшимся людям и с любезной улыбкой приветствовал их по-испански. Они ответили на мое приветствие, но тут же стали расспрашивать меня, кто я и что я здесь делаю.

В круглой рамке трубы вырисовалась лохматая фигура собаки и силуэты трех приближающихся мужчин.

Теперь уж мне приходилось разыгрывать свою роль до конца — иного выхода не было.

Вдали на реке мигали огоньки покачивающихся на якоре рыбацких шхун. Я наугад ткнул пальцем в направлении одной из них и на ломаном испанском языке стал разъяснять незнакомцам, что я должен вернуться на этот корабль и что за мной приедут товарищи на лодке. При этом я старался маневрировать таким образом, чтобы стоять лицом к реке, что, естественно, заставляло моих собеседников поворачиваться лицом ко мне и не давало им возможности видеть реку.

На мутных волнах взбудораженной реки мелькнуло белое пятно. Легко прыгая по волнам, прямо к песчаной косе неслась парусная лодка.

Как молодой кенгуру скрывается в сумку матери, быстро юркнул я в свою трубу и пулей выскочил с обратной стороны, прихватив с собой мешок. Не давая лодке пристать, я швырнул мешок на руки Вотуру и, шагая прямо по воде, прыгнул в лодку.

Ловким маневром Гашет перекинул шкот на другой галс, и лодка быстро понеслась от берега, оставив на отмели трех отчаянно размахивающих руками и что-то кричащих людей.

Ясное небо, излучающее потоки лунного света, скрадывало ощущение опасности. Берегов не было видно, и только изредка мимо нас проносились смутные очертания островов.

К рассвету ветер стал утихать. Я впервые получил возможность подробнее осмотреть наше суденышко. Это была хорошо и красиво сложенная лодка, с острым килем, по всей видимости — шлюпка какого-то парохода.

С наступлением дня ветер перешел в легкий бриз. Гашет стал держаться ближе к берегу, очевидно, что-то высматривая.

— Здесь! — сказал он, наконец, направляя шлюпку в небольшую глубокую бухту, хорошо укрытую густой порослью тальника.

Вотур вынул из гнезда мачту с парусом и выскочил на берег. Я подхватил наш промокший насквозь мешок и последовал за ним. Гашет прыгнул прямо в воду и, вцепившись в борт лодки, так накрепко ее, что она зачерпнула воды. Он продолжал тянуть книзу, лодка все больше наполнялась водой и, наконец, дрогнув в последний раз, тихо пошла ко дну. Только после этого Гашет выбрался на берег и вместе с нами стал собирать сухие ветви для костра.

Попрежнему я сохранял невозмутимый вид, но мое недоумение все больше возрастало: «К чему все это? Что за странные люди?»

Казалось, что все пережитое этой ночью привиделось только во сне. Не было больше ни свистящего ветра, ни пенистых волн, ни накрепнейшей лодки, несущейся по озаренной луною реке. Попрежнему три бездомных путника сидели у костра и думали о том, как утолить голод.

За гребнем холма выжидающе протянулась дорога.

(Окончание следует)

Рассказ 1

В густых вечерних сумерках Петрусь осторожно спустился с крутого берега к Днепру. Спокойная черная вода казалась неподвижной.

Петрусь внимательно огляделся кругом, чутко прислушался. Спала Каховка, окутанная мраком душевной августовской ночи, спал и далекий Береслав на том берегу.

Днем была сильная артиллерийская перестрелка, эхо которой еще звучало в ушах мальчика, а сейчас черные плавни широкого Днепра таили напряженную прифронтную тишину.

Мальчик быстро разделся, спрятал штаны и рубашку между двух больших камней и беззвучно нырнул в воду. Он плавал, как рыба, легко и проворно, почти не производя плеска.

До большого острова, разделявшего Днепр на два рукава, он доплыл в несколько минут. Ухватившись за торчавшие из воды ветви лозняка, Петрусь немного отдохнул на воде, потом начал оплывать по течению длинный остров. Проще было бы пересечь остров пешком до следующего рукава, но Петрусь побоялся натолкнуться на часового белых, который мог скрываться где-либо в кустах.

Обогнув остров, Петрусь выплыл на середину реки. Сильные невидимые руки течения подхватили его легкое тело и понесли куда-то во мрак. Петрусь не сопротивлялся: течение давало возможность не тратя сил, быстрее приблизиться к цели. Так он плыл вниз по реке минут пятнадцать или больше, слабо шевеля руками и ногами, чтобы только держаться на поверхности.

Но вот река плавно, почти незаметно повернула к югу. Острые глаза мальчика разглядели во мраке противоположный берег. Он круто поднимался над рекой, и на вершине его неясно виднелись распо-

ложенные длинной цепочкой маленькие белые домики. Это Береслав.

Руки мальчика вытянулись, напряглись и, как плавники, понесли его наперерез течению. Усеянное мелкими камнями, дно слегка оцарапало ему колени. Петрусь встал и пошел к берегу.

Но не успел он еще выйти из воды, как его негромко окликнули: — Кто идет?

— Петрусь, Петрусь з Каховки... — отозвался мальчик.

Он вышел из воды и белый, хрупкий, почти прозрачный, очутился рядом с коренастой фигурой часового.

— Ну что, принес? — спросил часовой.

— Приніс, — ответил мальчик и показал на кожаный махорочный кисет, привязанный веревочкой около бедра.

— Хорошо. На вот оденься и ступай в штаб. Товарищ Андреев давно тебя поджидает; — ласково сказал часовой, протягивая мальчику заранее приготовленные штаны и рубашку.

Давно знакомой дорогой Петрусь направляется в штаб. Вот и белая хатка над обрывом. Сквозь плотно занавешенные шинелями окна едва брезжит огонек.

— Петрусь, дружище, здорово! — кричит ему кто-то из глубины хаты, когда мальчик появляется на пороге.

Петрусь щурится от желтого света керосиновой лампы и, радостно улыбаясь, подходит к плечистому краснощекому человеку в военном френче и темносиних кавалерийских штанах.

— Здравствуй, товарищ Андреев, — говорит Петрусь, протягивая ему свою маленькую влажную руку.

— Все в порядке? — спрашивает Андреев.

Петрусь утвердительно кивает головой.

¹ В основу печатаемого рассказа положен один из эпизодов борьбы против Врангеля.

— А ну, давай-ка, давай-ка сюда... Сейчас мы посмотрим, прикинем, подумаем, чем нам угостить завтра господ врангелевцев, — говорит довольным тоном Андреев и бережно расправляет клочок бумаги, вынутый мальчиком из кيسета.

Несколько минут он молча изучает нехитрый план, набросанный неуверенной детской рукой на листе ученической тетради.

— Тэк-с... Это, значит, базарная площадь. Тут у них главные интендантские склады... Хорошо, — бормочет Андреев. — Это — церковная колокольня — крестиком у тебя здесь помечена и рядом две рогульки. — Пулеметы... А вот тут я что-то не разберусь... Вроде две птицы какие-то за колокольней правее?..

— Аэропланы, — поясняет Петрусь.

— Ага, понимаю, значит, ангар! Прекрасно. А где же у них автобазы, танки?..

— Ще не успів розвідати, товарищ Андреев, — смущенно отвечает мальчик. — Трошки обождіть, я, может, завтра узнаю...

— Это для нас очень важно, Петрусь, — говорит Андреев. — За сегодняшнее донесение тебе, конечно, большое спасибо, но о танках и автобазе узнай обязательно.

— Добре, товарищ Андреев, узнаю, — твердо отвечает мальчик.

Андреев с довольной улыбкой смотрит на широкоскулое рябоватое лицо мальчика с густыми черными бровями и лихо вздернутым носом и неожиданно строго, наставительно говорит:

— Я, конечно, не сомневаюсь, что ты все узнаешь. Но мне кажется, что ты не соблюдаешь достаточной осторожности. Смотри! Плох тот командир, который зря лезет на рожон и погибает. Ни себе пользы, ни людям. Понял?.. А ты ведь, кажется, хотел бы быть хорошим командиром?..

— Хотел... — чуть краснея от удовольствия, отвечает мальчик, и большие карие глаза его загораются.

— Ну вот то-то. Значит, помни мой совет, как старшего товарища, — осторожность прежде всего... Однако уже второй час, тебе пора, — спохватывается вдруг Андреев, взглянув на часы. — Поешь, брат, и айда на тот берег.

Андреев достает из-под стола свою вещевую сумку, торопливо развязывает ее и вынимает ломоть свежего хлеба, кусок сала и три куска сахара.

— Чай, извини, брат, холодный... Но ведь вы, ребята, народ известный — больше любите сахар, нежели чай. Так что, думаю, неважно.

Петрусь с удовольствием принимается уписывать за обе щеки хлеб с салом. Сахар он заботливо прячет в кисет.

— Я його Оксанці отдам, сестрі, — поясняет он. — Вона ще маленька і дуже сахар любить.

— А сигарки у тебе єсть? — неожиданно спрашивает он деловито-озабоченным тоном.

Андреев удивленно смотрит на него.

— Ты это что, курить начал?

— Не, я у батька тайком кисета взяв, — він і не знає. А теперь ему і тютюн не буде в чем носить...

— А, так ты хочешь некоторым образом компенсировать ему потерю. Похвально, похвально! — смеется Андреев.

Он достает из сумки полную пачку папирос, раскрывает ее и, взяв для себя три-четыре штуки, отдает остальное Петрусь.

— Только смотри, не подмочи. Завяжи кисет-то хорошенько.

Петрусь бережно кладет папиросы в кисет и туго перевязывает его веревочкой.

...Петрусь выплыл на середину реки.

— Не подмочу... Він у мене салом мазаний... Ну, я пішов... Спасибі... Прощай. — Он снова подает Андрееву свою маленькую руку и, шлепя босыми ногами, скрывается за дверь в темноте.

Чуть светало, когда Петрусь благополучно переправившись через Днепр и прячась между прибрежными камнями, добрался до дому. Он незаметно проскользнул через пустой двор на сеновал.

Эти ночные вылазки повторялись уже не раз. Почти ежедневно он собирал по заданию Андреева нужные сведения о расположении врангелевских частей в Каховке и вечером доставлял их в штаб красных — в Береслав.

Знакомство с Андреевым завязалось случайно, и, пожалуй, главной причиной этого была вражда с Данькой — сыном директора местной школы, в которой петруськин отец служил сторожем.

Данька приехал из Екатеринослава. Там он учился в гимназии. Отец поспешил выписать его, как только стало ясно, что Екатеринослав будет занят красными войсками.

С Петрусем Данька сначала сдружился, но эта дружба продолжалась

недолго. На правах барчука Данька начал командовать своим новым другом — то подай ему что-нибудь, то принеси, то сбегай. Петрусь сначала терпел: ведь что ни говори, а все-таки сын начальника. Но потом ему это надоело, и он твердо решил не подчиняться. Тогда Данька с угрозой сказал ему:

— Ты у меня смотри, дурья башка, оборвыши!.. С кем имеешь дело?.. Ну?.. Хочешь, пожалуюсь отцу — он тебе покажет, где раки зимуют!..

Петрусь покраснел, налился злостью.

— А я твоего батька не боюсь, — задорно ответил он.

— Не боишься?.. Посмотрим... Вот как мой отец возьмет да и выкинет твоего отца из школы... Что тогда?.. А? С голоду сохнете, — злорадно засмеялся Данька.

Петрусь почувствовал еще большую обиду и теперь уже не столько за себя, сколько за отца. Захотелось сказать Даньке что-нибудь едкое, уничтожающее.

— Твій батько куркуль... Як прийдуть красні у Каховку, вони його самого з школи выкинуть, — выпалил вдруг он.

— Ага, ты вот как!.. Хорошо же...

На другой день директор школы вызвал петруськиного отца к себе в кабинет и сухо сказал:

— Ищите, господин сторож, себе новую службу. Да, кстати, на досуге обратите внимание на своего сына, а то, не ровен час, не нажить бы вам с ним беды...

С тех пор Петрусь с Данькой враги.

— Ну, обождіть трошки, — грозился про себя Петрусь. — Не все время будут біляки. Прийдуть знов більшовики. Ось тоді узнаете!

Однажды в воскресенье белые устроили в городском саду гулянье с музыкой, танцами, фейерверком. И вдруг в самый разгар веселья с береславского берега открылась такая пальба, что все офицеры тотчас же бросали своих дам и укрылись в винных подвалах.

— Це еще добре для них зробилось, бо красні не знали, куди точно бить, — заметил по этому поводу петруськин отец. — Жалко, що краснім не можна оглядати всі головні пункти біліх, та по нім шпарить без промаху.

Петрусь долго думал об этих словах отца.

«А що як я...» — мелькнула у него однажды мысль.

И не успев еще как следует представить себе, что из всего этого может получиться, он взял карандаш, старую тетрадку, в которой еще сохранились чистые листы, и ушел на весь день из дому.

Вернувшись Петрусь перед вечером довольный и веселый. В тетрадке неумело, но тщательно был сделан набросок, показывающий, где и в каком приблизительно количестве расквартированы врангелевские

части, в каких местах у них установлены пушки и пулеметы.

Взяв украдкой от отца кожаный махорочный кисет, Петрусь спрятав в него свои заметки и ночью, когда все легли спать, совершил свою первую переправу на тот берег, к красным.

Командир полка Андреев, к которому часовые привели задержанного в эту ночь на берегу голого мальчика, допросил его и сразу же почувствовал, что мальчик говорит искренно. Андреев поблагодарил Петрусю за доставленные сведения, как взрослого, крепко пожал ему руку, и этот жест был лучшей наградой для маленького разведчика.

— Завтра я знов приплыву до тебе, — пообещал он своему новому другу — красному командиру. — Хоч, я кожу нїч буду доплывать до тебе і все, що я бачив, буду тобі розказувати?..

— Это рискованно, Петрусь. Едрук ты попадешся, что тогда? — предупредил его Андреев, ласково и вместе с тем пытливо глядя в широкое, открытое лицо мальчика.

— Ну й що ж, я не боюсь...

— Ну, смотри. Я тебя не понуждаю.

Петрусь с минуту молчал, хмуря черные брови, на которых еще не обсохли днепровские капельки, и нежданно с ненавистью выдал:

— Я їх не люблю: Даньку, його батька, всіх бляків... Вони... вони сволочи — от хто вони... Коли я вырасту і буду таким командиром, як ти, я їх ще більше бить буду...

Андреев одобрительно кивнул головой.

— Это хорошо, крепко сказано! Молодец! Ну уж, коли так, давай условимся, что как только ты заметишь у белых какие либо изменения, — ну, скажем, войска ли новые придут, или они установят где-нибудь новые орудия, — ты сейчас же нам сообщишь. Идет? Ну вот и отлично!

С этого момента белые вынуждены были чуть ли не ежедневно менять месторасположение своих батарей, перегруппировывать и перебрасывать части с одного места на другое. Стоило только белым сконцентрировать где-либо войска или установить новые огневые точки, как они тотчас же подвергались меткому обстрелу красной артиллерии.

Уже начали ходить слухи о том, что большевикам удалось установить в Каховке нового вида беспроволочный телеграф, по которому они передают нужные сведения красным в Береслав. Белогвардейцы не на шутку забеспокоились. Десятки местных жителей были арестованы по подозрению в пособничестве красным.

Петрусь втайне гордился своей работой. «Теперь ми побачимо, кого кого раніш выкине», думал он, вспоминая свою ссору с Данькой.

Несколько раз Петрусь встречал своего врага на улице. Оба прох-

дили, отвернувшись, словно они никогда не были знакомы.

Но — странное дело — Петрусь начал замечать с некоторых пор, что Данька ходит за ним неотступно, как тень. Стоило Петрусю пойти на реку, как Данька показывался откуда-нибудь из-за камней. Шел ли Петрусь за город, в степь, на пристань или на кладбище, где, как он предполагал, находились тяжелые гаубицы белых, Данька везде высывал свой нос.

Вот и сегодня, едва Петрусь вышел из дому, как Данька тотчас же появился из-за ближайшего угла.

Петрусь напустил на себя нарочито скучающий вид и, заложив за спину руки, слегка пошвыстывая, побрел тихонько к базарной площади. Дорогой он то и дело останавливался, подбирал мелкие камешки и ловко бросал ими в воробьев. Иногда он нарочно неожиданно сворачивал куда-либо в переулок и так же неожиданно выбегал оттуда. И всякий раз данькина серая тулупка и гимназическая фуражка мелькали где-нибудь вблизи.

«От, чорт, пристав, — подумал с досадой Петрусь. — Як бы од нього схватиться?..»

Вся надежда была на рынок. Сегодня базарный день, значит, народу будет много. Петрусь решил затеряться как-нибудь в толпе, потом задворками пробраться до окраинных домов, а там уж по глубокой балке — в степь.

У Петрусю сегодня было очень сложное задание: Андреев поручил ему снять на план врагелевские окопы, расположенные за Каховкой. Если он не обманет Даньку, то ему не удастся выполнить это поручение...

Вот и рынок...

Петрусь быстро нырнул за одну из арб, постоял немного, потом перебежал к другой, третьей. Оглянулся — Даньки нет. Петрусь, словно поплавок, занырял между снующими покупателями, лотками, телегами и скоро был уже далеко от базарной площади, где бестолково метался в толпе потерявший его Данька.

Обратно Петрусь возвращался довольный. Съемка удалась на славу. Драгоценная тетрадка, куда он записывал все свои заметки, храни-

— Аэропланы, — поясняет Петрусь,

лась сейчас на живом под рубашкой, крепко стянутой у пояса ремнем. Петрусь с удовольствием думал о том, как его сегодня вечером будет хвалить Андреев.

Вдруг, когда он подходил уже к самому дому, из переулка бомбой налетел на него какой-то серый комок и сшиб с ног. Петрусь упал посреди дороги в мягкую пыль. Но привыкший ко всяким неожиданностям, всегда настороженный, он сейчас же вскочил на ноги. В двух шагах от него, нагнув голову, как молодой бык, пригрозившийся бодать, стоял Данька.

— Ты що, паньська морда! — крикнул взбешенный Петрусь, грозно наступая на него.

Данька увернулся от петруськиного кулака и, наскочив на него сбоку, изо всей силы дернул его за пояс. Старенький ремень не выдержал, лопнул, и тетрадка выскочила из под рубашки, упала на дорогу... Данька быстро нагнулся, схватил ее и бросился бежать.

Петрусь погнался за ним. Данька на ходу раскрыл тетрадку, стараясь прочесть, что в ней написано, но он ничего не успел разобрать. Видя, что Петрусь вот-вот его нагнит, он далеко отшвырнул тетрадь в сторону.

Петрусь поднял тетрадку, стяхнул с нее пыль и направился к дому. Хотя ему и не удалось как следует отлупить Даньку, но свое превосходство над ним он сразу почувствовал и был этим удовлетворен.

В вечерних сумерках, как обычно, Петрусь подошел к Днепру, разделся, спрятал белье в камнях и поплыл.

Еще не успела сойти рябь с темного зеркала Днепра, как из-за камней появился Данька. Он постоял немного на берегу, прислушиваясь к слабому, едва уловимому плеску воды, и затем быстро, спотыкаясь, побежал в гору...

Близился рассвет. Сизый туман клубился над спокойной темной ширью Днепра. Петрусь вышел из воды и, стяхивая с себя холодные капли, торопливо направился к тому месту, где было спрятано его белье. Но едва он протянул к нему руки, как из-за камней вынырнули какие-то тени; они моментально окружили его, крепко схватили за руки.

Петрусь оглянулся вокруг. Бледные суровые лица проступали из тьмы. Это были солдаты. Из-за плеча одного из них показалось злобно улыбающееся лицо Даньки.

— Что, доплывался? Я за тобой давно следил, — кинул он торжествующе.

Петрусь молчал. Оправдываться было бесполезно. Да и что он мог сказать — что он вовсе не плывал на тот берег, а просто купался среди ночи в Днепре?.. Ему все равно бы не поверили.

— Ну, одевайся! — приказал ему офицер.

Петрусь не спеша натянул на влажное холодное тело штаны и рубашку и вопросительно посмотрел на солдат.

— Вперед! — скомандовал офицер.

Петрусь покорно пошел, окруженный конвоем.

Штаб контрразведки, куда привели Петрусю, помещался в доме купца Дерюгина, недалеко от школы. В большом богато убранном зале стоял коричневый дубовый стол, накрытый зеленым сукном. У стола аккуратно в ряд были расставлены такие же коричневые высокие кресла. Со стен на Петрусю строго глядели портреты каких-то важных людей.

В зале никого не было, кроме пожилого, с бледным нервным лицом офицера. Он сидел в кресле за столом, облокотясь на него рукой, подпирившей большую с проседью голову. Зеленоватый с золотыми погонами френч был растегнут, и из-под него виднелась шелковая в полоску рубашка и блестящие пряжки коричневых помочей.

Он медленно повернул голову, когда Петрусю ввели в зал, и несколько минут удивленно глядел на мальчика, потом сделал едва заметный знак конвоирам. Те сейчас же вышли, плотно прикрыв за собой двери.

— Подойди ко мне, мальчик. — сказал офицер тихим, усталым голосом.

Петрусю шагнул раз-другой по гладкому, скользкому паркету.

— Ближе, ближе, — позвал его опять офицер.

Он вынул из бокового кармана коробку дорогих папирос, закурил и протянул папиросы мальчику.

— Куришь?

Петрусю помотал головой.

— Странно. В твои годы и при той работе, какую тебе приходится выполнять, ребята обычно курят. Но это, конечно, дело вкуса... Может быть, ты любишь это?..

Офицер достал из кармана плитку шоколада, завернутую в прозрачную бумагу, и предложил Петрусю.

Но мальчик опять покачал головой: нет.

— Что же ты в таком случае любишь? — удивленно поднял офицер седые брови. — Вероятно, ты увлекаешься оружием? Охотничьи ружья, пистолеты... Я знаю, этим увлекаются многие ребята.

Офицер лениво поднялся с кресла и, сильно прихрамывая, направился к большому резному шкафу. Петрусю заметил, что левая нога у офицера была прямая, как палка, и не сгибалась. Когда он шел, она неприятно поскрипывала и громко стучала по паркету.

Открыв шкаф, офицер повернулся к Петрусю и с таинственным видом кивнул ему головой.

— Я могу подарить тебе эту двухстволку. Прекрасное льежское ружье центрального боя... Впрочем, ты, вероятно, в системах еще не разбираешься. Скажу проще — бой превосходный на двести пятьдесят шагов. Можно ходить на зайцев...

Глаза Петрусю на мгновение засветились. Он долго с любопытством разглядывал красивое ружье с ореховым нарезным ложем. Вороненные стволы тускло сверкали. Они были до того гладко отшлифованы,

что Петрусю хотелось до них дотронуться.

Офицер заметил оживление мальчика и довольно улыбнулся.

— Ну, так это будет твое ружье. Ери.

Но мальчик вдруг быстро отвернулся, словно желая избавиться от соблазна. И глухо проговорил:

— Не треба, я не хочу. Отпустить мене.

— Вот ты какой!.. Куда же ты хочешь пойти?

Петрусю упрямо молчал, потупя глаза.

— Ты хочешь опять на тот берег, откуда ты только что приплыл?..

— Да.

— А против кого ты будешь воевать?

Петрусю неожиданно вскинул голову и, прямо глядя в глаза офицеру, сказал:

— Против панича Даньки, його батька, против всіх вас...

В эту ночь полк Андреева получил приказ переправиться с остальными частями через Днепр и занять Каховку.

К форсированию Днепра все было готово. На берегу несколько дней перед этим кипела работа: саперы подвозили лодки, понтоны, бревна, доски, канаты. Все это складывалось в глубоких балках ниже Береслава.

В широких плавнях за рекой сидели дзоры врангелевцев. Заметив малейшее подозрительное движение на правом берегу, они тотчас же открывали огонь из пулеметов. Красные саперы, укрывшись в прибрежных зарослях и оврагах, смолчали, конопатили лодки, пилили бревна для плотов, связывали их канатами.

И когда все было готово, красные полки под прикрытием темной августовской ночи подошли к Днепру.

Авангардный десант бесшумно погрузился в широкие лодки и отчалил от берега. Скоро он скрылся в темноте.

Вдруг несколько ружейных выстрелов разорвали напряженную тишину. В следующую минуту сонная ширь Днепра огласилась сотнями залпов и криками «ура». Полки достигли берега и пошли в наступление.

Саперы немедленно принялись за наводку моста, чтобы дать возможность оставшимся на правом берегу резервам притти на помощь авангарду. В черных плавнях за Днепром беспрестанно вспыхивали искры, и пули с визгом пронеслись над головами саперов. Вме-

нами то там, то здесь раздавались короткие стоны и шумные всплески воды. Убитых заменили живые, и работа ни на минуту не прекращалась.

Когда над порозовевшим Днепром встали седые туманы, перемешанные с сизым пороховым дымом, мост был готов. Бесконечной вереницей по нему спешно двинулись полки.

К полудню Каховка была взята. Штаб полка, которым командовал Андреев, расположился в купеческом особняке. В большом светлом зале с дубовым коричневым столом и аккуратно расставленными вдоль него высокими креслами кипела работа. Телефонисты, расставив на зеленом сукне стола свои аппараты и разложив провода, занимались налаживанием связи, а писаря и ординарцы — разбивкой походной канцелярии.

Андреев быстрыми шагами ходил по комнате, отдавая распоряжения, где что следует разместить. Неожиданно взгляд его упал на кожаный махорочный кисет, валявшийся на подоконнике. Он машинально взял его, раскрутил веревочку и заглянул внутрь. Кисет был пуст, и Андреев с досадой швырнул его опять на подоконник.

— Товариш командир, а товариш командир — окликнул его кто-то.

Андреев обернулся. В дверях стоял запыхавшийся ординарец Савчук.

Всегда живое, ухарски развеселое лицо Савчука выражало глубокое страдание. Кончики длинных щегольских усов как-то странно подергивались.

— Ты что — уж не ранен ли?.. — участливо спросил у него Андреев.

— Ні, товариш командир... Хлопчик там у підвалі лежить... Як я його побачив, аж серце захолонуло... — еле слышно пробормотал Савчук.

— Какой хлопчик?.. Что ты говоришь?.. — закричал Андреев, и взгляд его невольно опять упал на кисет, показавшийся ему вдруг знакомым...

С минуту Андреев стоял, как в столбняке, потом, очнувшись, он стремительно выбежал в коридор.

Крутая винтовая лестница молчаливо указала ему дорогу в подвал. Андреев сбегал по ней вниз...

Глаза после яркого дневного света не вдруг освоились с полутьмой подвала. У своих ног, на последней ступеньке, Андреев разглядел какую-то темную массу. Он нагнулся.

Труп мальчика с пятнами крови на широком курносом и рябоватом лице лежал на холодных ступеньках железной лестницы.

Из-под пыли веков

Б. В. КАЗАНСКИЙ

Английский писатель Герберт Уэллс написал когда-то занимательный роман «Машина времени».

Герой романа изобрел фантастическую машину, на которой можно переноситься в будущее и путешествовать в грядущих веках. Уэллс старался вообразить себе, какой будет жизнь на земле через много столетий. Книга получилась очень интересная, хотя и неправдоподобная.

А разве менее интересно было бы отправиться на «машине времени» в прошлое?

Как волнующе и поучительно было бы побывать в Киеве и Новгороде времен Владимира и Александра Невского, в кочевье древних скифов, поехать по древней Греции, посетить гомеровскую Трою, Вавилон, осмотреть дворец египетского фараона, мастерские и рудники древнего Египта, заглянуть в пещеру первобытного человека.

Проследить прошлое на тысячу, три, десять тысяч лет назад — как далеко оно уходит? Потрогать стены, вещи, которые служили людям в те далекие времена. Увидеть, как зарождалась, развивалась и распространялась культура человечества, техника, искусство, общественный быт...

«Машину времени», конечно, никто не построил и не построит никогда. Но, если у вас есть воображение и любознательность, вы все-таки можете совершить «путешествие в прошлое».

Вашей «машинной времени» будет история и ее верная помощница — археология¹.

КАК ИСЧЕЗАЮТ И КАК СОХРАНЯЮТСЯ СЛЕДЫ ПРОШЛОГО

Много ли вещей вокруг нас не считывает двадцать лет существования? Оглянитесь, подсчитайте — и окажется, что совсем мало. А вещей столетнего «возраста» в вашей комнате может и вовсе не оказаться. Что же говорить о предметах, которым пятьсот, тысяча, три тысячи лет? Только в музеях можно увидеть такие древности, только в немногих старейших городах мира сохранились здания, насчитывающие несколько столетий.

И все-таки оказывается, что вещи не так-то легко уничтожаются временем. Конечно, многие предметы обихода наших предков сгорели, истлели, стгнили, рассыпались в пыль. Еще больше предметов старины пошло в переделку и превратилось в новые вещи. Ваша медная кастрюля, может быть, переплавлена из какого-нибудь старинного светильника.

Но очень многие вещи просто были выброшены, как ненужные, и именно поэтому продолжают существовать.

Вы выкинули разбитую тарелку, прогоревшую сковородку, сломавшийся нож. Ветер заметает их пылью, дождь топит в грязи, еще слои мусора накапливаются над ними — и вот эти брошенные вещи оказываются погребенными под слоем земли. Некоторые из них проржавеют, растворятся, истлеют. Но не все.

И вот пройдут годы, века. Другие сковородки этого образца пойдут в утиль, прочие ножи этой серии будут давно источены до ручки. Но вещи, выброшенные вами, могут сохраниться. И будущий археолог, найдя их, скажет: по ряду несомненных признаков я утверждаю, что этот старинный нож был сделан подмосковными кустарями в тридцатых годах двадцатого века.

Лет тридцать тому назад в одном из городков нашей черноземной полосы решили замостить рыночную площадь. Случайно, роя канаву, обнаружили на глубине полутора булыжную кладку. Все заинтересовались: что бы это могло быть? Стали рыть дальше. Оказалось — булыжная мостовая по всей площади.

Весь город был в изумлении. Наконец, старики припомнили, что в самом деле когда они были еще детьми, площадь была как будто мощеной. Документы в городском архиве это подтвердили. Действительно, площадь была вымощена лет за шестьдесят до этого. Но так как ее никогда не убирали, она быстро покрылась грязью и мусором — на полметра! — и самая память о мостовой исчезла.

Уровень нынешнего Лондона находится на восемь-девять метров выше, чем он был в римскую эпоху, то есть он повышался примерно на полметра в столетие. Рим в некоторых местах поднялся за две с половиной тысячи лет своего существования на двенадцать-тринадцать метров.

Солидная «пыль веков»!

Когда в Москве строили метро, в каждой шахте вместе с проходчиками работали археологи. И какое множество интереснейших находок было сделано в этих шахтах глубоко под фундаментами домов: на пять-шесть метров ниже поверхности асфальтированных московских улиц!

Вообразите: если бы большой город в течение двадцати пяти столетий пользовался одной грандиозной мусорной ямой, собралась бы гора мусора объемом тысяч в двенадцать кубометров. Это целый музей! Здесь нашлось бы немало старинной посуды, утвари, орудий и всяких других изделий. Правда, посуда битая, но это не беда: ее отлично можно склеить; железные

вещи проржавели, а бронзовые и медные покрылись зеленой, но их удастся очистить. Зато ведь это вещи огромной давности, по которым можно судить о быте и технике давно минувших эпох. Нередко здесь находились бы и каменные плиты с надписями и художественные вещи — вазы, фигурки, статуи, барельефы, — разбитые и порченые, но все же драгоценные для нас, как памятники древней письменности и искусства.

Конечно, в действительности таких помоек не бывает. Но каждый старинный город стоит на почве, состоящей из многовековых наслоений, главным образом строительного мусора. После того как персы разгромили город Афины (в начале V века до нашей эры), разбитыми скульптурами и другим мраморным ломом просто выровняли площадь афинского Акрополя¹. В прошлом столетии археологи извлекали отсюда множество прекрасных произведений.

Так же неуважительно относились в старину и к рукописям. В VII веке арабский халиф Омар завоевал Египет и велел сжечь знаменитую александрийскую библиотеку², в которой насчитывалось несколько сот тысяч рукописей. Он объявил, что коран содержит все, что нужно знать правоверному. Это была огромная потеря для науки, и она невозвратима. Но многие древние рукописи сохранились — опять-таки в очень своеобразных «архивах». В Египте обнаруживают горы мусора, вышиной до семидесяти метров, в которых сохранилось множество документов на папирусе, неоценимых для изучения египетского хозяйства, быта и культуры. Много ценных папирусов пошло на обертку мумий.

С победой христианства, когда языческие боги были объявлены бесами, множество статуй, алтарей, храмов было заброшено, а то и просто разрушено. А часто бывало еще хуже — мраморные скульптуры пережигали на строительную известь, а здания растаскивали на новые постройки. И все-таки очень много драгоценных вещей уцелело. Статуи, колонны, целые храмы оседали, обрушивались, накапливался мусор, нарастал слой так называемой «культурной земли», и в ней древние сооружения сохранялись в обломках, которые можно собрать и восстановить. Например, чудесная статуя бога Гермеса работы греческого ваятеля Праксителя найдена была в земле на том самом месте, где она стояла в древности.

Хорошо сохраняются зарытые в землю кладки. Большинство старинных монет и много драгоценных вещей было найдено в кладках. Но еще важнее для археолога древние могилы.

В древности верили, что человек как-то продолжает жить и после смерти. Поэтому старались снаб-

¹ Акрополь — по-гречески кремль, городская крепость.

² Александрия, основанная Александром Македонским в IV веке до нашей эры, долго была главным городом Египта и одним из важнейших культурных и экономических центров древности.

¹ Греческое слово «археология» означает «наука о древностях».

дить умершего, всем необходимым и обставить могилу как можно лучше. Его одевали в лучшее платье, с ним клали знаки его власти и доблести — ожерелья из раковин, бронзовые браслеты, золотые обручи, оружие. Женщине клали украшения, зеркало, духи и румяна, ребенку — игрушки. В могилу ставилась посуда с водой, вином, маслом, едой. Иногда с умершим погребали его жену, слуг и коня.

Лет двенадцать тому назад на Алтае открыта была гробница древнего витязя. В преддверии гробницы лежали десять скелетов лошадей в расшитой сбруе с золотыми украшениями.

Замечательные скифские золотые и серебряные вещи, гордость ленинградского Эрмитажа, найдены почти все в могилах-курганах.

Гробницы египетских фараонов и вавилонских царей представляют собой огромные сооружения. Знатные покойники в Египте занимали целые дома в десять-пятнадцать комнат со всей обстановкой. Понятно, какую богатую добычу находят здесь археологи.

Помимо этого, в гробницах находят нередко надписи и фрески, очень ценные в историческом и художественном отношении. В Египте такие надписи иногда содержат подробную биографию умершего.

ВОСКРЕШЕННЫЕ ГОРОДА

Не только отдельные вещи и сооружения — целые города могут исчезнуть с лица земли, но сохраниться для археологии.

Часто люди покидали город, устранившие стихийным бедствием, эпидемией, угрозой нападения. Еще чаще бывало, что город терял свое торговое или государственное значение, начинал хиреть, пустел и постепенно превращался в груды развалин, в дикий пустырь. Эти древние развалины, не нужные никому, погребенные под мусором собственного разрушения, превращались в отлогие холмы, зарастали травой и кустарником и исчезали даже из памяти людей. Никем не тревожимые, покоились города в земле в течение тысячелетий, чтобы потом, на радость археологам, возникнуть из праха.

Великие города древнего Востока, столицы могущественных держав — Вавилон, Ниневия, Тир и Сидон, Фивы и Мемфис и многие другие города Месопотамии, Египта, Сирии, Ирана, Индии, Греции и Италии были заброшены таким образом. Векские пески засыпали древние города Средней Азии, тропический лес покрыл величественные развалины городов Центральной Америки.

Города Геркуланум и Помпея в Италии были 24 августа 79 года нашей эры засыпаны пеплом во время извержения вулкана Везувия. Они были похоронены живо — на полном ходу жизни — и как бы законсервированы в плотно осевшем шестиметровом слое пепла. Большинство жителей успело бежать. Но во многих домах сохранилось все, как было в тот день: на мраморном столе — начатый обед, на кресле — развернутый свиток рукописи, в детской — игрушки, в кухне — невымытая посуда. Деревяно обуглилась кожа и ткани истлели в горячем пепле. Но красочная роспись стен, мозаика полов, утварь, металлические вещи, скульптура сохранились вполне.

Это не просто богатые музеи. Это подлинные древние города. Вы можете поехать туда, как едете в Ленинград, но вы проезжаете не только несколько десятков или сотен километров, но и 1862 года. Вы ступаете по тем самым плитам, входите в тот самый дом, садитесь на ту же мраморную скамью, любуетесь теми же фресками, как если бы вы приехали в гости к Цицерону или Плинию. И тот же Везувий дымится за окном, как и тогда. Это — реальное посещение прошлого, точно в настоящей «машине времени».

Помпея была первым городом, открытым археологами (почти двести лет тому назад). За последние сто лет копали почти во всех странах, где процветала когда-то античная культура, — и в Европе, и в Малой Азии, и в Африке.

Но лишь немногие из античных городов необитаемы. Большинство стоит на прежних местах. Археологи, пожалуй, и готовы бы перенести на другое место современные Афины, Рим, Коринф, Марсель, Алек-

сандрию и так далее, чтобы раскопать начисто древние слои.

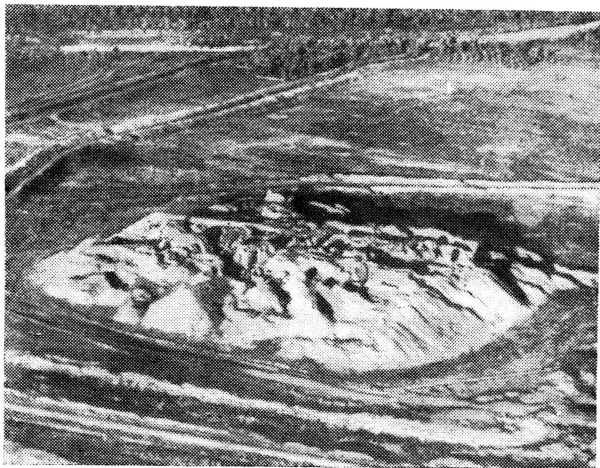
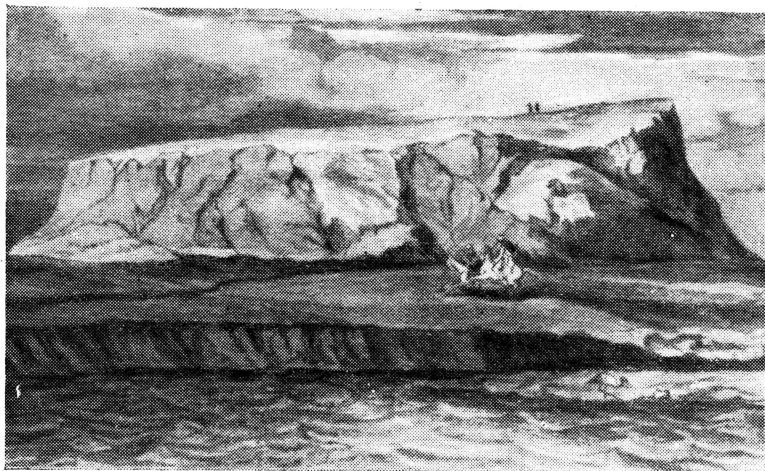
Да это невозможно. Приходится ждать случая и копать то там, то сям, пользуясь перестройкой домов.

Среди воскрешенных археологами городов один из важнейших — Сальвия, древнегреческий город, основанный в VII веке до нашей эры в устье Буга и существовавший почти тысячу лет. Его развалины дали науке богатейший материал по истории греческих колоний на юге СССР.

В общем, благодаря археологии, мы знаем историю, культуру, искусство и быт античной эпохи, пожалуй, не хуже, чем Московскую Русь.

Но этого мало. Археология открыла нам целые эпохи, о которых мы до того не знали почти ничего, о которых мы даже и не подозревали вовсе. Сто пятьдесят лет тому назад о Древнем Востоке мы знали только из библейских сказаний. А теперь мы располагаем огромной библиотекой древнеегипетской литературы и древнеегипетских документов, множеством надписей, фресок и статуй и всевозможной утвари. Раскопав знаменитые столицы древневосточных держав — Вавилон, Ниневию, Ур, Сузы и многие другие, археологи нашли десятки тысяч надписей, целые архивы и библиотеки клинописных табличек. Мы знаем теперь своды законов, мифы, гимны, поэмы, исторические и деловые документы четырехтысячелетней давности. История Ближнего Востока и Египта стала известна нам на пять тысяч лет назад. Новые эпохи, новые миры открылись перед нами. История, культура, искусство, языки давно вымерших народов, судьбы давно исчезнувших государств, о самом существовании которых мы раньше не имели понятия, входят теперь в круг наших знаний.

Необычайно интересно открытие древнейшей культуры Европы. Семьдесят лет тому назад история Греции начиналась для нас только с VII века до нашей эры. О том, что было до этого, мы не знали ровно ничего. Мы представляли себе древних греков VIII века первобытными дикарями. Теперь рас-

Слева — холм, в котором оказались развалины Вавилона (зарисовка путешественника конца XVIII века).
Справа — вид раскопок Вавилона (аэрофото съемка).

копки в Трое, Микенах, Орхомене, на острове Крите открыли перед нами прошлое Греции еще на тысячу, а то и полторы тысячи лет в глубь времен. На Крите были обнаружены за последние сорок лет грандиозные дворцы в несколько этажей, с великолепными лестницами, с фресками, замечательными по мастерству, с целым архивом иероглифических табличек.

Мифы, переданные нам древнегреческими поэтами, оказались смутными воспоминаниями об этом «доисторическом» прошлом. Многие истории Греции и Рима осветились новым светом. Истоки античной культуры стали ясней.

И в других областях Европы найдены были корни культуры, уходящие в глубокую тьму времен. В пещерах Испании и южной Франции, например, открыты росписи на стенах и резьба по камню и кости, изумительные по смелости и жизненности рисунка. По всей Европе и в Азии обнаружены стоянки первобытных людей.

Начало этим открытиям было положено тем, что датские археологи нашли при раскопках самые обыкновенные кухонные отбросы. Но оказалось, что эти отбросы оставлены были еще первобытным человеком! Среди них были найдены орудия, по которым ученые восстановили картину жизни людей «каменного века».

Интереснейшие археологические находки были сделаны на территории СССР. Стоянки, относящиеся к различным периодам развития первобытного общества, были найдены на Украине, на берегах Днепра, Волги и других рек. На нашем севере, в Карелии, найдены изумительные рисунки, сделанные на скалах древними охотниками. По этим рисункам мы узнали о жизни и верованиях древнейших обитателей севера.

Теперь можно составить карту доисторических поселений Европы. По обточке камня, по узору на посуде, по форме удильного крючка можно проследить развитие и распространение культур и даже судить об условиях существования, образе жизни, общественном строе и верованиях первобытных людей.

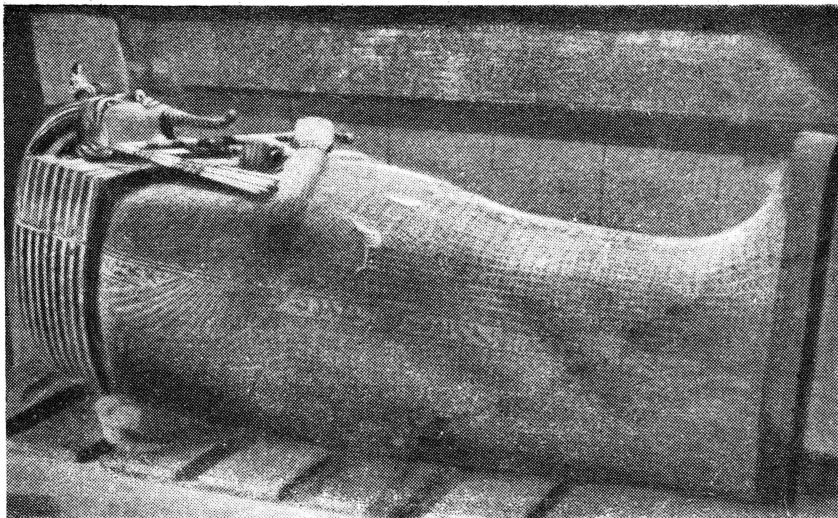
НА ЗАРЕ АРХЕОЛОГИИ

Знаменитую статую Афродиты («Венеры Милосской») нашел крестьянин, пахавший поле на острове Милосе.

Редчайшая древнееврейская надпись была обнаружена в Иерусалиме мальчиком, купавшимся в канале.

В 1850 годах в Пермской губернии мальчики бороней зацепили и вытащили из земли большую серебряную крышку. Отец сообразил, что недалеко от крышки должна быть и посуда — и действительно откопал большой серебряный котел. В нем оказалось несколько серебряных вещей отличной греческой работы.

В Полтавской губернии мальчик заметил дыру в земле, размытую дождем. Из любопытства он сунул в нее ногу. А вытащить не может: как будто кто-то держит его за ногу.

Золотой саркофаг Тутанхамона.

На крик его прибежали другие, разрыли землю. Оказалось — нога попала в большой кувшин, зарытый в земле. Кувшин был серебряный, позолоченный, с фигурными ручками и узорами. Мальчики с азартом стали копать дальше и нашли еще несколько серебряных блюдов и другую посуду.

Однажды корова попала ногой в дыру в земле и сломала себе ногу. Раздосадованный хозяин удивился, откуда здесь яма, и обнаружил, что это провал в своде древней гробницы.

Таких случайных находок было много.

Да и настоящие археологические раскопки первоначально производились любителями, не имевшими никакой подготовки, — туристами, купцами, почитателями старины.

Эти любители часто производили раскопки неправильно. Обычно искали только драгоценностей или художественных вещей. На остатки архитектуры, городских стен и гробниц не обращали внимания. Вынув вещи, яму засыпали или бросали на произвол судьбы. Простые вещи домашнего обихода, битая посуда, кости мертвых оставались на месте. Многие древние сооружения при этих «диких» раскопках были разрушены.

Только за последнее столетие археологией начинают систематически заниматься ученые специалисты.

ГДЕ КОПАТЬ?

Теперь, чтобы научно производить раскопки, требуется столько знаний и опыта, что удивляешься, каким образом сто лет тому назад первые археологи-любители смогли достигнуть своих успехов.

В наши дни археологическая экспедиция обычно отправляется на место, заранее зная, что там был древний город или могильник. Приступают к раскопкам после тщательных разведок и изысканий. Руководятся прежде всего следами развалин, черепками, находимыми в верхних слоях почвы, неровностями местности. Но опытный глаз археолога способен подметить и

такие признаки, которым никто другой не придавал бы значения.

От примеси кирпичной пыли или известки меняется оттенок почвы. Более мелкая и бледная растительность выдает, что неглубоко под поверхностью почвы — куча кирпича или камня. Неожиданная группа деревьев среди скалистой и пустынной местности заставляет думать, что здесь — наносная почва над могилкой. Много и других признаков.

Английские археологи Вуллей и Мак-Айвер раскопали в Судане храм и город, но им никак не удавалось отыскать кладбище. Неделя за неделей проходили в безрезультатных поисках и пробах. Однажды вечером, сидя на вершине холма и любясь заходящим солнцем, они обратили внимание на какие-то темноватые круги на земле, как будто тени от невидимых колец падали на светлый песок. Археологи не замечали этого явления раньше, хотя проходили по этим местам ежедневно и не раз внимательно оглядывали равнину с этого холма. Одна и та же мысль пришла им в голову. Они поглядели друг на друга и сбегали вниз. Вот здесь где-то... Но тени исчезли! Поднялись опять на холм — снова видны темные кольца. Прямо как у Гоголя: не дается клад в руки.

— Я опять сойду, — сказал Вуллей, — а вы направляйте меня сверху.

И по указаниям Мак-Айвера он отметил кучками камешков центры нескольких кружков. На следующее утро они пришли с инструментами и отрыли в каждом отмеченном месте по могиле. Могильные ямы были обложены камнями, которые за четыре тысячи лет слились в однородную массу с засыпавшим их песком. Могилы были обнаружены потому, что на закате, когда лучи солнца падали под определенным углом, это каменное кольцо выступало легкой выпуклой тенью на поверхности песка, может быть, всего в течение 5 — 10 минут и притом заметной только для наблюдателя, смотрящего с известной высоты.

Аэросъемочный фотоаппарат ока-

зывается еще чувствительнее, чем глаз археолога. Фотография, снятая с самолета, может воспроизвести точный план развалин древнего города, находящегося в земле. Она оказалась способной даже обнаружить под землей следы деревянных столбов доисторического святилища, истлевших много веков тому назад, но оставивших в почве пустоты. Посредством аэросъемки удалось заснять сеть древних дорог в Сирии, от которых на взгляд не оставалось давно и следа. И в глубину вод проникает фотография самолета. Так недавно открыли портовые сооружения древнего Тира, давно погруженные в глубину моря. Для широких разведок аэросъемка совершенно незаменима. Только благодаря ей открыты загадочные грандиозные руины Зимбабве в Африке, старинные храмы в лесах Юкатана (Центральная Америка), великая стена в Перуанских пампасах, староперсидский город в плоскогорьях Ирана.

Но недостаточно удачно попасть на место. Надо еще уметь вполне научно вести раскопки.

КАК СБЕРЕЧЬ НАЙДЕННОЕ

Археолог всегда стремится восстановить вещи, города, здания или могилы в том виде, какой они имели первоначально. Но ведь, копая, мы снимаем те слои почвы, что лежат сверху и с боков. А при этом мы всегда рискуем нарушить планы, сместить расположение вещей, запутаться среди слоев и обломков эпох, повредить и выбросить ценнейшие находки.

Археолог Шлиман в 70–80-х годах прошлого века нашел в холме Гиссарлык остатки девяти городов. Они были расположены один на другом: каждый из них строился на развалинах предыдущего.

Раскапывая Гиссарлык, Шлиман не только снес ценные развалины античной эпохи, но сильно повре-

дил и более древние руины: он старался откопать самые нижние слои, в которых думал найти остатки воспетого Гомером города Трои, поэтому безжалостно разрушал все здания, которые были в более высоких слоях. А в конце концов оказалось, что гомеровская Троя вовсе не второй снизу город, как думал Шлиман, а шестой, который был сильно поврежден раскопками.

Как же быть? Приходится непрерывно и тщательно следить за всем тем, что обнажится при остром снятии слоя за слоем, отмечая на особом плане, фотографируя и занося в дневник все наблюдения и весь ход работы. А это требует большого опыта, терпения, внимания, сообразительности и разнообразнейших знаний.

Надо знать геологию и топографию местности, чтобы разбираться в слоях почвы. Надо знать способы кладки стен в различные эпохи, формы и назначение зданий и вещей, их стили, технику и т. д.

Копая, необходимо как можно раньше сообразить, что именно находишь. Иначе можно легко принять глинобитную стену города просто за слежавшуюся глину — и выбросить ее, или принять остатки плиточного пола за высыпавшуюся облицовку — и снять их. А при раскопках ошибки и упущения уже непоправимы. Поэтому теперь раскопки производятся целыми коллективами специалистов.

Но мало уметь копать. Надо уметь сохранить вещи. Часто ткани, вынутые из древних могил, превращаются в пыль от действия свежего воздуха; серебро — в фиолетовый порошок; кость рассыпается при прикосновении; краски блекнут и исчезают от воздуха и света.

Тут надо быть наготове, во всеоружии знаний и техники.

Раскапывая Помпею, археологи находили в массе слежавшегося пепла какие-то пустоты. Сначала

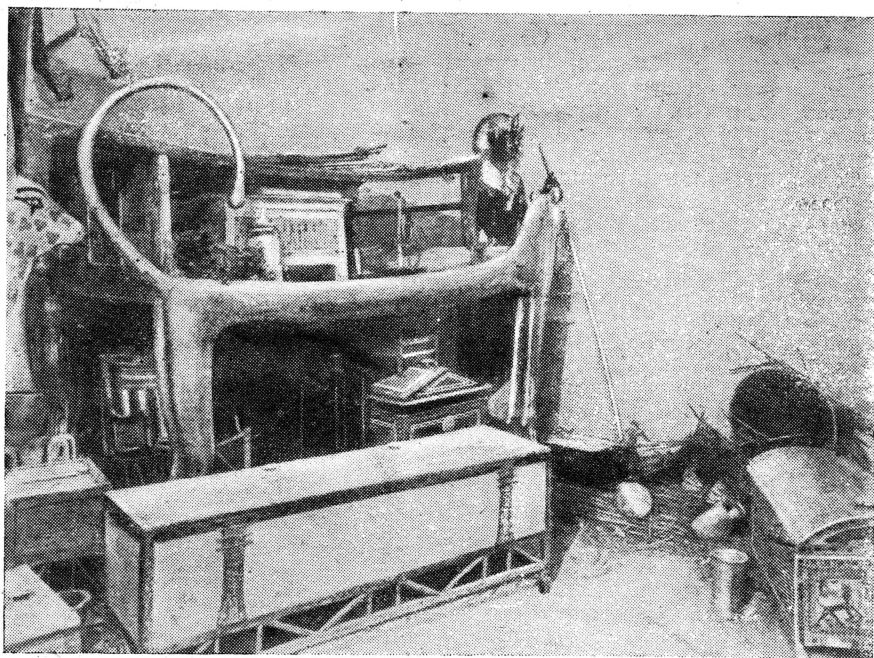
на них не обращали внимания. Теперь их стали заливать гипсом, и получается то слепок тела человека или собаки, то отливка деревянного предмета, истлевшего от жара. При раскопках в Уре как-то залили гипсом две небольшие дыры, открывшиеся неожиданно, — и получилась отливка арфы, от которой ничего не сохранилось, кроме медной головки быка, служившей ей украшением (она прилипла к гипсу в том самом месте, где была когда-то прикреплена к истлевшему впоследствии дереву). Даже опытные археологи были изумлены таким восстановлением формы исчезнувших вещей при помощи... пустоты!

В гробнице египетской царицы Хетепер было найдено множество золотых бляшек и золотых же иероглифов. Еще недавно их бы просто подобрали, и они хранились бы в музее, как образцы украшений. Теперь поступают не так. Химический анализ показал, что пыль, в которой эти вещи найдены, содержит истлевшее дерево. Но к какому же деревянному предмету эти вещицы были прикреплены? Положение каждого иероглифа и каждой бляшки было точно отмечено. Для этого были сделаны сотни зарисовок и до тысячи фотографий. Археологи догадались, что иероглифы составляли украшение одного предмета, а бляшки — другого. Затем удалось сообразить первоначальное расположение иероглифов и прочесть их. По трем кусочкам истлевшего дерева со следами шарниров была восстановлена единственная в своем роде вещь — носилки египетской царицы, умершей пять тысяч лет назад. На это было затрачено двести восемьдесят рабочих дней трех археологов. Из бляшек и еще кое-каких остатков дерева, в результате такой же терпеливой и точной работы, восстановили кресло, пожалуй, еще более редкой формы. Все это заняло у трех специалистов почти три полных года работы.

Не менее поразительны и достижения реставрации с помощью химических средств. Например, советские ученые восстановили кусочки тканей найденные в Средней Азии и казавшиеся просто комком закопченной паутины. Теперь совершенно явственен и цветной узор этих тканей и самое плетение ниток.

С помощью фотографии удается читать стершиеся надписи и рукописи, которые даже в сильную лупу невозможно разобрать. Фотография же позволяет восстановить первоначальный (обычно более ценный для нас) текст старинных пергаментов, — в средние века со старинных пергаментов соскабливали надписи, чтобы использовать дорогой материал для нового текста.

Рентгеновские, ультрафиолетовые и инфракрасные лучи, микроскопический анализ, химические способы и многие другие средства все с большим успехом применяются для реставрации древних вещей. Археология будущего сумеет восстановить такие остатки прошлого, которых мы сейчас не можем и заметить.

Первая комната гробницы Тутанхамона.

СРЕДИ ОБЕЗЬЯН

И. С. КОТЕЛЕНЕЦ

В мировой печати неоднократно поднимался вопрос: как выглядел бы человек в смысле его физического и морального облика, если бы с первых дней своего существования он рос в окружении одних только животных? Известно несколько случаев, когда ребенок, почему-либо пробывший долгое время вне человеческого общества, среди животных, приобретал их привычки, дичал. В 1799 году во французских лесах обнаружили мальчика из Авейрона, который вел дикий образ жизни. В 1921 году в Индии были найдены два ребенка — Ама-ла и Камала, жившие в пещере вместе с волками.

В американском журнале психологии «American Journal of Psychology» за январь 1940 г. напечатано сообщение научного сотрудника университета имени Джорджа Вашингтона Джона Фоли об одном из подобных случаев. Речь идет о некоем Луке, работнике на ферме, который в 1903 году 12-14-летним мальчиком был отнят у стада обезьян. Вот какие подробности о его жизни удалось узнать.

Отряд полиции, пробираясь по малоисследованному, глухому району Юго-восточной Африки, набрал на стадо обезьян из породы бабуин, резвившихся на опушке леса. Полицейский выстрелил по обезьянам. Животные в страхе бросились бежать. Одна из обезьян, однако, вскоре начала заметно отставать от других. Полицейские, думая, что обезьяна ранена, побежали к ней, но, приблизившись, они, к своему крайнему удивлению, увидели перед собой не обезьяну, а человеческое существо — мальчика-гуземца. Полицейские обступили его. Он пытался вырваться из круга, прыгая на четвереньках и издавая обезьяноподобные звуки.

Полагая, что мальчика узнают родители, отряд продемонстрировал своего пленника во всех соседних деревнях, однако он не был опознан. Тогда мальчика поместили в психиатрическую лечебницу. Он проявлял постоянную склонность к обезьяньим трюкам, передвигаться предпочитал на четвереньках, отказывался от самых изысканных блюд и охотнее всего ел сырую кукурузу и колючие плоды кактуса.

В течение года изучалось поведение мальчика, и ученые пришли к выводу, что Лука не дефективен, а лишь неразвит. После этого он переселился к фермеру Смиту.

При знакомстве с Лукой обращало на себя внимание одно любопытное обстоятельство. Тело его было покрыто многочисленными шрамами, похожими на следы от укусов животных. Происхождение этих шрамов долго оставалось неизвестным. Когда Лука научился говорить, он рассказал об одном из них — большом шраме на голове. Это событие ясно запечатлелось

в его памяти. Однажды вместе с несколькими из своих четвероногих собратьев он отправился разыскивать страусовые гнезда, чтобы полакомиться яйцами (обезьяны часто опустошают гнезда страусов). Когда он нашел гнездо и собирался взять яйца, к нему подбежал скрывающийся недалеко страус и с такой силой ударил его ногой по голове, что после этого осталась громадный шрам на всю жизнь.

На основании отдельных бессвязных сообщений Луки можно было предположить, при каких обстоятельствах он был похищен.

Как-то раз мать положила его, сонного, на землю в конце своего огорода, а сама с мотыжкой принялась за работу. Пока она работала, мальчика унесли обезьяны.

Попав снова в общество людей, Лука долго не мог избавиться от обезьяньих привычек. Несколько месяцев он оставался диким и весьма назойливым. Многими своими привычками он напоминал домашних животных, например кошек. Он очень не любил умываться и избегал воды.

На внешнем его облике также отразилось долголетнее пребывание среди обезьян. О его прошлом говорили ненормально длинные руки, чрезмерно развитой таз, постоянное дергание и кивание головой, бесконечное чесание всех частей тела указательным пальцем, а особенно — дикая, пугающая улыбка на бессмысленной физиономии.

Постепенно Лука возвращался «назад к человеку». Он научился говорить на языке семьи фермера — английском, приобрел навыки физического труда и сделался одним из добросовестных рабочих. Интересно, что в течение весьма долгого времени он совершенно не мог ориентироваться во времени, путал утро с вечером.

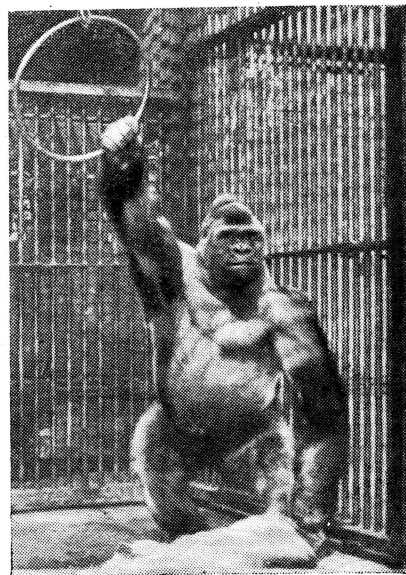
Вот собственноручно подписанная крестиком краткая автобиография Луки, облетевшая многие газеты.

«Я рабочий фермы м-ра Смита, Торцигил, район Датёрст. Вспоминаю только немногие моменты из моей жизни среди обезьян. Моя пища состояла главным образом из сверчков, страусовых яиц, колючих кактусов и дикого меда. Меня лягнул однажды по голове страус во время нападения на его гнездо. Я бывал часто искусан пчелами, когда охотился за медом. Однажды я упал в яму в поисках пищи и сломал себе ногу. Все время жизни с обезьянами я ползал только на четвереньках и спал в кустах. Жил я совершенно голым.

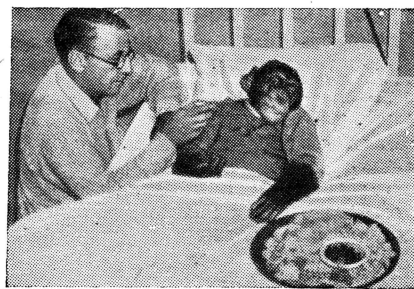
Однажды, когда я с товарищами охотился в погоне за пищей, два полицейских выстрелили по нас из револьверов. Я пытался всеми силами удрать, но был пойман и увезен на лошади. Я не могу припомнить места или района, где это произошло. Лука».

Семья беллицы шимпанзе в Лондонском зоопарке.

Десятилетняя горилла.

Обезьяна, заболевшая воспалением легких, в госпитале, куда ее поместил владелец (г. Миам, Флорида).

Директор зоопарка г. Сан-Луи (США) с обезьянами в автомобиле.

„ЗАВОЕВАТЕЛИ“

С. БОНДАРИН

Кроме романов Хаггарда, сразу и не вспомнишь другую юношескую литературу, рассказывающую об открытии, завоевании и освоении европейцами Южной Америки.

Разве не интересно узнать, что огромные страны и целые материки были покорены кучкой европейцев потому, что завоеватели были бесстрашны, умны, хитры, а главное — владели порохом, лошадьми и броней лат, чего не знали туземцы. А картины из жизни заокеанских государств! Величественная страна инков, могучая, неведомая природа. Отряды в 100—150 испанцев проникают через тропические леса и болота, переходят каменные перевалы горных цепей, выдерживают сражения с многотысячными войсками туземцев, покоряют города, страны... Участь побежденных трагична.

Книга Станислава Вольского «Завоеватели», изданная Детиздатом, рассказывает о великом конквистадоре Франциско Пизарро.

«Ни перед чем не отступать, давать клятву, когда это нужно, нарушать ее, когда это выгодно, — формулирует Ст. Вольский жестокий кодекс конквистадора. — Изменять другу, чтобы заполучить другого, более сильного союзника, говорить ласковые слова, держа наготове нож, привлекать врагов хитростью и потом истреблять их беспощадно, — только так и завоевывались государства...»

Пизарро, как он изображен в «Завоевателях», полностью укладывается в приведенную выше формулу. Но верно ли это?

Человек, который мог в минуту долгожданной победы подставить свою руку под опускающийся меч потому, что ему важно сохранить жизнь королю инков, должен быть в духовном отношении гораздо богаче, чем тот литературный тип, с которым готов мириться Ст. Вольский и которого он снова преподносит нам. Одна эта деталь способна разжечь воображение и разогреть чувство художника, чего, повторяем с сожалением, в книге «Завоеватели» оказалось меньше, чем хотелось бы. Далее. Художественное чутье могло бы подсказать, что книга выигрывает и в воспитательном отношении при условии, что в ней удастся изображение положительных черт, — и притом не только главного, но и второстепенных героев, всех тех людей, которые окружали Пизарро, следовали за ним и, наконец, тех, у кого он сам учился. Христофор Колумб, о котором сказано несколько общих фраз, проходит по начальным страницам

книги смутной и неясной тенью; потом о нем сказано, что великий адмирал умер — и все, тогда как влияние этого гения на его последователей не может не стать мотивом книги, подобной «Завоевателям».

Немало мужества, доблести и отваги раскрывается по ходу самого повествования Ст. Вольского.

Именно поэтому недостаточно толковать образы и историю конквистадоров в том духе, что только жажда наживы и власти в самом

обнаженном, элементарном виде вела людей к неведомым, опасным берегам, за перевалы Анд и Кордильеров. Таких самоотверженных «раскрывателей земных тайн», каким был современник Пизарро, прославленный Нуньес де Бальбоа было, надо полагать, немало среди рядовых, оставшихся неизвестными участников испанских походов к новым землям.

Можно ли сомневаться, что даже религиозный фанатизм в истории великих открытий сыграл свою положительную роль, с тем чтобы в конечном счете потревоженные им силы обратились против самой религии. Не случайно Франциско Пизарро, проколотый шпагами врагов, начертил своей кровью крест на плитах пола, и это было последним жестом умирающего.

Книгу «Завоеватели» нельзя не сопоставить с прежним ее вариантом, изданным в серии «Жизнь замечательных людей». Там книга Вольского называлась «Пизарро», и она, по справедливости, была отнесена к числу лучших изданий серии.

Не новая, но всегда поучительная история. Как будто немного изменено в книге: кое-что убрано, кое-что добавлено, некоторые сцены, видимо, под влиянием ложных представлений о вкусах молодого читателя, стилистически приукрашены, словом, проделано то, что называется беллетризацией материала. Сравнивайшь «Завоевателей» с их предшественником — «Пизарро», и неизбежно напрашивается вывод, что беллетристически «облегчать» уже сложившуюся, уже написанную и притом удавшуюся книгу едва ли допустимо.

Влияние великих открытий на общую историю культуры и цивилизации — разве эта тема лежит за пределами книги Ст. Вольского? Известно, например, какую роль сыграли сведения о государственном устройстве инков на просветительную и утопически-революционную литературу XVII и XVIII столетий, и об этом в первоначальном варианте книги — «Пизарро» — сказано хорошо, в меру необходимости.

«Но Новый Свет дал Европе не одно только золото и серебро... Растоптанная, уничтоженная империя Атагуальпы все же приковывала к себе внимание наиболее вдумчивых мыслителей эпохи и указывала им на возможность создания другого строя, не похожего на существующий... Золото Перу Испании не укрепило, а папскую власть распатало так, как не могли бы ее распатать никакие проповеди Лютера... Франциско Пизарро верил только в старые идеи, а между тем открытая им страна рождала в людях целый мир новых идей, расчищала путь новым, буржуазным общественным отношениям. Так перерастала затея Пизарро свои первоначальные границы и, перерастая их, приводила к непредвиденным и противоположным последствиям».

Этими словами заканчивал Ст. Вольский свой «взрослый вариант» книги, и напрасно он устранился от этой темы в детиздатовском варианте.

Думается, что книга лишь выиграла бы, если бы вместо попытки беллетризировать ее была бы другая попытка — дальнейшего развития публицистического жанра в юношеской литературе, начатого такими авторами, как Ильины, Арсеньев или П. Лопатин.

Однако при всех слабых сторонах книги в ней сохранена стройность и логичность композиции, благодаря чему в конечном счете достигается сравнительная полнота и убедительность картин эпохи.

Познавательные качества книги бесспорны.

Неплохой иллюстративный материал дополняет и украшает книгу «Завоеватели», но, к сожалению, она лишена карт, которые, безусловно, помогли бы и молодому и немалодому читателю гораздо больше, чем поверхностная, тривиальная беллетризация материала. Статьи говоря, и в этом отношении первое, «взрослое», издание было более предусмотрительно — оно карты имело.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ УДЭХЕЙЦЕВ

А. ПЛАТОНОВ

В книге В. К. Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня» описано путешествие, совершенное автором более тридцати лет тому назад в горную область Сихотэ-Алинь на Дальнем Востоке.

Арсеньева постоянно влекло в «дебри Уссурийского края», и это влечение вызывалось не только лишь профессиональным инстинктом исследователя неведомых стран, — в этом влечении была большая доля любви и глубокого интереса к «малым» народам, одаренным благородными человеческими качествами, большою душой.

Автор, путешествовавший в досоветское время, не подчеркивает этого обстоятельства, но объективным ходом изложения дает возможность читателю сделать такое заключение.

Мысль Арсеньева о скрытом преисходстве орочен и удэхейцев над людьми остальной «цивилизованной», «обжитой» земли особенно ясна в главе под названием «История топографа Гроссевича». Заметим, что все события в книге относятся к давнему времени, и Арсеньев не предвидел, что исследуемая им земля будет социалистической.

Краткая история Гроссевича такова.

Семьдесят лет тому назад во Владивосток приехал юноша-топограф. Ему дали в помощь двух солдат и поручили производство съемки по берегу Японского моря. На пустынном, безвестном морском берегу солдаты во время сна Гроссевича грабят своего начальника и оставляют его одного, без пищи и без одежды. Близкого к смерти Гроссевича находят удэхейцы, зашивают ему раны и выхаживают его.

«Прошел год. Гроссевич сжился с удэхейцами, стал понимать чужой язык, помогал им в работах и не чувствовал себя туземцем. Он увидел, что люди эти живут мирно, тихо и не ссорятся между собой. Его поразила патриархально-родовой строй, при котором все заботились о вдове и ее детях, как о своих родных. Одноплеменники искали его смерти, бросили его на произвол судьбы, а эти люди спасли его, вылечили и приютили. Гроссевич решил навсегда остаться с удэхейцами».

Два солдата, ограбившие Гроссевича, поссорились между собой и рассказали про свое преступление. Для спасения Гроссевича «из плена» была снаряжена экспедиция. Когда удэхейцы увидели приближающуюся экспедицию, они «побросали свои юрты и убежали в горы. Вместе с ними убежал и Гроссевич». Матросы преследовали их и перед рассветом напали на стойби-

ще удэхейцев. Гроссевич вступил за удэхейцев и пробовал оказывать сопротивление. Тогда арестовали его. Арестовали того, кого прибыли спасать. Двух пленных удэхейцев доставили во Владивосток; вскоре они оба умерли, а Гроссевича впоследствии, в Петербурге, признали душевнобольным. Но Гроссевич через год снова возвратился к своим любимым людям — удэхейцам. «Вот и тропинка, вот и речка, где они ловили рыбу. Гроссевич побегал по дорожке к поселку. Печальное зрелище представлялось его глазам. От стойбища остались только развалины. Все — и взрослые и малые дети — погибли от какой-то эпидемии, занесенной из города. Никто не спасся. Там и сям валялись человеческие кости и предметы домашнего обихода. Убитый горем, он вернулся во Владивосток и снова попал в больницу».

Арсеньев видел Гроссевича. «Я пришел к нему расспросить о побережье моря... Он достал карту и стал описывать по ней каждый мыс и каждую бухту. Когда Гроссевич дошел до реки Ботчи (место его первой встречи с удэхейцами), он вдруг поднял руки вверх, затем закрыл глаза и опустил голову на стол. Я услышал судорожные всхлипывания. Спустя несколько дней Гроссевич умер.

Гроссевич, петербургский человек, приобщенный к капиталистической цивилизации, был потрясен тем, что он увидел у людей патриархально-родового общества, существующих где-то вне истории, на краю земли.

В наши дни, когда социализм обеспечил культурное и счастье все будущее народов Сихотэ-Алиня и самое главное — развитие драгоценных элементов человеческой психики удэхейцев и орочен, многое, что предчувствовали Гроссевич и Арсеньев, осуществлено или исполняется. Старый удэхеец Санджур Пионка, товарищ Арсеньева по путешествиям, в 1936 году посетил Сихотэ-алиньский заповедник и понял его значение для всего родного края. Он сказал: «Моя земля — тайга скоро опять богата будет. Зверья много — много живи, лови, стреляй нету». (Цитируем по очень хорошему послесловию к книге, написанному Абрамовым.) «Доживают век старики, — пишет Абрамов, — исходившие вдоль и поперек сихотэ-алиньскую тайгу, на закате дней своих увидевшие гибель рабства и угнетения, расцвет новой, свободной жизни». В стойбищах, в колхозах горит электрический свет, люди читают книги при этом свете, по рекам идут на рыбную ловлю колхозные моторные боты; вместо жилищ-балаганов, построены удоб-

ные теплые дома и здания общественного значения: школы, кооперативы, больницы, ясли и прочее.

Книга Арсеньева делает своего читателя последователем автора и его друзей и предшественников, упомянутых в книге. Эта книга призывает читателя в страну великого будущего — на Дальний Восток, чтобы там жить и работать среди «малого», но одного из самых благородных советских народов.

Наша молодежь превосходно понимает значение Дальнего Востока для страны. В доказательство хочется привести краткие сведения из биографии одного советского юноши (см. корреспонденцию П. Синцова — «Люди Советской гавани», газ. «Правда» от 30 июля 1940 г.).

«В 1931 году к берегу Совгавани пристал пароход, и в толпе астраханских рыбаков по трапу сошел девятнадцатилетний парень, с туго набитым мешком на плече и топором. Иван Слизков окончил семилетку, мог итти в техникум, но кто-то рассказал ему про Совгавань, и он простился с товарищами. Друзья поехали в Москву, а он — в тайгу. И тут остался навсегда. За девять лет он ни разу не использовал права на отдых. В 1935 году его призвали в армию. Он служил в Забайкалье и вернулся с целой группой красноармейцев-отпускников, которых уговорил переселиться в Советскую гавань. Два года Слизков был лесорубом, потом стал бригадиром, бригадиром, мастером, начальником участка и, наконец, был назначен директором леспромхоза».

Советская гавань находится недалеко от той бухты, где когда-то погибал Гроссевич (бухта носит его имя).

Намерение советского юноши Слизкова не менее возвышенно, чем намерение Гроссевича, хотя у Слизкова оно более сознательное и плодотворное.

Но судьба этих двух юношей совсем разная, потому что Гроссевич умер в отчаянии, а Слизков и его товарищи осуществляют то, о чем лишь безнадежно мечтал Гроссевич. Они помогут удэхейцам, ороченам, нанайцам и другим народам Приморья из «малых» стать великими, и тогда их скрытое духовное сокровище станет полезным для всех и умножит силы советского общества.

ПОПРАВКА

В № 1 журнала, на стр. 5, в части тиража по вине типографии допущена опечатка. В первой колонке 11-ю строку снизу следует читать: «Мама захлопнула книжку — пора».

На странице 11 (вторая колонка, 32-я строка сверху) вместо слова «стрелял» следует читать: «стреляли».

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Ответственный редактор М. И. Павлов

Год издания пятнадцатый. Тираж 100 000 экз. Подписано к печати 20/III 1941 г. А36050. Объем 6 п. л. по 70 тыс. зн. Цена 2 рубля. Фабрика юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46. Зак. 253.

Цена 2 рубля.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ

В СССР

КОЛЛЕКТИВНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ

страхование

жизни

Свыше тринадцати миллионов трудящихся застраховано в Госстрахе по добровольному коллективному страхованию жизни

КОЛЛЕКТИВНОЕ СТРАХОВАНИЕ

ПРИНИМАЕТСЯ на СУММУ

**5 000, 4 000, 3 000, 2 000,
1 000 и 500 рублей.**

ВЗНОСЫ ПО КОЛЛЕКТИВНОМУ СТРАХОВАНИЮ ЖИЗНИ УСТАНОВЛЕННЫ

**В РАЗМЕРЕ 12 рублей В ГОД
ЗА КАЖДУЮ 1 000 рублей
СТРАХОВОЙ СУММЫ.**

**СТРАХОВАНИЕ
ПРОВОДИТСЯ
ПО МЕСТУ РАБОТЫ
ТРУДЯЩИХСЯ.**

*Колхозы!
организуите
коллективное
страхование
жизни
трудящихся*

КРОМЕ КОЛЛЕКТИВНОГО СТРАХОВАНИЯ МОЖНО ЗАСТРАХОВАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ НА ЛЮБУЮ СУММУ.

ЗА СПРАВКАМИ обращайтесь в инспекции государственного страхования во всех городах и районах Союза ССР.